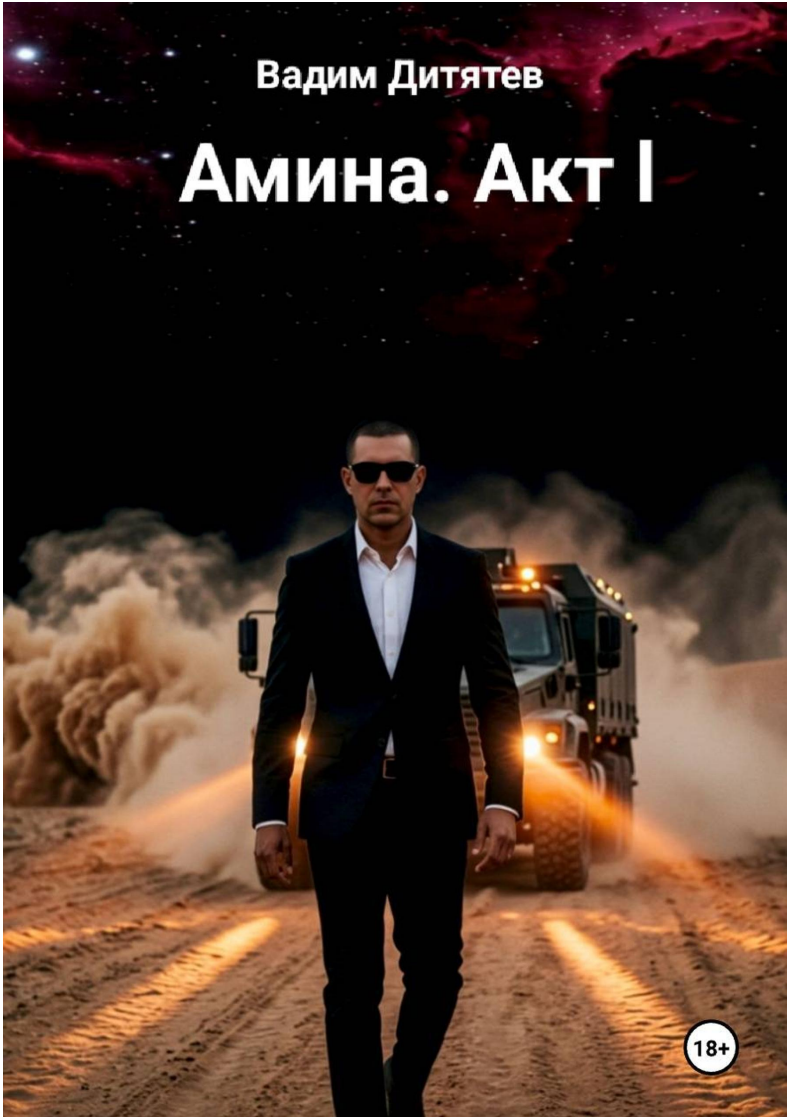

Вадим Дитятев
Амина. Акт I
18+

Вадим Дитятев
Амина. Акт I

https://litres.ru/74723387
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где наука и технологии стремятся всё объяснить, а власть - всё подчинить, провинция Аррубин начинает свой путь к опасной грани. Давление метрополии растёт, амбиции местных лидеров крепнут, а в тени уже давно принимаются ключевые решения. На одной из планет просыпается древняя аномалия и вместе с ней на горизонте обозначается потенциальная угроза, извне. Пока крупные игроки пытаются все удержать под контролем, один человек пытается просто найти себя...

Содержание

Глава 1. Среди людей. 4
Глава 2. Курс на Амину. 17
Глава 3. Портрет командора. 30
Глава 4. Дом, который требует защиты. 37
Глава 5 Новые рубежи 48
Глава 6 Когда молчание не пугает 74
Глава 7 Вечер в Лире 86
Глава 8 Когда сталь становится шёлком 97
Глава 9 Метеостанция 8 106
Глава 10 Розовый кабриолет 157
Глава 11 Песчаный странник 163
Глава 12 Кого пустыня отпускает 189
Конец ознакомительного фрагмента. 197

Вадим Дитятев
Амина. Акт I

Глава 1. Среди людей.

— Это ваше последнее слово, уважаемый мистер Вайснер? — спросил лысый мужчина. Его тёмные зрачки казались бездонными, гладко выбритый череп отливал в тусклом свете, а чёрный смокинг сидел так, будто был частью его кожи. Правой рукой, затянутой в чёрную кожаную перчатку, он держал пистолет с глушителем, целясь точно в грудь собеседника.

— Да. Я не скажу, где копия моего дневника. Вы меня всё равно ликвидируете, мистер Протэк, — спокойно ответил седой мужчина преклонного возраста. Он сидел в кресле непринуждённо, положив руки на подлокотники, и смотрел прямо в глаза своему палачу — властно, без страха.

— Я вами действительно восхищён, мистер Вайснер, — на лице Протэка мелькнула тень усмешки. — Последний, личный вопрос, не относящийся к делу. В чём смысл жизни, почтенный мистер Вайснер?

— Ни в чём, — старик улыбнулся, будто вспомнил что-то забавное.— Вот как? — в голосе Протэка проскользнуло удивление.

— Люди склонны фантазировать, приписывая себе нечто большее, чем они есть на самом деле. Наивные человеческие предрассудки, не более, — размеренно произнёс Вайснер.

— Благодарю за искренность. Мне пора сделать то, что я должен, — сказал Протэк.

— Значит, делайте то, что должны, — кивнул старик, не меняя выражения лица.

— Прощайте, мистер Вайснер, — хладнокровно промолвил Протэк и нажал на спусковой крючок.Пуля мгновенно поразила Вайснера в сердце. Он остался сидеть в кресле, словно замер, не издав ни единого звука. Лицо его не исказилось ни болью, ни удивлением — только лёгкая улыбка, будто он наконец-то услышал тот самый ответ, который искал всю жизнь.

Протэк на секунду окинул взглядом тело старика, сквозь дым от выстрела. Затем играючи снял глушитель, убрал его в специальный кармашек на ремне брюк, спрятал пистолет в кобуру под левой мышкой, надел тёмные очки и бесшумно покинул квартиру.

Оказавшись на лестничной клетке, он застыл, прислушиваясь. Из-за дверей квартир доносились обрывки телепередач, приглушённые разговоры, бытовые звуки — обычный шум жилого дома, равнодушный к только что свершившейся трагедии.

Среди них Протэк различил едва уловимый шорох — кто-то поднимался по лестнице двумя пролётами ниже, двигаясь

с особой осторожностью. Не теряя ни секунды, он бесшумно направился вверх.

Два детектива — молодой мужчина и женщина — с пистолетами в руках тихо вошли в квартиру. Быстрый осмотр комнат привёл их в большую гостиную, где в кресле застыло тело профессора Вайснера. На белой сорочке в районе сердца расплылось кровавое пятно. Глаза профессора были закрыты, голова слегка склонилась набок. В воздухе висел резкий запах пороха.

— Мы чуть-чуть не успели, — с досадой произнёс мужчина.

— Он не мог далеко уйти. Давай вниз, — сдержанно сказала женщина, пряча оружие в кобуру.

Она выскользнула из комнаты, и они бегом бросились по лестнице.Выскочив из подъезда на тротуар, детективы оглядели бульвар. По улице неспешно шли люди, ехали автомобили.

Внимание привлекла фигура лысого мужчины в чёрном костюме — он садился в роскошный тонированный седан шоколадного цвета на противоположной стороне улицы.Детективы переглянулись, прыгнули в чёрный «Адсекор», припаркованный у подъезда. Машина сорвалась с места со свистом, развернулась через две жёлтые сплошные линии, не обращая внимания на возмущённые гудки, и устремилась на запад по бульвару вслед за «Калумом».

— Диспетчер, говорит детектив Винд Норд, «Фрост-9»,

код 7, повторяю, код 7, — возбуждённо проговорил Норд по рации, сидя на пассажирском сиденье.

Детектив Джетра Линн уверенно вела автомобиль, виртуозно обгоняя поток.

— Код 7: мужчина без явных признаков жизни, огнестрельное ранение, седьмая авеню, сорок пять. Приём. Ведём преследование предполагаемого преступника. Приём. Подозреваемый двигается на «Калуме» коричневого цвета, без номеров, в направлении Сильвер-стрит, — Норд добавил описание внешности.

— Принято, «Фрост-9». Высылаю свободные экипажи. Время прибытия — десять минут, — ответил холодный женский голос диспетчера.

— Почему так долго? — сердито вскрикнула Линн, резко уходя в очередной манёвр.— Чёрт его знает, всегда две минуты, — буркнул Норд. Он достал из вещевого отделения красную мигалку в форме капли на магнитной подложке, открыл окно и закрепил её на крыше.На передней облицовке «Адсекора» заиграли стробоскопы, на крыше заморгала мигалка, раздался пронзительный вой сирены. Автомобили начали расступаться, освобождая дорогу.

Шоколадный «Калум» стоял на перекрёстке в среднем ряду, ожидая разрешающего сигнала светофора. «Адсекор» приближался сзади, пока без сирены и маячков.

Наконец они нагнали свою цель. Загорелся зелёный, и «Калум» продолжил движение прямо по бульвару.Снова

вспыхнули огни и завыла сирена.— Водитель коричневого «Калума», сделайте остановку справа, на обочине, — раздался голос Норда из громкоговорителя, и сирена утихла.Загорелся правый поворотник, и преследуемый автомобиль начал смещаться вправо.

— Вот так, — довольно произнёс Норд, поймав взгляд напарницы.

В этот момент «Калум» со свистом шин резко развернулся в противоположную сторону, оказавшись почти лицом к лицу с детективами, только чуть левее. Сквозь опускающееся тонированное водительское окно показалось дуло дробовика. Грянул выстрел. Машина тут же сорвалась с места, проскочив мимо.

Автомобиль детективов принял на себя ещё как минимум два выстрела.Детективы успели пригнуться. Дробь разлетелась широким веером, оставив пробоины на капоте, разбив левую фару и слегка повредив ветровое стекло. По тротуару заметались испуганные прохожие, раздались крики, сигналы автомобилей.

Линн мгновенно продолжила погоню. Сирена и мигалки снова заработали. Она виртуозно, почти с места, развернула машину и погнала своего слегка побитого, но верного «железного коня» вслед за ускользающим преступником. Норд окинул взглядом улицу, убедился, что нет случайных раненых, и снова взялся за рацию, вызывая подкрепление.

Автомобили неслись по Синему бульвару на бешеной ско-

рости — преследуемый и преследующий. На одном из перекрёстков к погоне присоединился свободный патрульный автомобиль — белый, с синими и оранжевыми светоотражающими полосами и целой гирляндой огней на крыше, переливающейся синим, оранжевым, жёлтым и красным.

Линн выводила машину из заносов на каждом повороте, стискивая зубы и проклиная преступника. Норд координировал действия с патрульным экипажем и диспетчером. «Калум» нырнул в один из переулков, едва не сбив двух пешеходов. Три автомобиля мчались по узкому проёму между многоэтажками, сметая мусорные пакеты и коробки. Из окон высовывались зеваки, с интересом провожая погоню взглядами. «Калум» выскочил на пустырь, снеся забор из металлической сетки, и направился в сторону загородного шоссе, поднимая облака пыли.

Вскоре погоня переместилась на четырёхполосное шоссе, разделённое жёлто-оранжевой двойной сплошной линией. Полицейские автомобили держались на безопасной дистанции, стараясь минимизировать риски для других участников движения.

Норд нервно закурил, выпуская дым в приоткрытое окно, и снова обрушился на диспетчера:— Код 7, код 7! Диспетчер, где дорожная полиция, где вертолёт? Почему мы до сих пор вдвоём преследуем очень опасного преступника?

— Винд, я тебе, кажется, уже говорила, чтобы ты не курил в моей машине, чёрт возьми! — прошипела Джетра, подклю-

чая передатчик к системе управления автомобилем.

— Давай остановимся, я покурю на улице, а потом мы снова вернёмся к преследованию. Этот гад наверняка нас подождёт, — язвил Винд, закуривая следующую сигарету.

— Я тебя вышвырну из машины прямо на ходу! — крикнула Джетра. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Брось с ней трепаться!

— Диспетчер, ты живой человек вообще? Меня с напарником чуть не пристрелили, а у тебя в голосе ничего не поменялось! Мы уже полчаса без прикрытия нагоняем его! — наиграно возмущался Винд.

Диспетчер холодно предупредила его о нарушении субординации и засорении эфира.

— Ты профан, Винд, даже диспетчер дала тебе отворот, — дразнила Джетра, но в её глазах мелькнула улыбка.

— Ты ошибаешься. Просто я женат и не могу вот так взять и обаять её — как и тебя, хотя могу с лёгкостью, — Винд вальяжно развалился в кресле, нагло улыбаясь.

— Меня? — засмеялась Джетра. — Ты безнадёжен, Винд. Я недосягаема для тебя. Хоть ты и детектив, даже не думай обо мне. Если бы не твоя жена, я бы тебя выкинула из машины на ходу ещё полчаса назад.

— Спасибо, что не сделаешь Синтию вдовой. Я тебе премного благодарен! Не оставишь её одну наедине с долгами на пять сотен тысяч кенов в этом жестоком и бесчеловечном мире. Хотя, с другой стороны, дай подумать, ты будешь с ней

жить вместо меня и выплачивать кредиты, — иронизировал Винд, подмигивая напарнице.

— Нет уж, разбирайтесь с долгами сами. И заводите детей с Синтией сами. Я умываю руки, — смеясь, ответила Джетра.

— За что я люблю тебя, детектив Линн, так это за то, что ты любишь меня, — рассмеялся Винд, заметив удивлённый взгляд напарницы, которая от наглости напарника подняла черные брови. — Вот этот парень тоже заботливо показывает, куда он свернёт, — он показал на мигающий правый поворотник «Калума».

— Да он ещё и издевается, — стиснула зубы Линн, глядя на поворотник и дорожный знак, указывающий на съезд на Восточное шоссе через два километра.

— «Смайл-16», приготовьтесь, мы едем на Восточное шоссе, — сообщил по рации Винд патрульному автомобилю.

Преследуемый автомобиль действительно ушёл вправо, сворачивая на двухполосное Восточное шоссе. Полицейские машины последовали за ним.Винд доложил обстановку диспетчеру и получил долгожданную новость: пять экипажей поддержки уже следуют за ними, их разделяет всего шесть минут. Вертолёт также выслан на помощь.

— А теперь игрушки окончены, — строго сказала Джетра и ускорила автомобиль, почти поравнявшись с левым задним крылом «Калума», заняв встречную полосу, которая была пустой.

— Водитель, приказываю немедленно остановиться!

Огонь на поражение! — она говорила в громкоговоритель.

В этот момент Винд выбросил окурок в окно, вынул табельное оружие, снял с предохранителя, выстрелил в воздух и направил пистолет на автомобиль. «Калум» резко ударил по тормозам. Патрульная машина, шедшая сзади преступника, не успела сбросить скорость. На мгновение «Адсекор» оказался слева впереди. От удара патрульный автомобиль получил повреждения, несмотря на металлическую защиту спереди, потерял управление, начал вилять и постепенно отставать.

«Калум» сильно тряхнуло, багажник вмялся до самого заднего стекла, но машина практически не потеряла управление. Напротив, когда Джетра начала сбавлять скорость, «Калум» начал ускоряться и бить в правое заднее крыло её машины. От удара «Адсекор» развернуло, и он едва не перевернулся на крышу. Джетра была пристёгнута ремнём безопасности и не получила повреждений. Винд, который не был пристёгнут, ударился головой о переднюю стойку и на короткое время потерял сознание. Оглядев напарника, Джетра нажала на педаль акселератора, крутанула руль, и подбитый «Адсекор» продолжил преследование.Винд пришёл в себя. Изображение в глазах постепенно прояснилось. Он огляделся, осознав, что снова сидит в пассажирском кресле.

— Ты как? — заботливо спросила Джетра, продолжая набирать скорость. Машина преступника оставалась в зоне ви-

димости, хоть и на приличном расстоянии.

— Да вроде нормально, — Норд приложил правую руку к виску и почувствовал липкую кровь. — Я ведь и вправду думал…

— Что? — вопросительно посмотрела на него Джетра, одновременно связываясь с диспетчером.

— Игрушки и вправду закончились, — уже другим тоном ответил Винд, глядя на окровавленную руку.

— Диспетчер, говорит детектив Линн. Детектив Норт Винд ранен. «Смайл-16», возможно, тоже. Где чёртово подкрепление? — яростно закричала Линн, разрываясь между дорогой, напарником и отставшим патрултным автомобилем.

Последовал холодный, безэмоциональный голос диспетчера:— Подкрепление уже в пути. Доложите подробнее обстановку.

— «Фрост-9» продолжает преследование. Детектив Норд получил повреждения — сотрясение мозга, пришёл в себя. «Смайл-16»: код девять-один, код шесть-пять, — чётко доложила Джетра, подавляя эмоции и возвращаясь к работе с помощью привычной медитативной практики.

Винд снова закурил, нашёл свой пистолет где-то под ногами, принял задумчивый вид. О чём он думал, было неясно. Он молчал и смотрел вперёд.

Расстояние между машинами сокращалось. Джетра выжимала из «Адсекора» всё, на что он был способен. Спустя

некоторое время они снова нагнали «Калум». Из водительского окна показалась рука с пистолетом.

— Пригнись! — успел крикнуть Винд и пригнулся сам.

Над его головой, в ветровом стекле появились пять сквозных отверстий. Пули застряли в подголовнике кожаного сиденья. Джетра не стала пригибаться, доверяя своему чутью и сохраняя контроль над машиной. Винд открыл огонь по тресновшему заднему стеклу, целясь в левую часть, где сидел водитель, затем переключился на заднее левое колесо. С пятого выстрела он пробил его, и «Калум» начало носить из стороны в сторону.

Дорога уходила вправо, петляя через горное ущелье, и выходила к мосту. Линн сбавила скорость. «Калум», теряя управление, скользил влево, к металлическому отбойнику, за которым зияла пропасть. Не сбавляя скорости, машина снесла ограждение и исчезла из виду.

Детективы выскочили из машины и бросились к обрыву. Внизу, на берегу реки, тёмной лентой растянувшейся по ущелью, груда металла, бывшая когда-то «Калумом», еще перекатывалась, а затем с оглушительным ударом врезалась в огромный валун. Останки ускользающего автомобиля загорелись.

Детективы молча смотрели вниз, каждый думая о своём. Винд присел на гравий, закурил и продолжал смотреть на догорающие обломки. Линн связалась с диспетчером и доложила о случившемся.

Подъехал повреждённый патрульный автомобиль. Из него вышел постовой с позывным «Смайл-16».

— Цел? — поинтересовался Винд, оглядываясь на постового.

— Я — то цел, а тот парень, видимо, не очень, — постовой кивнул в сторону ущелья.

— Как твоя голова? — Джетра подошла к Винду с аптечкой.

— Нормально, — ответил он, хотя рассечённая кожа на виске причиняла ощутимую боль и продолжала кровоточить.

Линн заботливо промокнула рану марлевым тампоном, склонившись над ним. Винд морщился, но молчал. Он смотрел на её лицо, словно на цветущий цветок тёплой весной. Её губы сжимались, когда она промакивала рану, стараясь причинить ему как можно меньше боли. Винд слышал её дыхание, и его сердце забилось быстрее. «Как же ты прекрасна, моя подруга, люблю тебя по дружески», — думал он про себя. Постовой не сводил глаз с Джетры, любуясь её грациозными движениями и манящей фигурой.

Над ущельем раздался нарастающий гул. Чёрный вертолёт с белыми, ядовито-жёлтыми и синими полосами стремительно приблизился и завис в воздухе.

Длинные чёрные волосы Джетры развевались на ветру от лопастей. Винд смотрел на неё — она была неотразима.

Вскоре подъехали пять патрульных автомобилей в фор-

менной раскраске. Прибыл комиссар с оперативной группой, который подтвердил смерть профессора.

Глава 2. Курс на Амину.

«Валькирия» шла сквозь пелену. Корабль уходил в багрово-фиолетовую вуаль, она обволакивала корпус, окрашивая переборки в странные, сумеречные тона. В отсеках свет стал мягче, приглушённее, и даже гул двигателей звучал иначе — не как стальной рык, а как низкий, размеренный голос.

Кира Вэнс стояла у главного иллюминатора, не отрывая взгляда от этой живой завесы. На её лице плясали странные, сумеречные тени: багровый, фиолетовый, тёплый, холодный — будто туманность уже примеряла её к этому сектору, проверяла, подойдёт ли. Кира не отстранялась. Позволяла.

Для неё рубино-фиолетовая туманность была границей. По одну сторону Рания: города, где небо всегда было голубым. Где проспекты были прямыми, как стрелы, а в парках скульптуры стояли так ровно, будто сами звёзды помогали их устанавливать.

Она вспомнила тот день в штабе. Высокие потолки, мрамор, отполированный до зеркального блеска. Тихий, почти интимный свет настольных ламп. И голос, который она узнала бы из тысячи — спокойный, низкий, с едва уловимой хрипотцой, оставшейся после того самого боя у пояса Иллис, где Сэд Нюрин потеряла половину своего флота, но вывела всех

выживших.

— Командор Вэнс, — сказала адмирал Сэд Нюрин, не глядя на бумаги. Она вообще редко смотрела на бумаги, когда говорила с Кирой. Она смотрела ей в глаза. — Вы направляетесь в созвездие Амарра. Дальние рубежи. Ваша задача — стабилизировать сектор, выстроить патрули, подготовить инфраструктуру к возможным осложнениям.

Кира тогда не спросила «почему меня». Она знала почему. Потому что Сэд сама её учила: «Хороший командир не тот, кто выигрывает в идеальных условиях. Хороший командир — тот, кто находит порядок там, где космос решил поиграть в хаос».

— Это не ссылка, Кира, — тихо добавила Сэд, когда Кира уже собиралась выйти. Она подошла ближе, не как адмирал к подчинённой, а как наставник к лучшей ученице. — Мы знаем, что там назревает напряжение. Пока оно тихое. Но оно есть. И когда оно станет громким, нам нужно будет знать, что на той стороне есть кто-то, кто не сломается. Кто-то, на кого можно опереться. Я ставлю вас туда. Не кабинетные стратеги. Я. Потому что если кто и сможет удержать этот сектор, пока политики будут договариваться, так это вы.

Сэд чуть улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у младших офицеров подгибались колени, а у старых ветеранов теплело в груди.

— И не смотри на меня так, будто я тебе приговор зачитала. Это честь. Самая тяжёлая, самая настоящая честь, ка-

кая только бывает.

Кира кивнула. Без обещаний. Просто приняла приказ, как принимают щит — тяжёлый, но нужный.

— Я не подведу, — просто сказала она.

Сэд кивнула в ответ. И в этом кивке было всё: и доверие, и гордость, и тихая просьба: «Просто вернись. Даже если придётся тащить корабль на себе».

Кира не знала планов правительства. Не знала, какие протоколы уже могли быть подписаны в тихих кабинетах, какие договоры висят на волоске, какие тени собираются у границ. Да и не должна была знать. Её дело было проще и тяжелее одновременно: стоять на рубеже и держать линию. А остальное — пусть решают те, кто сидит дальше от звёзд.

На голопанели перед ней медленно разворачивалась карта созвездия Амарра. Две звездысолнца, сплетённые в тихом танце, отбрасывали тёплый и холодный свет на цепочку планет, словно сами выбирали, кого греть, а кого оставлять в тени. Карта медленно вращалась, и планеты на ней мерцали — каждая посвоему: Амина тёплым, ровным светом, Зарра — спокойным, почти недвижным, Аджи — рваным, тревожным. Будто крошечные сердца, и у каждого свой ритм.

Звёзды. Лира — тёплая звезда, «песня». Её свет золотистый, мягкий, будто вибрирует, отзывается в тишине корабля. По ней сверяют курс, когда туманность глушит маяки. На Амине говорят: «Лира сегодня поёт ровно — хороший знак». Мора — холодная звезда, «граница». Её лучи сереб-

ристоголубые, резкие, будто чертят невидимые линии между системами. Мора ставит тени там, где нужно быть осторожнее.

— Амина, — прошептала Кира, и это слово прозвучало не как пункт маршрута, а как обещание.

Амина. Планета, где она никогда не жила, но которую уже считала домом. Не потому что там было красиво, а потому что там не нужно было всё время быть на виду. Там можно было просто быть Кирой Вэнс. И когданибудь, когда все отчёты будут подписаны, а патрули — расставлены, она купит себе хорошую квартиру. Не имение с парком и охраной, не башню, откуда видно весь город. Она вполне могла свободно себе позволить всё это, но она предпочитала квартиру в старом районе, где из окна был бы виден обязательно парк или сквер, где бы радовали своим ароматом тысячи цветов, а прекрасное пение птиц успокаивало слух...

Дальше по орбите лежала Зарра — пустынная планета, похожая на Аджи, но менее суровая. Если Аджи была бурей, которая проверяла тебя на прочность, то Зарра была тишиной, которая проверяла твою волю. Её пески не резали, как ножи, а обволакивали, словно шептали: «Останься. Здесь спокойно. Зачем тебе кудато лететь?» Это была планеталовушка для уставших. Кира знала: если когданибудь её силы начнут таять, Зарра будет ждать, чтобы предложить ей передышку. Но передышка в этом секторе могла стоить слишком дорого.

За Заррой — Нура, планетаоазис, покрытая изумрудными лесами и глубокими синими озёрами. Её называли «лёгкими созвездия».

Ещё дальше — Аджи, оранжеворыжая, неукротимая. Кира знала, что на Аджи нельзя спешить. Там нужно слушать, как поёт песок, и доверять только тем, кто умеет молчать.

Рядом с Аджи висел Сахр — серый, угловатый, будто сколотый из одного куска скалы. Его гравитация была капризной, непредсказуемой. Сахр будто решал сам, кого подпустить, а кого швырнуть прочь.

Потом орбита уходила в холод.

Карта показала Карз — планетусплошные горы, покрытую такими же гигантскими хребтами из голубого льда. Между ледяными пиками лежали долины, засыпанные алмазной пылью. В определённые сезоны, когда оба солнца вставали под нужным углом, Карз вспыхивал, как драгоценность. Но жить там спокойно было невозможно: ветра очень сильные. Не для комфортного пребывания.

На самой окраине, там, где свет почти сдавался перед тьмой, лежала Криона — ледяная громада, отливающая фиолетовым и бледноголубым. Её полюса были утыканы гигантскими ледяными шпилями, похожими на застывшие волны. На ней было очень много снега, и геологи её ласково называли «Снежной», хотя эта планета не обещала быть ласковой.

— И её спутник, — тихо сказала Кира, будто разговаривая

с картой.

Фальх. «Трещина». Мёртвый мир, покрытый сетью глубоких разломов. Чёрный лёд, который не таял даже в редкие моменты, когда лучи солнц касались его краёв. Фальх был тихим, холодным стражем, который смотрел на Криону с вечной преданностью.

Созвездие было необычным. Не таким, как выверенные узоры Рании, где каждая линия имела смысл и назначение. Амарра была другой — дикой, неровной, упрямой. Но от этого она казалась Кире даже красивее. Красота, которая не просит восхищения, а требует понимания.

В этот момент раздался сигнал связи. На экране появился капитан патрульного крейсера Протектората Рания — седой, с лицом, изборождённым шрамами и годами вахт. Он отдал воинское приветствие — не формально, а так, как отдают тем, кого понастоящему уважают.

— «Валькирия», это патруль «Северный рубеж». Подтверждаем коридор. Держите дистанцию двадцать тысяч, мы вас не потревожим. И… — капитан чуть помедлил, и в его голосе прозвучало чтото личное, не по уставу, — счастливого пути, командор Вэнс. Знаю, сектор непростой. Но если кто и сможет его удержать, так это вы.

Кира почувствовала, как внутри чтото тихо щёлкнуло — не гордость, а благодарность. За то, что её не просто пропускают, а доверяют.

— Благодарю, «Северный рубеж», — спокойно ответила

она. — Мы пройдём чисто. И если понадобится помощь — дайте знать.

Капитан кивнул, и экран погас.

Кира вернулась к столу, но не села. Стояла, глядя на карту, и думала не о планетах — о человеке.

Юрий Джедар.

Она знала его. Не близко — но достаточно, чтобы уважать. Они встретились три года назад, на брифинге в штабе флота на Рании. Джедар приехал с докладом о состоянии сектора — сухой, точный, без единого лишнего слова. Кира тогда была ещё капитаном первого ранга, сидела в конце зала и слушала, как этот высокий, основательный человек, будто выточенный из тёмного базальта, рассказывает о провинции так, будто говорит о собственном доме. Без пафоса. Без жалоб. Без просьб. Просто — вот что есть, вот что нужно, вот что я делаю.

После заседания они столкнулись у кофейного автомата. Джедар посмотрел на неё — тёмносерыми, внимательными глазами, которые считывали не звание, а человека — и сказал:

— Вы Вэнс. Та, которую Сэд хвалит в каждом втором отчёте.

Кира чуть приподняла бровь.

— Адмирал хвалит многих, генерал.

— Нет, — ответил Джедар спокойно. — Сэд хвалит многих. Но в вашем случае она пишет «можно опереться». Я за-

поминаю такие формулировки.

Короткий кивок — и он ушёл. Не фамильярно, не холодно — просто. Как человек, которому не нужно ничего лишнего.

Сейчас, глядя на мерцающую Амину на карте, Кира думала: Джедар — единственный человек на той стороне туманности, встреча с которым не пугала её. Не потому что он простой — он сложный, это видно. А потому что он честный. Сэд не стала бы ставить её в сектор, где губернатор — слабак или хитрец. Сэд ставит туда, где можно работать. А с Джедаром можно работать.

«Можно опереться». Джедар запомнил. Кира тоже запомнила.

Она села в кресло и снова открыла планшет. На экране была открыта первая глава книги «Среди людей» — та самая, любимая, про Винда Норда и Джетру Линн. И пока что единственная глава.

Она перечитывала эту главу, наверное, раз двадцатый. Ждала продолжения, которое пока не выходило. И каждый раз цеплялась за одно и то же место.

Протэк стоит перед стариком с пистолетом. Спрашивает — не как убийца, а как человек, которому в самом деле любопытно: «В чём смысл жизни?» А Вайснер, профессор, который через секунду умрёт, улыбается. Будто вспомнил что-то забавное. И говорит: «Ни в чём. Люди склонны фантазировать, приписывая себе нечто большее, чем они есть на самом деле. Наивные человеческие предрассудки, не более».

И потом пуля. И он остаётся сидеть в кресле с этой улыбкой. Как будто ответ его не испугал, а обрадовал. Как будто он всю жизнь искал именно это: честность. Никакого утешения, никакого «всё будет хорошо». Просто ни в чём. И от этого спокойно.

Кира закрыла планшет и откинулась в кресле.

Она не могла объяснить, почему именно этот кусок цеплял её сильнее всего. Может, потому что она каждый день видела людей, которые прятались за смыслами — за званиями, за приказами, за формулировками из устава. Которые говорили «мы выполняем задачу», когда на самом деле просто боялись признать, что не знают, зачем. А Вайснер — старик с пулевым ранением в груди — сказал это вслух. И умер не с криком, а с улыбкой. Не потому что сдался. А потому что перестал врать себе. А может, о чёмто ещё знал...

Кира не соглашалась с ним. Она не верила, что всё бессмысленно. Но ей нравилось, что ктото посмел сказать это так. Без оглядки на читателя, без подбодрения, без «но ты держись». Просто ни в чём. И вот в этой честности, в этой фразе, было больше опоры, чем в тысячах красивых фраз о долге и свете.

Потому что если мир не обещает тебе смысла, а ты всё равно держишь курс, — значит, курс — это и есть твой ответ. Не тот, который тебе дали. Тот, который ты выбрал сам.

— Ни в чём, — тихо повторила Кира, глядя в иллюминатор на багровую пелену. — Может быть. Но я всё равно иду.

Она улыбнулась той самой тёплой улыбкой, от которой таяли даже самые стойкие. Не потому что слова профессора были добрыми. А потому что они были честными. И эта честность вдруг делала пустоту чуть менее пугающей.

Ей нравилось думать, что эти строки ктото вывел не ради наград и не ради славы, а просто чтобы сказать правду. Что гдето там человек берёт и пишет: «Ни в чём. Но ты не один в этом ни в чём». И пусть она не знала, кто это, ей хватало самой этой мысли. Хватало знания, что ктото помнит: когда вокруг только тьма, самое важное — не перестать держать штурвал. Даже если никто не обещает тебе, что впереди обязательно будет свет.

— Может быть, — прошептала она, — ожидание — это тоже своего рода подвиг. Может быть, самое важное — не перестать ждать, даже когда кажется, что ничего не случится.

Палец завис над кнопкой «Ответить». Всего один комментарий — чтонибудь короткое и простое: «Спасибо за эту главу». Или даже так: «Хороший слог. Особенно сцена с напарниками».

Но Кира не нажала. Потому что знала: если она сейчас ответит, это станет чемто бóльшим, чем просто комментарий под постом. Это станет разговором. А к разговору с незнакомцем, который пишет так, будто знает её лучше, чем она сама, она не была готова. Не сейчас. Может быть, не завтра. Может быть, вообще никогда.

Вместо этого она закрыла файл, но не удалила его. Оста-

вила в папке «Избранное» — рядом с рабочими отчётами, звёздными картами и старым письмом от Сэд, которое хранила не из сентиментальности, а потому что в нём было одно слово: «вернись».

Кира встала, поправила воротник формы, проверила, ровно ли сидит значок командора. В отражении металлической панели на секунду мелькнуло её собственное лицо, усталое, но спокойное. И в этом спокойствии не было равнодушия. В нём была готовность.

Она вышла в коридор. Гул корабля стал громче, привычнее, роднее.

В коридоре её уже ждала Мира — и в этом ожидании не было суеты, только собранность. У неё была лёгкая, экономная стать человека, который привык к невесомости и резким сменам гравитации: каждое движение — точно выверенное, будто она заранее просчитывает, сколько энергии уйдёт на шаг. Рост средний, но осанка делала её чуть выше: плечи развёрнуты, спина прямая, но не напряжённая — в ней чувствовалась внутренняя устойчивость, нужная, чтобы не дрогнуть, когда корабль трясёт.

Лицо спокойное, открытое, без резких углов — черты не броские, но запоминающиеся именно этой собранностью. Взгляд чуть прищуренный, будто она всегда держит в голове ещё один слой данных поверх того, что видит прямо сейчас. Тёмные волосы собраны в аккуратный низкий хвост — ничего лишнего, чтобы не мешало, когда приходится низко на-

клоняться к панелям или резко поворачиваться. У виска выбилась одна тонкая прядь — и Мира не торопилась её убирать, будто даже эта маленькая деталь помогала ей оставаться чуть ближе к реальности.

Форма сидела чуть свободнее, чем у Киры. не из небрежности, а чтобы ничто не сковывало в момент резкого манёвра. Тёмно-серый цвет с тонкими тёмно-синими вставками по рукавам и вдоль боковых швов — не декор, а функциональные линии, по которым проще считывать положение тела в полумраке отсека. На левом рукаве — тонкая нашивка с простой линией: не карта, не созвездие, а просто прямая, уходящая вперёд. Кто-то видел в ней траекторию, кто-то стрелку компаса. Для Миры это была линия, которая не даёт забыть, куда они движутся.

В руках она держала планшет, но держала его так, будто это не устройство, а продолжение её собственных рук — пальцы легко скользили по сенсорной панели даже без касания, привычно нащупывая нужные слои данных. На правом запястье поблескивал тонкий металлический браслет — старый калибровочный маркер с транзитной станции, её маленький якорь: когда пальцы касались холодного металла, она на секунду заземлялась и снова видела всю картину целиком.

— Мы держим курс на Амину, — сказала Кира, и в её голосе не было ни дрожи, ни пафоса, только спокойная уверенность. — И пока мы летим, я хочу, чтобы каждый на этом ко-

рабле знал созвездие наизусть. Не как строчки в отчёте, а как свой собственный дом. А может, уже завтра мы начнём тренировки: пусть каждый сможет провести «Валькирию» между Сахром и Аджи с закрытыми глазами. Пусть каждый почувствует, как дышит Карз и как молчит Фальх.

— Принято, — Мира чуть склонила голову, не отступая ни на шаг, будто сама была частью курса корабля. — Уже передала по внутренней сети. Реакция интересная: вахтенные молчат, но я видела, как техник Юрлов открыл звёздный атлас. И рулевой Ханна подошла к иллюминатору — первый раз за весь полёт.

Кира чуть улыбнулась. Не широко — уголком. Но Мира увидела и поняла: это значит «хорошо».

Глава 3. Портрет командора.

Если бы кто-то спросил у экипажа «Валькирии», какая она, Кира Вэнс, ответы прозвучали бы по-разному — и все были бы правдой. Но если сложить их вместе, получался портрет, который невозможно забыть.

Техник из машинного отделения, вечно пропахший озоном и смазкой, ворчал, не отрываясь от панели:

— Она ходит так, будто палуба — это её личная дорожка, и если тут хоть один болт сидит криво, она это почувствует пяткой. Длинные ноги, осанка… я бы на её месте уже сто раз споткнулся о какой-нибудь кабель, а она идёт — ровно, спокойно, ни шагу лишнего. И знаешь, что самое странное? Когда она стоит рядом, ты вдруг начинаешь делать всё на полмиллиметра точнее. Просто потому, что она смотрит.

Пилот, парень с вечной улыбкой, хмыкнул:

— Кира? Она как шторм, который ты видишь ещё за три орбиты. Ты знаешь, что он придёт, и ты готовишься. Но пока он не ударил, она просто стоит и говорит: «Держи курс». И ты держишь. Потому что если она говорит «держи», значит, есть за что держаться. А ещё… она красивая. Но не так, что

хочется просто глазеть. А так, что понимаешь: эта красота — тоже оружие. Она знает, как на неё смотрят. И пользуется этим, чтобы никто не смел сомневаться в её приказах.

Кто-то из новичков однажды спросил у навигатора:

— Почему у командора эти стрелки на глазах? Это мода такая?

Навигатор только хмыкнула, не отрываясь от карты:

— Это не мода. Это прицел. Кира смотрит и сразу видит, где трещина, где сбой, где человек вот-вот сломается. Ей не нужно сканировать систему, чтобы понять: что-то не так.

А про шрам у виска вообще никто не спрашивал. Его почти не видно — тонкая светлая линия, как царапина от звёздного ветра. Но те, кто служил с ней на «Северном рубеже», знали эту историю. Перегрузки в секторе JQ-6 зашкалили. Системы кричали. Люди кричали. А Кира держала штурвал, пока не прошла волна. Держала так, что металл стонал, а она — нет. Шрам остался как напоминание: космос не прощает ошибок, но и не ломает тех, кто держит курс.

Внешность её была такой, что взгляд на ней не задерживался — и именно поэтому её запоминали. Стройная, но не

хрупкая: в её фигуре чувствовалась грация и скрытая сила, не показная, а настоящая. Длинные ноги, привыкшие к резким манёврам корабля и к долгим переходам по коридорам. Чёрные волосы до бёдер — густые, тяжёлые — она всегда туго стягивала в низкий узел, ни одна прядь не смела вырваться вперёд. Только иногда, в тишине каюты, когда все системы работали как часы, она позволяла себе распустить их, и тогда они рассыпались по плечам, как тёмная вода.

Её кожа была слегка смуглой, не от загара, а от природы, будто уже впитавшей тепло двух солнц Амины. Чёрные брови, чёткие, как росчерк пера, подчёркивали лицо, делали его строгим, собранным. Но главным были глаза — выразительные, серые, как небо перед бурей. И эти стрелки — тонкие, аккуратные, чуть удлинённые к вискам. Они не были прихотью. Это была её граница, её броня: «Я вижу всё. И я не позволю себе ничего упустить».

Она носила форму безупречно, но без показной строгости: не как доспех, а как инструмент. Значок командора сидел ровно, не потому что она его поправляла, а потому что иначе он сидеть не мог. В её движениях не было лишней резкости, но не было и расслабленности: каждый жест был рассчитан, как шаг по обледеневшей палубе.

А Мира, навигатор, её правая рука, сказала тише, почти

про себя:

— Она недоступна, да. Но не потому, что не хочет быть рядом. А потому, что если она станет «просто Кирой» для каждого, кто сегодня устал, завтра некому будет быть «командором Вэнс» для всех.

Мира чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тишине между ними. Потом повернулась к молодому стажёру, который только вчера прибыл с Рании:

— Знаешь, что самое страшное для нового техника на «Валькирии»? — тихо спросила она. Парень нервно поправил воротник.

— Что заметит?

— Всё. Вчера у Юрлова дрожали пальцы после третьей смены. Он думал, никто не видит. А Кира увидела. Не стала устраивать разбор полётов, не отправила к психологу. Просто подошла к его панели, посмотрела на график, потом на него — и сказала: «Юрлов, ты сейчас не сможешь удержать стабилизаторы, если начнётся шторм. Иди поспи. Я поставлю вместо тебя Ханну, она сегодня бодрее». И ушла.

— И что? — выдохнул стажёр.

— А то, что после этого Юрлов готов был разобрать двигатель голыми руками. Потому что она не унизила его. Она просто сказала правду и прикрыла. Вот так она и держит корабль. Не приказами. А тем, что знает, кто на что способен.

Но самое главное в её недоступности было не в холоде. Холода в ней не было. В ней была дистанция — как между командиром и командой, между тем, кто принимает удар, и теми, кто его отражает. Она редко смеялась на виду, редко рассказывала о себе, никогда не жаловалась. Но если кто-то из экипажа попадал в беду — не служебную, а настоящую, личную, — Кира узнавала об этом первой. И решала. Тихо, без отчётов, без лишних слов. Просто убирала камень, о который человек спотыкался. И делала это так, что человек даже не всегда понимал, что камень был убран её рукой.

Именно поэтому на «Валькирии» её уважали не за звание. Её уважали за то, что она никогда не просила невозможного и никогда не принимала оправданий. За то, что была умной настолько, что могла просчитать манёвр на три шага вперёд, и отважной настолько, что, если надо, сама встала бы у панели в горящем отсеке.

Когда последний отчёт был подписан, а вахта сдана, Кира наконец-то осталась одна в своей каюте.

На столе стояла маленькая керамическая кружка — старая, с чуть сколотым краем. В ней дымился пряный чай. Не какой-то элитный сорт, а обычный, из корабельного пайка, но заваренный так, как она любила: крепко, с щепоткой корицы.

Она сделала глоток, закрыла глаза на секунду, позволяя теплу разойтись по телу. Потом открыла планшет. На экране снова была та самая глава из «Среди людей».

Не для того, чтобы выучить наизусть, а чтобы на пять минут перестать быть командором Вэнс. Чтобы снова стать просто Кирой, которая верит, что где-то там, в сети, сидит человек под ником «Блуждающий» и пишет не ради славы, а потому, что ему тоже иногда нужно сказать правду в пустоту.

Кира провела пальцем по строке: «Ни в чём. Но ты не один в этом „ни в чём"».
Улыбнулась, едва заметно.

Потом закрыла планшет, поставила кружку на стол и встала. Форма снова сидела безупречно, значок командора был ровно на месте, волосы туго стянуты.

Через минуту она выйдет в коридор, и снова станет штор-

мом, который виден за три орбиты. Но сейчас, в этой тишине, она была просто женщиной, которая пьёт чай и держится за одну честную фразу.

Глава 4. Дом, который требует защиты.

Туманность постепенно редела. Багрово-фиолетовая пелена, которая столько дней обнимала корабль, стала рваться на лоскуты, открывая прорехи, сквозь которые лился тёплый свет.

— Командор, — голос Миры прозвучал ровно, но в нём дрожала едва уловимая радость, — мы выходим из пелены. Амина прямо по курсу.

Кира не торопилась к иллюминатору. Сначала она проверила ещё раз данные на панели: скорость, гравитационные возмущения, положение патрулей. Только когда всё сошлось в одну ровную линию, она встала и подошла к стеклу.

Амина была не ослепительной планетой. Она не сверкала, как драгоценность, и не пугала, как Аджи. Она просто была. Тёплая, спокойная, настоящая. Её океаны переливались синевой, континенты были изрезаны долинами и заливами, а над экватором висела тонкая золотая полоса — след от двух солнц, которые сейчас стояли почти рядом.

Это был не парадный вид. Это был вид дома.

Кира стояла у стекла, и впервые за долгое время её плечи чуть опустились — не от усталости, а от облегчения. Здесь

можно было выдохнуть. Здесь можно было позволить себе быть не только щитом, но и человеком.

«Валькирия» плавно входила в верхние слои атмосферы. Гравитация Амины мягко потянула корабль вниз, словно планета сама хотела его обнять. За иллюминаторами вспыхнули полосы атмосферного свечения — не холодные, как в пустоте, а тёплые, янтарные.

Когда корабль наконец коснулся посадочной платформы, гул двигателей стих, и наступила тишина — та самая, которую Кира так ценила. Тишина, в которой можно было услышать, как бьётся сердце.

— Приготовить протокол стыковки, — спокойно сказала она, но в голосе уже не было той стальной грани, что звучала в туманности. — И… пусть на камбузе приготовят горячий чай. С мятой.

Мира улыбнулась — той улыбкой, которую Кира позволяла себе видеть.

— Есть приготовить чай, командор.

Кира вышла из рубки, прошла по коридору, мимо уставших, но счастливых техников, мимо пилотов, которые уже строили планы на увольнительную. В шлюзе её встретил офицер наземного контроля — молодой, взволнованный, старающийся держаться строго.

— Добро пожаловать на Амину, командор Вэнс, — чётко произнёс он. — Сектор стабилен. Патрули на местах. Ожидают ваших распоряжений.

Кира кивнула, принимая не просто приветствие, а ответственность.

— Спасибо, лейтенант. Сейчас мне не нужны распоряжения. Сейчас мне нужен просто воздух.

И когда она ступила на поверхность Амины, впервые за долгое время она позволила себе глубоко вдохнуть. Воздух пах солью, травой и чем-то ещё — тем самым, что пахнет новый дом, но в котором ощущается что-то родное.

Сначала она просто постояла на платформе, глядя, как садится одно из солнц, окрашивая горизонт в мягкие, тёплые тона. Ветер чуть тронул её волосы, выбившиеся из тугого узла, и она не стала их поправлять.

Она знала этот пейзаж не по красивым проспектам столицы, а пока только по картам, где тёплые цвета сменялись охрой, а потом — мёртвым белым. Амина умела притворяться уютной: зелёные долины, синие заливы, города, будто выточенные из светлого камня. Но стоило сместиться всего на несколько градусов к юго-востоку — и зелень обрывалась, как срезанный ножом ковёр. Там начиналась Зирра — самая большая пустыня планеты, огромная, равнодушная, похожая на застывшую волну песка.

Кира помнила сводки: в сезон восточных ветров Зирра могла за сутки поглотить целую метеостанцию. Её пески не были тихими, как на Зарре. Они пели — низким, утробным голосом, который чувствовался даже в костях. И именно там, на границе зелёных долин и жёлтой пустоты, стояли самые

важные форпосты сектора. Не парадные, не для отчётов, а настоящие: бетонные коробки, обросшие антеннами и щитами, где люди неделями не видели ничего, кроме песка и звёзд.

Именно поэтому Кира не спешила. Пусть её встречают как командора, пусть подносят отчёты и карты. Но она знала: настоящая Амина — не там, где всё гладко. Настоящая Амина — там, где линия фронта проходит по краю пустыни, где тишина обманчива, а песок помнит каждый шаг.

Рядом, чуть в стороне, стоял пилот Никос Бург, не слишком близко, чтобы не мешать, но достаточно рядом, чтобы она знала: он здесь. Он тоже смотрел на закат, но не пытался ничего сказать. Просто стоял и дышал тем же воздухом.

— Красиво, — наконец тихо сказал он, не поворачиваясь к ней. — Как будто сама планета говорит: «Ты дома. Ты справилась».

Кира чуть улыбнулась, не отвечая словами, а просто кивком. Этого было достаточно.

У края посадочной платформы уже выстроился весь экипаж — одиннадцать человек. Они стояли не по уставу, а как люди, которые только что вместе прошли сквозь багровую пелену и теперь могут позволить себе чуть больше, чем положено по регламенту: кто-то потирал плечо, кто-то смеялся над чьей-то шуткой, кто-то просто стоял с закрытыми глазами, подставляя лицо ветру.

Начальник смены космодрома — плотный, седой, с ли-

цом, изрезанным морщинами от постоянных ветров, подошёл к Кире и отдал воинское приветствие.

— Командор Вэнс, разрешите принять корабль?

Кира коротко кивнула.

— Принимайте, капитан.

Он улыбнулся — не широкой, дежурной улыбкой, а той, что появляется у людей, когда они понимают: тяжёлый этап позади.

— Добро пожаловать домой, командор. Мы позаботимся о ней.

Кира на секунду задержала взгляд на корпусе «Валькирии» — на её швах, на потёртостях, на тех самых отметках, которые появлялись после каждого манёвра в турбулентности. Это был не просто корабль. Это был её дом на месяцы пути.

— Спасибо, — тихо сказала она начальнику смены. — Берегите её.

Потом она повернулась к экипажу. Одиннадцать человек — её щит и её опора.

— У вас неделя отгула, отдохните, вы это заслужили.— сказала Кира, и в её голосе не было ни приказа, ни снисхождения. Только уважение.

Техник Лер, вечно хмурый, но самый надёжный в команде, шагнул вперёд и отдал приветствие — чуть небрежно, по-домашнему.

— Слушаюсь, командор! — и тут же, понизив голос, до-

бавил: — И спасибо. За то, что не дали нам рассыпаться по дороге.

Остальные подхватили: кто-то кивнул, кто-то улыбнулся, кто-то просто посмотрел ей в глаза, и в этом взгляде было больше, чем в любом рапорте.

Кира ответила тем же, коротким кивком, без пафоса.

— До встречи, — сказала она. — Когда вернётесь, у нас будет много работы.

Экипаж развернулся и пошёл к комфортабельному микроавтобусу, который уже ждал у боковой рампы. Двери мягко закрылись, машина плавно тронулась, и за ней, соблюдая дистанцию, пристроилась полицейская машина сопровождения, не для охраны, а для того, чтобы расчистить путь в потоке.

Начальник смены снова подошёл к Кире.

— Вас ждёт транспорт, командор. Прошу.

В стороне, у главного входа космопорта стоял лимузин — длинный, чёрный, с глухой тонировкой, в которой отражался только закат. На капоте два флажка: Амины и Аррубина, трепещущиеся на ветру. Рядом, чуть впереди, стоял патрульный автомобиль — белый, с яркими полосами, которые в закатном свете казались почти светящимися.

Кира села на заднее сиденье лимузина. Салон был сдержанным: тёмно-серая обивка, деревянные вставки тёплого оттенка, лёгкий запах кожи и чего-то цитрусового. Она провела ладонью по прохладному подлокотнику, привычная,

почти бессознательная проверка на реальность. Всё на месте. Всё настоящее.

Чуть закатав рукав, она коснулась пальцами тонкого серебряного браслета на запястье — того самого, что тётя Лина надела ей на руку, когда- двно, перед первым полётом. Металл был тёплым от её кожи. Лёгкое, почти незаметное движение и внутри щёлкнуло что-то важное: она снова в строю.

На панели тускло светились индикаторы, но она не стала ничего нажимать. Просто откинулась на спинку и на секунду закрыла глаза.

Начальник смены наклонился к окну.

— Всего хорошего, командор. Пусть дорога будет лёгкой.

— Спасибо, капитан, — тихо ответила Кира.

Лимузин мягко тронулся. Патрульная машина чуть впереди, мигалки пока молчали, будто город уже знал, кого везёт.

Они отъехали от громадного космопорта, довольно стильного сооружения, где металл и стекло сплетались в изящные, почти невесомые арки. С высоты он напоминал гигантскую птицу, застывшую в полёте: тонкие опоры, прозрачные галереи, светящиеся линии, бегущие по рёбрам конструкций. В нём было столько воздуха и света, что он казался не зданием, а частью неба. Но Кира почти не смотрела на него. Она посмотрела в окно, как «Валькирия» медленно уменьшается, превращаясь в тёмный силуэт на фоне неба, с багровыми оттенками. Она видела не архитектуру, а прощальный блеск иллюминаторов «Валькирии», который таял в сумерках.

Колонна выехала на шоссе. Дорога пошла через степь, широкую, открытую всем ветрам. Трава здесь уже пожелтела, выгорев под двумя солнцами, и теперь степь казалась огромной золотой скатертью, раскинутой до самого горизонта. Ветер гнал по ней волны, и казалось, что земля дышит.

Машина шла ровно, но время от времени её чуть потряхивало на стыках плит, привычный, убаюкивающий ритм дороги. Кира смотрела в окно, и впервые за долгое время её мысли ушли не вперёд, к отчётам и картам, а назад. К Рании, ее родной планете.

Рания была совсем другой. Там не было таких бескрайних степей. Там были узкие улочки, вымощенные камнем, который нагревался за день и отдавал тепло всю ночь. Там пахло морем и свежей выпечкой, а над крышами домов кружили чайки. Её дом. Тот самый, где она выросла, где до сих пор живёт её тётя Лина, которая всегда встречала её словами: «Ну, наконец-то! Я уж думала, ты забыла, как выглядит нормальная кровать».

Но Рания теперь была далеко. За туманностями, за орбитами, где расстояния измерялись парсеками. И Кира вдруг остро почувствовала эту дистанцию, но не в километрах и парсеках, а в ощущениях. Там она была когда то в юности просто Кирой, девчонкой с набережной, ставшей со временем командором Вэнс, и у не неё теперь новый дом — вся эта планета, от степей до самой границы пустыни. От золотистой Амины и до белой Крионы.

Степь постепенно сменилась пригородами. Аккуратные дома с террасами, сады, где ещё догорали последние цветы сезона, небольшие парки с фонтанами, струи которых переливались в свете фонарей. Где-то рядом звонко хлопнула калитка, и тут же послышался детский смех — короткий, счастливый, оборвавшийся на полуслове. Потом начались улицы Лиры, широкие, но не безликие, с фасадами, где современный стеклобетон соседствовал с камнем, выточенным под античные образцы: лёгкие колонны, барельефы с морскими мотивами, арки, увитые лианами.

Город был большим, не идеальным, но настоящим. И это ей нравилось.

Они проехали через центральную площадь, где фонтан был сделан в виде волны, застывшей в полёте. Вода в нём переливалась всеми оттенками синего и зелёного, будто отражала весь океан Амины. Дальше — деловой квартал: строгие здания с зеркальными фасадами, между которыми были оставлены проёмы, чтобы небо оставалось видимым.

Наконец, колонна свернула к административному комплексу — массивному, к громоздкому зданию из тёмного базальта, с плоскими крышами и тонированными окнами, будто все специально сделано так, чтобы солнце не слепило тех, кто ведёт переговоры.

Лимузин остановился у бокового входа. Патрульная машина замерла рядом, маячки погасли. Дорожный полицейский, Антон Котов, посидел ещё несколько секунд, проверяя

обстановку, потом коротко доложил в рацию:

— «Сто первый», мы на месте. Сопровождение завершено.

Кира открыла дверь сама. Холодный воздух города коснулся её лица, и она на секунду задержала дыхание, привыкая к этому новому запаху, теперь не космодрома, не степи, а именно города: горячего камня, озона и чего-то официального.

— Спасибо за дорогу, — тихо сказала она, обращаясь скорее к городу, чем к водителям.

Антон Котов, который как раз вышел из патрульной машины, чуть наклонил голову.

— Всегда к вашим услугам, командор, — ответил он, и в его голосе не было лести, только уважение.

Кира улыбнулась, той самой тёплой улыбкой, от которой таяли даже самые стойкие.

— Хорошей смены, лейтенант, — сказала она и направилась к входу, где её уже ждали.

Антон кивнул ей вслед, сел в патрульную машину и уехал тихо. Лимузин тоже тронулся, мягко откатываясь к служебной стоянке.

Кира осталась одна перед крыльцом парадного входа.

Широкие ступени из белого камня вели к двойным дверям. Фасад из тёмного базальта нависал сверху, массивный, строгий, без единого украшения. Только темные окна, в которых отражались последние лучи заката, и золотая печать

провинции над входом — круг с двумя звёздами в центре.

Здесь не пахло солью и травой, как на космодроме. Здесь пахло горячим камнем, озоном от городских очистителей и чем-то официальным, тем запахом, который бывает в зданиях, где решаются судьбы.

Кира поднялась по ступеням, не торопясь, но и не медля. Каждый шаг звучал твёрдо, эхо уходило вглубь и терялось где-то за дверями. Она расправила плечи, поправила значок командора, не потому что он сбился, а чтобы напомнить себе, кто она сейчас. Не уставший командор, вернувшийся из рейса. А командор Кира Вэнс, принимающая сектор под защиту.

Впереди ждала работа. И она наконец-то была на месте.

Глава 5 Новые рубежи

Совещание назначили на Серебряные часы — это время, когда холодная звезда Мора чертит резкие линии, а туманность искрится холодным светом. В Серебряные часы не говорят лишнего: любые слова звучат жёстче, и ждут не дипломатии, а решений. Кира уже знала об этом и потому шла ровно, без суеты. Серебряные часы давали странный свет: он не лился, а будто оседал ровными, холодными слоями, как пыльца на поверхности воды.

В коридоре штаба этот свет собирался в желобах между плитами и тянулся вдоль стен тонкими серебряными нитями, будто кто-то провёл пальцем по тёмному камню и оставил след, который не стёрся. От него лица казались чуть бледнее, тени чуть глубже, а движения чуть медленнее, словно само здание дышало в такт холодной звезде.

Кира поднялась по широким ступеням, и каждый её шаг звучал ровно, не громко, не тихо, а именно так, как звучит шаг человека, который знает, куда идёт. Она шла, и здание принимало её своими узкими окнами, своими строгими стенами, своей тишиной, которая стояла внутри, как вода в глубоком колодце. В её походке не было вызова, только собранность командира, привыкшего держать грань.

У входа её ждал Эрьян Кадар.

Он стоял чуть в стороне, не слишком близко, не слишком официально. Высокий, с той самой прямой, будто выверенной осанкой, в тёмно-сером костюме, безупречно сидевшем на его поджарой, собранной фигуре: тело бойца и стратега, не теряющего ни грамма лишней расслабленности. Короткая, идеально уложенная стрижка подчёркивала острые скулы и волевой подбородок. Ни один волосок не выбивался, в этой идеальной укладке читался его главный принцип: контроль даже в мелочах. Он был красив тем спокойным, уверенным благородством, которое не кричит о себе, но говорит без слов.

Увидев Киру, он шагнул вперёд и на секунду что-то дрогнуло в его взгляде. Не растерянность, не неловкость. Просто мгновенное, острое осознание: перед ним женщина, от которой невозможно отвести глаз. Она шла к нему ровно, уверенно, и от неё исходила та спокойная сила, которая не кричит о себе, но заполняет собой всё пространство. Соблазнительная, но без единого жеста, без единого намёка. Просто потому, что такая. Потому, что в каждом её движении была уверенность женщины, которая знает себе цену и не собирается её доказывать.

Но Эрьян был мужчиной, который научился полностью управлять своими порывами. И сейчас он смотрел на неё иначе, чем когда-то на Рании. Тогда он хотел её завоевать. Кира приняла это с достоинством, но без иллюзий. Не оставила шансов, не дала надежд. Сказала мягко, но так, что до-

бавлять было нечего: «Эрьян, вы прекрасный человек. Но я не та, кто вам нужен. И вы не тот, кто нужен мне…»

Он принял это.

Сейчас он хотел просто отдать ей должное: как мастер признаёт работу другого мастера.

— Командор Вэнс, — он слегка наклонил голову, и в голосе прозвучало искреннее тепло. — Это честь для меня. Рад приветствовать вас на Амине.

Кира ответила не холодно, но с дистанцией. Так, как и должна отвечать женщина, которая однажды мягко, но окончательно закрыла эту дверь.

— Благодарю, Эрьян. Радость взаимная.

И в этой фразе не было ни намёка, ни обещания. Только вежливость человека, который помнит прошлое, но не собирается его повторять. Эрьян понял это мгновенно. Ничего не изменилось. Только теперь и он сам не пытался ничего изменить. Он просто шёл рядом, чуть позади, как и полагалось челоеку, ведущему гостя.

Когда он на мгновение задержал взгляд на том, как она двигается, на долю секунды в его осанке проступила та самая пружинистая лёгкость, привычка быть готовым к любому повороту. Но тут же снова встала на место привычная собранность. На запястье чуть блеснули прочные тактические часы, которые были не ради напыщенности, а потому что они безотказны, работали в любых условиях. Он не смотрел на них, но знал: время не ждёт, но и решения не терпят суеты.

Он на мгновение задержал взгляд на том, как она двигается. Плечи, спина, лёгкий поворот головы. Совершенство. Он чуть улыбнулся про себя, незаметно, и подумал: «Карина, дорогая, прости. Но не смотреть сейчас — это значит быть слепым. А я не слепой…»

Коридор штаба был широким, с высокими сводами, где эхо шагов звучало не как шум, а как ритм. Стены были сложены из тех же тёмных плит, что и фасад, но тут местами их пересекали тонкие янтарные прожилки. Над арками висели бронзовые медальоны с гербами секторов, тускло отсвечивая в приглушённом свете.

— Здесь каждый коридор — как нерв, — тихо сказал Эрьян, будто читая её мысли. — Если где-то что-то дрогнет или кто-то, штаб это почувствует.

Кира чуть кивнула, не сводя взгляда вперёд. Ей нравилось, что он не пытается заполнить тишину пустыми любезностями.

У тяжёлых двустворчатых дверей, украшенных гравировкой созвездия Амарра, они ненадолго задержались. Эрьян чуть склонил голову:

— После вас, командор.

Она вошла первой — и сразу почувствовала, как меняется воздух. Не холоднее, не теплее, скорее плотнее, будто в комнате собралось столько ответственности, что она сама по себе меняла физические свойства пространства.

Зал заседаний встретил её тишиной, той плотной, дело-

вой тишиной, которая бывает только там, где люди ждут чего-то важного. Большой, вытянутый кабинет с высоким потолком, но без излишеств. На стенах не портреты руководства Намиссании, а карты и схемы, подсвеченные тонкими линиями. В центре длинный стол из тёмного дерева, по бокам экраны с приглушённой подсветкой. Окно занимало почти всю дальнюю стену: сквозь него была видна часть пустыни, в которой располагался вдали космопорт, где мерцали навигационные огни. Воздух в кабинете был другой не холоднее, но суше, с лёгким привкусом озона от работающих экранов и едва уловимой нотой тёмного кофе. В одном углу, на дальнем столе стояла кружка простая, керамическая, с неровным краем, и Кира подумала, что это, наверное, кружка Джедара: такую не покупают, а берут с полки, к которой рука тянется первой.

Когда Кира вошла, в помещении, будто на секунду сместился центр тяжести: кто-то невольно выпрямился, кто-то перестал крутить ручку, кто-то задержал дыхание. Это был не страх — это был профессиональный рефлекс: в комнату зашёл человек, который привык принимать решения в тиши. Все взгляды сошлись на ней, но не из любопытства, а из привычки оценивать. Каждый человек в этом зале когда-то научился читать людей быстрее, чем отчёты. И сейчас каждый пытался прочитать её.

Кира окинула зал одним быстрым взглядом и за эту секунду увидела всё: кто, где стоит или сидит, кто как смот-

рит, кто напрягся, кто расслаблен. Привычка, которая спасала ей жизнь чаще, чем броня. Она почти сразу, инстинктивно, увидела главное — фигуру у стола.

Губернатор провинции Юрий Джедар поднялся первым. Настоящий, не штабной, а боевой генерал Намиссании. Высокий, основательный, он стоял так, будто сам был частью архитектуры этого зала, надёжной, незыблемой опорой. В нём не было показной статности Эрьяна, но была другая, более весомая порода: порода человека, который не просто носит звание, а оправдывает его каждым своим движением. В его осанке не было парадной выправки, только привычка держать равновесие там, где гравитация и ответственность тянут вниз.

Его осанка говорила о годах в боевых кораблях, сражениях, о настоящем деле, а не о парадных смотрах. Лицо было изборождено прожитыми морщинами, но не как шрамами, а как строчками из отчётов, которые никто не спросил, но которые можно прочитать, если присмотреться. Каждая из них казалась отдельной главой, когда-то, в истории метрополии, и теперь, частью провинции. Благородная седина, короткая стрижка, и эта безупречная гладкость выбритого лица — в этих мелочах Кира сразу распознала человека, для которого дисциплина начинается с себя. Для него небритая щека была такой же потерей, как капитуляция.

Тёмно-серые глаза Джедара смотрели внимательно, спокойно, без лишней суровости. Казалось, он считывает не

только её слова, но и паузы между ними, оценивая не позу, а суть. В них не было показной суровости; скорее, это был взгляд человека, который видел достаточно, чтобы не удивляться, но недостаточно, чтобы перестать заботиться. В этом взгляде не было высокомерия, только огромный, спокойный опыт.

Строгий тёмно-зелёный мундир сидел на нём без излишеств. На груди единственный орден за ущелье Тамар: не украшение, а напоминание о цене, которую он знает. Всё в нём, от начищенных до матового блеска туфель до простых, надёжных часов, говорило об одном: этот человек, который ценит суть больше формы. Даже часы были не для статуса, а для дела, простые, надёжные, с чётким циферблатом, где не было ничего лишнего.

— Командор Вэнс, — его голос, глубокий и чуть хрипловатый, заполнил кабинет не громкостью, а весом. — Добро пожаловать в Сан-Аррубин. Мы рады видеть вас в рядах военного флота провинции.

Кира отдала воинское приветствие — коротко, без лишней театральности.

— Благодарю, генерал. Я готова приступить к координации.

Джедар чуть наклонил голову — не столько в знак приветствия, сколько в знак того, что он услышал главное: она здесь не ради церемоний. Он не просто указал на кресло во главе стола, рядом с собой, он чуть отодвинул его сам, ров-

но настолько, чтобы она села без суеты. И в этом движении было больше, чем в любом приветствии: «Ты здесь не гость. Ты здесь опора».

Кира присела. Спина прямая, руки на подлокотниках, взгляд на губернатора. Она слушала так, как слушают те, кто знает: от этих слов зависит жизнь людей.

— Прежде чем мы перейдём к делу, позвольте представить тех, с кем вам предстоит работать, — спокойно произнёс Джедар, обводя взглядом комнату. — Все здесь не просто имена в отчётах. Каждый из них — это часть того, что держит этот сектор под контролем.

Он чуть повернулся вправо.

— Эрьян Кадар, мой первый заместитель, административные и политические вопросы.

Эрьян коротко кивнул, сдержанно, без улыбки, но в его взгляде было уважение — не как к новой подчинённой, а как к равной.

— Майор Алекс Веррон, второй заместитель, по военным вопросам, начальник обороны Зарры. У него под рукой почти вся наша тяжёлая артиллерия и верфи. Если нужно удержать позицию любой ценой, он знает, как это сделать, и не будет обещать невозможного.

Алекс Веррон чуть наклонил голову, и в этом жесте не было ни капли показной вежливости, только уважение к моменту и к человеку, который сейчас принимает ответственность.

В тёмно-зелёной полевой форме, без лишних нашивок и украшений, он выглядел так, будто зашёл сюда прямо с верфи. Его костюм не был парадным, но был безупречным в своей практичности: воротник застёгнут ровно настолько, чтобы дышать свободно, но не выглядеть расслабленным.

Выгоревшие, на солнцах Зарры, волосы, лёгкая небрежность в укладке, морщинки у глаз от ветра и прищура — всё это рисовало портрет человека, который провёл годы там, где солнце выжигает лица, а гул доков заменяет музыку.

Тёплая улыбка вспыхнула и погасла, но оставила после себя ощущение надёжности. В нём не чувствовалось угрозы, но чувствовалась сила, та самая, что приходит не от званий, а от ответственности за сотни людей и десятки кораблей.

И когда он снова посмотрел на Киру, в его взгляде читалось простое, честное понимание: «Мы здесь не для церемоний. Мы здесь, чтобы держать рубеж».

— Майя Коста, полковник, руководитель регионального управления службы безопасности. Она знает, где лежит каждый контейнер, когда прибудет следующий транспорт и почему третья смена на Аджи снова просит дополнительные пайки. Без неё сектор бы рассыпался на отдельные планеты, которые не могут договориться даже о частоте связи.

Кира поймала её взгляд и на долю секунды потеряла нить мысли.

Майя Коста улыбнулась коротко, точно, без попытки нравиться. Но в этой улыбке было что-то, от чего люди сами хо-

тели ей доверять.

Её красота сбивала с толку — резкая, выразительная, с высокими скулами и тёмными глазами, в которых не было ни мягкости, ни снисхождения, только эта способность считывать паузы между словами. «Опасная» — вот единственное слово, которое успело мелькнуть в голове Киры, прежде чем она вспомнила, что перед ней полковник службы безопасности, а не героиня театральной сцены.

Чёрные волосы были туго стянуты в узел, ничего лишнего, ничего, что могло бы помешать. Даже форма казалась продолжением этой собранности: ни одной складки, которую хотелось бы разгладить, ни одного шеврона, который болтался бы не на месте.

В каждом её движении чувствовалась выверенность, будто она заранее просчитала траекторию, и теперь просто шла по ней. И в этой точности было больше силы, чем в любом приказе.

— Мы справимся, — повторила Майя, и в её голосе не было пафоса, только вес человека, который привык отвечать за чужие жизни. — Если будем держаться вместе.

Зал будто чуть приглушил свой гул, не потому что все разом замолчали, а потому, что напряжение стало плотным, осязаемым, и в нём сами собой стирались лишние звуки.

В этой тишине взгляды Киры и Майи пересеклись. Ровно на три секунды. Ни улыбки, ни жеста, только прямой, спокойный контакт. И за эти три секунды обе с достоинством

отметили, как они похожи.

Не чертами лица и не цветом глаз, а тем внутренним ритмом, который не сбивается ни от громких слов, ни от тяжёлых решений. У обеих та же собранность, та же способность держать лицо, когда внутри всё сжимается от ответственности. Их красота была разной, но служила одной цели: не привлекать, а удерживать внимание ровно столько, сколько нужно, чтобы сказать главное.

Кира подумала: «Она не из тех, кто обещает, чтобы успокоить. Она из тех, кто берёт ответственность и делает так, чтобы никто не сгорел зря. Мы с ней из одного теста, только она строит оборону изнутри, а я снаружи. Если мы не синхронизируемся, этот зал рухнет быстрее, чем мы успеем отдать приказы».

А Майя отметила про себя: «Командор Вэнс. „Валькирия“. Молодая, но уже стала легендой намисского флота. Она привыкла, что сила должна быть громкой. Но здесь не нужна громкость, здесь нужна точность. И я вижу, что она это понимает. Иначе не стояла бы так ровно под этим взглядом. С такой можно стоять спина к спине…

Но она из Намиссании. И это нельзя просто отбросить, как старую форму. Для метрополии Аррубин — это узел логистики, статистика потерь, строчка в отчёте, и конечно же, прибыль. В первую очередь прибыль. А для меня — это пекарня на углу, где мне оставляют свежий круассан, и ручей, который шепчет по камням. Что у неё на самом деле в при-

оритете? Следить, чтобы мы здесь не шалили, или помогать, чтобы мы выстояли? Я хочу верить, что второе. И пока она держится вот так ровно, без пафоса, я буду ей верить. Посмотрим, какова она в работе. Но я всё равно буду смотреть. Просто, чтобы быть уверенной, что мы говорим на одном языке: языке ответственности, а не отчётов».

Майя чуть наклонила голову, не поклон, не уступка, а знак: «Я с тобой».

Кира ответила коротким кивком, не больше.

— И, конечно, Вэйн Моралес, глава КИРН. Его люди ведут мониторинг аномалий и следят за тем, что происходит там, где космос перестаёт быть дружелюбным.

Вэйн не стал кланяться или кивать — он просто посмотрел Кире в глаза ровно и спокойно, как человек, который не тратит слова на формальности.

Высокий, поджарый, с жилистым телосложением человека, который никогда не переставал работать руками, даже когда поднялся до кресла главы корпорации. В его фигуре не было ни грамма офисной рыхлости, он двигался так, будто тело до сих пор помнило марш-броски и ночи на полигоне. Плечи ровные, чуть жёсткие, как у человека, привыкшего носить снаряжение.

Лицо угловатое, с чётко очерченной линией челюсти и высокими скулами — те самые черты, которые в молодости казались резкими, а к сорока шести годам обрели выточенную, почти геометрическую чёткость. Под скулами и на щеках ко-

роткая, аккуратно подстриженная щетина: не от небрежности, а от привычки бриться только тогда, когда на это есть время, а времени всегда было у него в обрез. Тёмно-русые волосы, чуть тронутые сединой на висках, стрижка простая, почти военная, без единого элемента стиля. И всё же в этой строгости был свой стиль.

Глаза светло-серые, почти стальные, с ледяным, немигающим фокусом. В них не было ни тепла, ни вражды, только постоянная, тихая работа, будто за зрачками крутился механизм, который никогда не останавливается. Когда Вэйн Моралес смотрел на человека, собеседник чувствовал: он не просто слышит слова, он видит то, что за ними.

На нём был чёрный костюм, строгий, без показной элегантности, чёрная рубашка без галстука, воротник расстёгнут на одну пуговицу, и это был, кажется, предел его свободы. На правой руке тонкий перстень с гербом КИРН, который он никогда не снимал. Никаких ярких цветов, никаких декоративных деталей.

От него не исходило угрозы, от него исходил вес. Рядом с Вэйном человек инстинктивно выбирал слова тщательнее, не потому, что боялся, а потому что чувствовал: этот человек не тратит время на пустое. Его мужская красота была не «опасной», как у Майи Коста, а другой, тяжёлой, сдержанной, как гранитная стена, которую невозможно сдвинуть, но у которой можно встать спина к спине.

— А теперь — к делу, — Джедар чуть повернулся к кар-

те на стене. Созвездие Амарра, изображенное тонкими светящимися линиями. Планеты висели, как бусины на нитях орбит. — Здесь не Рания. У нас свои ритмы, свои привычки, свои… сложности.

— Амина — наш центр. Сердце провинции. Но сердце не значит всё тело. Зарра — наша оборона. Там основное производство, там дислокация армии, там майор Веррон держит строй. Аджи — наши проблемы, с которыми пытается справляться майор Вин Торн. Пустыня, которая не любит гостей и не терпит хозяев. Сахр — большая часть нашей экономики, хоть и выглядит как камень, который забыли выбросить. И Криона — на самых задворках. Там, где свет уже не обещает тепла.

Он сделал паузу, давая Кире время осознать масштаб. Кира не кивала, не записывала. Просто впитывала.

— А ещё, — Джедар чуть понизил голос, и в зале стало тише, — у нас есть рубежи. И на этих рубежах в последние месяцы стало… тесно.

Он посмотрел на Эрьяна.

— Эрьян, расскажите командору о текущей ситуации в провинции. Без отчётов. Просто, как есть.

Эрьян шагнул вперёд, не спеша, уверенно. Он не стал брать планшет или открывать файлы. Он говорил из головы, а это означало, что он знает эти данные не понаслышке.

— На юго-восточном рубеже, в квадранте между орбитой Зарры и поясом Аджи, наши патрули периодически фикси-

руют присутствие посторонних кораблей. За последние три месяца семь случаев. Сначала мы списывали на мусорщики и нелегальных грузоперевозчиков. Но после третьего случая провели спектральный анализ следов двигателей. Результаты не совпали ни с одним известным типом гражданских судов.

Он сделал паузу, обвёл взглядом стол и продолжил ровно:

— Характеристики соответствуют военным разведывательным модулям. Предположительно — Иркс или Рий. Возможно оба. Класс судов — лёгкие, малозаметные, без опознавательных знаков. Они не входят в контролируемое пространство глубоко, держатся на границе зоны обнаружения. Как будто проверяют: насколько далеко мы видим, как быстро реагируем, сколько кораблей можем поднять в ответ.

Тишина в зале стала другой, не деловой, а тяжёлой.

Вэйн не шевельнулся, но его пальцы, те самые, с тонким шрамом на тыльной стороне ладони, чуть сжались, а потом расслабились. Майя перестала улыбаться: её лицо не изменилось, просто из него ушло тепло, как закрывается ставня, за которым погасли огни. Алекс чуть опустил взгляд на свой планшет, он не читал, а просто дал глазам точку, на которой можно было сосредоточиться, пока мозг переваривал цифры. Джедар не двинулся ни на миллиметр, но его правая рука, лежавшая на столе, чуть развернулась ладонью вверх, жест, который он, вероятно, не осознавал: «дайте мне это, я подержу».

— Мы зафиксировали закономерность, — продолжил

Эрьян. — Заходы происходят примерно каждые две недели. Всегда с разных точек. Всегда на минимальной скорости, с пассивными датчиками. Они не сканируют, они слушают. Собирают информацию о наших частотах, о времени реакции патрулей, о плотности покрытия.

Кира чуть подалась вперёд.

— Намиссания в курсе?

— В курсе, — кивнул Эрьян. — Мы направили три рапорта за последние два месяца. С просьбой усилить нашу звёздную группировку дополнительными кораблями. И с предложением пополнить армию личным составом.

— И?

— Намиссания не реагирует. — Он сказал это ровно, без обиды, без горечи. Просто факт. — Более того, открыто атаковать их суда запрещено. Мотивировка: Иркс и Рий — деловые партнёры Намиссании. Открытый конфликт может повлечь непоправимые политические последствия.

Кира чуть прищурилась,не от гнева, а от сосредоточенности.

— То есть, — медленно произнесла она, — они ходят по нашему порогу, слушают наши частоты, засекают наши патрули, а мы связаны по рукам?

— Именно, — тихо сказал Джедар. — Именно так.

— Но это может быть разведка перед боем, — сказала Кира. Не спросила, но сказала. — Пусть этот бой будет отложен

на годы или десятки лет. Но они прощупывают нас. И если мы не покажем, что готовы, они прощупают глубже.

— Мы понимаем это, — Джедар посмотрел ей в глаза, и в его взгляде была не усталость, а та спокойная решимость, которая появляется у людей, которые слишком долго ждут подкрепления и уже научились обходиться без него. — Но мы — провинция. Мы подчиняемся решению центра. И пока центр не скажет «огонь», мы держим палец на спуске, но не нажимаем.

Вэйн не смотрел на Киру так, будто оценивал её форму или погоны. Он смотрел, как смотрят на сложный узел в чертеже, туда, где сходятся все линии.

В голове у Вэйна складывалась короткая, сухая схема: «Командор Вэнс. Флотская дисциплина — значит, привыкла к чёткой иерархии и жёстким срокам. „Валькирия“ — прозвище не про изящество, а про ударную силу: она заходит первой и не ждёт, пока её попросят. Но сейчас она не бьёт, она слушает. Значит, понимает, что здесь флотские методы не сработают в одиночку. Она ищет точку синхронизации. Это хорошо. Это профессионально.

Но она из Намиссании. Значит, у неё есть свой отчётный горизонт. Нужно будет сразу обозначить: здесь нет «временных задач». Здесь всё — навсегда. Если она это примет, мы сможем работать. Если нет, мы всё равно будем работать, но по разным сторонам одной стены».

Он чуть сдвинул запястье, чтобы глянуть на часы, не по-

тому, что торопился, а чтобы вернуть себе ритм. И снова посмотрел на Киру. Не с вызовом, а как на деталь, которая должна встать на своё место.

До этого момента, не проронив ни слова, чуть подался вперёд.

— Командор, — его голос был ровным, сухим, как технический отчёт. — КИРН ведёт собственный мониторинг активности в квадранте. Наши данные совпадают с данными патрулей. Но у нас есть дополнительная информация: характер манёвров указывает не на военную подготовку, а на картографирование. Они рисуют нашу оборону. Вероятно, не для удара, для плана. Для того, чтобы знать, куда ударить, если придётся. Разница в сроках. Военный удар готовится быстро. Картографирование — это надолго. У нас есть время. Но это время нужно грамотно использовать.

Кира посмотрела на Моралеса. Оценила. Человек, который не драматизирует и не успокаивает, он просто кладёт данные на стол. Такие люди ей нравились.

— Сколько у нас кораблей в оперативной готовности? — спросила она.

Эрьян чуть помедлил, будто мысленно пересчитывая звенья.

— Двенадцать патрульных крейсеров класса «Сокол», два патрульных фрегата, два ударных крейсера, в том числе «Валькирия», — он сделал небольшую паузу, — и двенадцать корветов на Зарре, в резерве. Итого: двадцать восемь

единиц на весь сектор.

— Этого мало, — сказала Кира. Не жалобно, а холодная констатация.

— Этого мало, — согласился Джедар.

Повисла тишина. Не тяжёлая, рабочая. Тишина, в которой люди думают.

Кира посмотрела на карту. Потом на губернатора.

— Кстати, командор, не стоит забывать про первый ударный крейсер, это «Монолит» корпорации КИРН, — с лёгкой улыбкой добавил Эрьян, прерывая тишину.

Кира на мгновение задержала дыхание.

— Командор Ардэн Кройц? — спросила она.

— Да, он самый, — спокойно кивнул Эрьян.

Для Киры упоминание Кройца было хорошей новостью. Она была наслышана о нём: легенда, человек, который выводил звено сквозь песчаные бури, не теряя ни одного пилота, десятки вооруженных столкновений, в свое время, между Рией и Ирксом.

— Есть и другие командоры, которые верно несут службу, — продолжил Джедар. — Например, командор Евгений Муран.

Кира едва заметно кивнула — да, имя было знакомо. Не легенда флота Намиссании, конечно, но отважный человек, который участвовал в сражениях против Рии несколько лет назад.

Не громкие победы, но стабильная работа, умение дер-

жать строй, когда вокруг всё рушится. Такие командиры не попадают в сводки, но именно на них держится флот.

— Если понадобится прикрыть сектор с фланга, Муран будет там, где нужно, — добавил Эрьян. — И не станет ждать лишних приказов. Он год назад переведён на Аррубин. Талантливый, надёжный. Сейчас он командует патрульным фрегатом «Стрела» — не ударный крейсер конечно, но проверенный в стычках на границе.

— Хорошо, это меняет положение дел — коротко сказала Кира, мысленно ставя ещё одну точку на своей внутренней карте. — Значит, у нас есть не только «Валькирия» и «Монолит», но и «Стрела». Это уже не просто патрули — это сеть.

Джедар чуть приподнял бровь, не от удивления, а от тихого одобрения.

— Именно. Мы держим сектор не одним кораблём, а всеми вместе.

В этот момент Вэйн чуть подался вперёд, словно хотел подчеркнуть важность следующего слова.

— И насчёт Кройца, — произнёс он спокойно, почти буднично, будто речь шла не о легенде, а о старом надёжном инструменте. — Да, он из КИРН, не из вооруженных сил Аррубина. Но в данном случае это не имеет никакого значения. КИРН и Аррубин — едины. Одна цель, одни задачи. Если понадобится координация с «Монолитом», он будет там, где нужно. Когда нужно.

Джедар молча кивнул, коротко, но весомо. Этот кивок

был больше любого пафосного заявления: он подтверждал, что в этом секторе нет места ведомственным барьерам, когда на кону безопасность людей.

Где-то в глубине здания гудел генератор низкий, ровный, почти неслышный, но если прислушаться, он был везде: в полу, в стенах, в воздухе. Этот гул был похож на дыхание, не живого существа, а самой крепости, которая тоже знала, что тишина перед бурей — это не покой, а пауза.

Алекс Веррон смотрел на Киру ровно столько, сколько позволяла вежливость и ещё на секунду дольше. Не как на командора, не как на гостью из метрополии, а как на женщину, в которой собранность не убивала женственность, а делала её только заметнее.

Он сознательно позволил себе эту мысль, всего на миг, пока все говорили, а гул зала стал ровным фоном. Просто дать себе секунду, чтобы увидеть не погоны, не задачу, а её саму: как она чуть наклоняет голову, когда слушает; как в её осанке есть эта спокойная сила, которая не требует подтверждения; в глазах не усталость, а собранная готовность.

«Красивая», — подумал он тихо, почти про себя, и тут же мягко одёрнул эту мысль, как откидывают лёгкую занавеску, чтобы она не мешала видеть главного. — «Но не моя красота. Её красота — это её броня, её работа, её право на уважение. И я буду уважать её ровно так: делом, точностью, тем, что не подведу, когда это потребуется».

— Я не планирую отсиживаться на Амине, — сказала Ки-

ра. Она не повысила голос, не встала, не ударила по столу. Просто чуть подалась вперёд, ровно настолько, что спинка кресла скрипнула, и в этом крошечном звуке был весь ответ: дерево, металл, и женщина, которая не собирается вжиматься в спинку. Все в зале услышали этот скрип и поняли. И продолжила: — Я лично буду участвовать в патрулировании границ провинции. Заодно в доставке попутных грузов между планетами, пусть «Валькирия» работает, а не пылится на платформе. Мне нужно видеть рубежи своими глазами. Не по отчётам, не по данным сканеров.

Джедар чуть приподнял бровь, не от удивления, а от тихого одобрения.

— Командор, это не обязательно. Ваша задача — это координация, — сказал Эрьян.

— Моя задача — удержание сектора, — спокойно возразила Кира. — А координация без понимания того, что происходит на границе — это кабинетная стратегия. Я не смогу поддерживать порядок, сидя в кресле.

Джедар посмотрел на неё долго, внимательно. Потом чуть улыбнулся, уголком рта, еле заметно.

Где-то далеко, за окном, диспетчерский маяк вспыхнул и погас — короткий, точный импульс, будто тоже ставил точку.

— Согласен, — сказал он. И в этом одном слове было больше, чем в длинной речи: он не просто разрешил, он признал.

Майя Коста чуть наклонилась к Веррону и тихо произнесла:

— Лично будет патрулировать. Хорошо. Хотя бы есть один командир, который не боится неба.

Веррон чуть усмехнулся.

— Она не боится неба. Она с ним на «ты».

Эрьян, стоявший чуть позади, едва заметно кивнул. Его взгляд на Киру был внимательным, но не навязчивым, как у человека, который привык замечать детали и не делать поспешных выводов. Да, она была красива, но не той красотой, которую хочется обсуждать в курилке. Она была собрана, как натянутая струна, и от этого казалась почти недосягаемой. И Эрьян знал, что эта недосягаемость — не поза. Это броня, которую она носит не для того, чтобы отгородиться, а чтобы держать линию.

Она сидела за столом, чуть наклонившись вперёд, слушая Джедара. В том, как она слушала, было что-то завораживающее. Полная концентрация, ни одного лишнего движения. Тёмные волосы поймали свет из узкого окна, и на секунду блеснули медью.

Эрьян видел это. Он видел и то, как остальные невольно подтянулись, когда Кира заговорила. Она была из тех людей, рядом с которыми хочется говорить чётко, по делу, без воды.

Но он отвёл взгляд, потому что знал: в научно-исследовательском центре Амины, Карина сейчас склонилась над какой-нибудь сложной схемой или камне, образцом грунта,

уверенная, собранная, с той самой лёгкой улыбкой, которая появляется, когда она находит решение. Она не сидела дома и не ждала. Она делала своё дело, большое, важное, на своём уровне. И он любил её не за то, что она «ждала», а за то, что она шла рядом.

«Если бы Карина была здесь, — подумал он, — она бы посмотрела на эту карту, потом на Киру, потом на меня и сказала бы: „Ну что, ребятишки, давайте уже решать, а не вздыхать.“ И все бы сразу зашевелились.»

Он чуть улыбнулся этой мысли и снова стал собранным, точным, системным.

— У нас три болевые точки, — спокойно сказал Эрьян, будто продолжая мысль Киры. — Юго-восток: чужие корабли. Зарра: логистика и верфи. Аджи: аномалии, сама планета — это сплошная аномалия. Мы держим всё, но не так плотно, как хотелось бы.

Кира на секунду задержала взгляд на карте.

— Сначала юго-восток. Если они рисуют нашу оборону, я хочу, чтобы они видели, что мы их видим. Пусть «Валькирия» выйдет на патрулирование по внешнему краю. И пусть каждый наш манёвр будет не просто обороной, а сообщением, сигналом.

Джедар снова чуть кивнул, принимая её выбор, как первый настоящий приказ от неё самой.

— Принято, — сказал он. — Эрьян, согласуйте с командором график и точки выхода.

— Есть, — коротко ответил Эрьян, делая пометку в планшете.

— И ещё, командор, — голос Вэйна прозвучал ровно, как всегда. — На Аджи в аномальных окнах мы фиксируем странные всплески. Не просто шум. Почти как… эхо. Возможно, это не связано. А возможно — это связано больше, чем кажется. Когда будете на юго-востоке, держите связь с орбитальной станцией Аджи 2, там очередная наша опора — майор Сати Мартенс.

Кира чуть наклонила голову, принимая и этот намёк, как ещё одну точку на карте, которую нужно проверить и посетить.

Заседание продолжалось ещё около часа. Обсуждали маршруты патрулей, график поставок на Зарру, состояние оборонительных систем на Карзе, текущую обстановку на Аджи, вопросы логистики между Аминой и Крионой. Кира слушала, задавала короткие вопросы, делала пометки, не на планшете, а в голове, потому, что голова надёжнее.

— Я не подведу, — просто сказала она, когда заседание подошло к концу. И это были не громкие слова. Была констатация, тихая, весомая, как камень, который кладут в основание стены.

Эрьян, отступив на шаг, позволил себе короткий взгляд на неё, уже не как на женщину, а как на командира, который только что принял на себя тяжесть целого сектора. И подумал: да, она недосягаема. Но именно поэтому это не поме-

шает работе. Она не будет обещать невозможного. Она будет делать то, что необходимо.

Кира вышла из зала, не оглядываясь. Её шаги по коридору звучали так же ровно, как и при входе. Но теперь в этом ритме было что-то новое, не просто уверенность, а принятая ответственность.

Она кивнула дежурному офицеру — молодому парню, который вытянулся по струнке, когда она прошла мимо, и чуть расслабился, только когда она свернула к лифту.

У окна она остановилась. Положила ладонь на стекло — оно было чуть тёплым, подогретым изнутри, и эта теплота казалась странной после холода Серебряных часов. За стеклом, там высоко в небе красно — фиолетовая туманность переливалась в холодном свете Моры — медленно, тяжело, будто дышала во сне.

Кира убрала руку от стекла и посмотрела на свою ладонь, потом на стекло: на нем остался тёплый след, медленно исчезающий.

Она кивнула для себя. Она не любила клятв и обещаний, которые могут разбиться о первую перегрузку или бой. Но сейчас ей было важно зафиксировать этот момент: она здесь, она видит картину, и она будет держать грань. А теперь к этой грани добавилась надёжная опора — «Монолит» с Кройцем, «Стрела» с Мураном, и эта команда рядом. И это меняло положение дел.

Глава 6 Когда молчание не пугает

Заседание закончилось в седьмом часу вечера. Лира уже зажгла свои уличные фонари, не яркие, а тёплые, янтарные, будто город не хотел никого ослеплять, а просто обозначал путь.

Майя Коста смотрела в окно, в холле. Северный рубеж. Командор Вэнс. Патрулирование.

— Майя, — рядом послышался голос Алекса Веррона.

Она не вздрогнула, но внутри что-то шевельнулось. Ее резко отвлекли от раздумий.

Алекс стоял у двери, прислонившись плечом к косяку. Полевая куртка расстёгнута, волосы чуть растрёпаны, будто он провёл рукой сверху, по привычке. Улыбка, та самая, добрая, широкая, от которой морщинки у глаз становились глубже.

— Ужин? — спросил он просто. Без предварительных речей, без заходов. Как предложил бы чашку кофе.

Майя посмотрела на него, оценивающе. Но оценивала не Алекса, а его предложение. Веррон был единственным человеком в этом штабе, с которым можно было говорить прямо, не думая о том, как он это интерпретирует. По крайней мере, так ей казалось.

— Есть одно место, — добавил Алекс, не дожидаясь от-

вета. — На улице Холмовой. Тихое, без навязчивых официантов, которые склоняются так низко, что видны их мысли. Там готовят каштановый суп. Ты ведь любишь каштаны. Я бы хотел перед отбытием на Зарру вкусно перекусить, желательно в хорошей компании, особенно такой очаровательной особы.

Майя подняла бровь. Алекс был прям и даже в какой-то степени нагл. Он перешёл на «ты», и его это не смущало, что он обращается к старшему по званию.

— Откуда ты знаешь, что я люблю каштаны?

— Я не знаю. Но каштан растёт у тебя во дворе. Если бы ты его не любила, давно бы переселилась.

Она была застигнута врасплох. Она специально выбрала квартиру в тихом районе города, чтобы не привлекать внимания и быть в тени. И да, там действительно росли каштаны, в тихом, маленьком дворике. Он знал, конечно, это не тайна государственной важности, но он знал. Или просто сказал не зная и угадал? Майя не подала вида. Она чуть усмехнулась. Логика была дурацкая, но работала.

— Ладно, — сказала она. — Каштановый суп.

Место оказалось именно таким, как он описал: маленький ресторан на углу, с тёмным деревом, низким потолком и окнами, выходящими на тихую улицу, где фонари не светили в глаза. Пахло хлебом, розмарином и чем-то сладким, чего Майя не могла определить, но ей был приятен этот запах.

Алекс открыл дверь перед ней. Не с размахом, не как офи-

циант, просто придержал рукой и чуть отступил в сторону. Майя вошла, отметив этот жест так же, как отмечала бы сдвиг в патрульном маршруте: без эмоций, только фиксация.

Их столик был у окна — Алекс выбрал его сам, кивнув хозяину, которого, судя по короткому обмену взглядами, знал. Хозяин — пожилой мужчина с лицом, похожим на печёное яблоко, улыбнулся и ушёл, не доставая меню.

Алекс отодвинул стул для Майи. Не церемонно, просто отодвинул, одной рукой, и чуть наклонил голову, будто это было само собой разумеется. Он сделал это так, как делают, когда в цеху помогают товарищу снять тяжёлый кожух: просто шагнул, чуть наклонил корпус, подтолкнул стул одной рукой. И в этом «само собой разумеется» было больше уважения, чем в любом парадном поклоне. Майя села. И подумала: «Он это делает не для меня. Он это делает потому, что привык. Или потому, что хочет, чтобы я думала, что привык».

— Воды? — спросил Алекс, уже наливая в её стакан из кувшина, который стоял на столе. Не дожидаясь ответа. Просто налил, поставил кувшин на место и улыбнулся.

Майя взяла стакан, сделала глоток. Вода была холодная, с мятой и от этого, вода казалась ещё более свежей, чем должна была быть.

Он ухаживает, — подумала она. Не с тревогой, не с раздражением, а с профессиональным интересом. Как аналитик, который замечает сдвиг в данных: не важно, что это зна-

чит сейчас, важно, что это может означать потом.

Алекс Веррон ухаживал. Не громко, не напоказ, мелочами. Когда хозяин принёс хлеб, Алекс протянул ей тарелку, прежде чем взять себе. Когда принесли суп, он чуть повернул тарелку так, чтобы ручка смотрела в её сторону. Ни одного жеста, который можно было бы назвать «намёком». Но в сумме — это картина, которую Майя видела ясно: человек, который хочет быть приятным.

Зачем? — подумала она. И тут же ответила себе: Потому, что ему нужно что-то. Или потому, что он просто такой. Или потому, что хочет, чтобы я думала, что он такой.

Майя Коста не была женщиной, которую легко обмануть. Но она была той женщиной, которая умела позволить себя «не обманывать», если видела в этом пользу. Если Веррон хочет играть в галантного кавалера — пусть играет. Чем больше он улыбается, тем больше он расслабляется. Чем больше расслабляется, тем больше говорит. А когда человек говорит — он выдаёт себя. Не словами: интонациями, паузами, темами, которые выбирает и которых избегает.

Пусть ухаживает, — решила Майя. Пусть думает, что я не замечаю. Мне это ничего не стоит. А ему может стоить.

И она чуть-чуть, на самую малость, расслабила плечи. Не для него, для себя. Чтобы он увидел, что произвел на нее эффект. Чтобы продолжил.

Каштановый суп был густым, тёплым, и в его запахе было что-то до боли знакомое: не из детства, а из тех дней, когда

ты возвращаешься домой после долгого дежурства, и единственное, чего хочется — чтобы кто-то просто налил тебе тарелку чего-то простого. Майя вдохнула этот запах и вдруг поняла, что не вспоминала его годами. А теперь он вернулся — тёплый, уютный, и от этого становилось чуть легче дышать.

— Она тебе понравилась, — сказал Алекс. Не как вопрос, как констатация.

Майя сделала глоток супа. Каштановый, густой, тёплый — он оказался хорошим.

— Понравилась — не то слово, — ответила она. — Она меня… заинтересовала.

— Разница?

— Понравилась — это когда ты хочешь, чтобы человек остался. Заинтересовала — это когда ты хочешь понять, кто он. И потом решить.

Алекс кивнул, макая хлеб в суп. Он ел просто, без изысков, отламывал куски, макал, ел. Руки двигались уверенно, но без грубости. Руки рабочего, который умеет быть аккуратным. На костяшках лёгкие следы старой мозоли, на запястье тонкая царапина, будто он зацепился за край обшивки. Он ел без церемоний, и в этом тоже была своя честность: он не пытался казаться кем-то другим.

— И? — спросил он. — Поняли?

— Пока нет, — Майя посмотрела в окно. Фонарь на углу вздыхал и покачивался на ветру, будто был старым сторо-

жем, который ворчит, но всё равно стоит на посту. Его свет ложился на мокрый асфальт неровными полосами, и эти полосы двигались, как волны — туда-сюда, туда-сюда.

— Она слишком ровная. Слишком аккуратная. Говорит мало, слушает много. Это может означать, что она осторожна. А может — что уже всё решила.

— Или что она просто умеет держать себя, — тихо сказал Алекс. — Как ты.

Майя посмотрела на него. Он улыбался. Не хитро, не лукаво, простая улыбался. Будто сказал очевидное.

— Я не сравниваю себя с ней, — ответила Майя ровно.

— Нет, — согласился Алекс. — Ты не просто сравниваешь. Ты сравниваешь, но не признаёшься в этом себе. Это разные вещи.

Повисла пауза. Не тяжёлая, тёплая, как суп в тарелке. Майя отметила: он не боится молчать. Это редкость. Большинство людей заполняют паузы словами, потому что тишина их пугает. Веррон не пугался. Он просто сидел, ел хлеб и ждал.

— Она будет патрулировать, — сказала Майя, возвращаясь к делу. — Лично для меня — это хорошо. Но это и риск.

— Почему риск?

— Потому, что командор тяжёлого крейсера, который лично ходит в патруль, — это либо командор, который хочет знать, либо командор, который хочет показать. Если первое — нам повезло. Если второе — она будет искать повод, что-

бы проявить себя. А поводы в нашем секторе бывают… дорогими.

Алекс наклонил голову — на этот раз серьёзно, без улыбки.

— Я думаю, она хочет знать, — сказал он. — Я видел её глаза, когда Эрьян говорил о разведчиках Иркса. Она не испугалась. Она не обрадовалась. Она… считала. Как ты считаешь. Как я считаю корабли на верфи — не потому, что хочу, а потому, что должен.

— Ты сравниваешь её со мной, — заметила Майя.

— Нет, — Алекс снова улыбнулся. — Я сравниваю её с собой. Ты тут вообще ни при чём.

Майя чуть прищурилась. Он сказал это легко, почти небрежно — но за небрежностью был ход. Он сместил фокус: не «она как ты», а «она как я». А Майя «тут ни при чём». Это было либо честно, либо тонко. И Майя пока не могла определить, что из двух.

— Допустим, — сказала она. — Тогда скажи: что бы ты сделал, если бы она пришла на Зарру и начала командовать?

— Я бы показал ей верфи, — ответил Алекс без колебаний. — Без парада, без совещаний. Просто повёл бы по докам. Пусть увидит, как гудят стены, почувствует, как пахнет сварка, как мастер за тридцать лет выучил каждый шов на корпусе. Пусть почувствует, что Зарра — это не просто точка на карте, а живой организм. А потом спросил бы: «Как вы хотите это защитить?» Не «от чего», а «как». Разница боль-

шая.

Майя молчала. И думала: он говорит правильно. Не красиво, а правильно. Это редкость. Большинство людей говорят красиво, но неправильно. Веррон — наоборот.

— Ты бы не стал с ней спорить? — спросила она.

— Нет. Я бы дал ей увидеть, а потом дал решать. Спорить с командиром, который только что увидел верфи своими глазами, — это спорить с человеком, у которого уже есть факты. А спорить с фактами — пустая трата времени. Потом мы бы зашли в первую попавшуюся столовую, и я бы накормил её нашим простым армейским обедом: первое, второе, салат, компот — в простой обстановке, простая еда в простой посуде. А потом лично довёз бы до её корабля на самом простом армейском джипе, когда едешь по грунтовой дороге и чувствуешь своим позвоночником, сидя на жёстком сиденье все неровности, без всяких удобств и комфорта, как любят это делать военачальники в Намиссании.

— Я смотрю, ты мечтатель, Алекс, — Майя посмотрела на него, покачав головой.

Алекс налил ей ещё воды. Майя заметила, что он налил ей раньше, чем себе, но так естественно, что это не выглядело каким-то жестом. Выглядело дыханием.

Он играет, — подумала она. — Но играет хорошо. И мне это почти нравится. Почти.

— А ты? — спросил Алекс. — Ты бы стала с ней спорить? Или показала бы всё в лучшем виде, чем оно есть на самом

деле?

— Я бы стала с ней работать, — ответила Майя. — Спорить — это когда есть позиции. Работать — это когда есть цель. Если цель общая — позиции можно выстроить. Если цель разная — спор бесполезен.

— И какая цель у тебя? — вдруг спросил Алекс, в его взгляде не было ничего необычного, будто спонтанный вопрос в продолжении темы. Или так и было.

Майя посмотрела на него. Долго. Так, как смотрят, когда решают, можно ли сказать правду.

— Чтобы Аррубин держался, — сказала она тихо. — Не как провинция. Не как колония. А как… дом. Который стоит сам.

Алекс не кивнул. Не улыбнулся. Просто посмотрел на неё и в его глазах, карих, тёмных, на секунду мелькнуло что-то, что не было ни одобрением, ни сюрпризом. Это было узнавание. Будто он услышал то, что уже знал, но от другого человека и от этого оно стало реальнее.

— Дом, — повторил он. — Это хорошее слово.

Потом он снова улыбнулся. И снова отодвинул кувшин так, чтобы Майе самой было удобнее дотянуться. И снова это выглядело так, будто он ничего не сделал особенного.

Он знает, что делает, — подумала Майя. Он знает, что я вижу. И продолжает. Это либо уверенность, либо расчёт. И пока я не могу сказать: что из двух.

Она сделала ещё глоток воды. Мята холодила губы.

Пусть продолжает, — решила она. Чем больше он улыбается, тем больше я вижу. А когда нужно будет, я буду уже знать, куда нажать.

И это было правдой. Но правдой было и другое — то, что Майя себе не признала: ей было спокойно. Не потому, что Веррон ухаживал. А потому, что он молчал, когда следовало, говорил, когда нужно, и не пытался быть тем, кем не был. И в этом спокойствии было что-то, что она не позволяла себе чувствовать на работе. Что-то, что пахло каштановым супом и мятной водой, и что напоминало ей не о безопасности, а о жизни.

— Десерт? — спросил Алекс.

— Нет, — ответила Майя. — Мне пора.

— Конечно, — кивнул он. И встал первым, чтобы отодвинуть стул.

Майя поднялась, надела пиджак. Алекс помог, не навязчиво, просто придержал край, чтобы она не зацепилась рукавом. Мелочь. Пустяк. Но Майя заметила. Она всегда замечала.

Они вышли на улицу. Прохладный воздух ударил по щекам, но не грубо, а как глоток ледяной воды, который возвращает тебя в реальность. Пахло дождём и хвоей — тем самым запахом, который бывает только в горах после ливня, когда земля выдыхает всё напряжение дня. Капли тихо стучали по крышам, и этот стук был похож на ровный пульс города: раз-два, раз-два. Фонарь качался, и тени ложились на

мокрый асфальт, как фигуры на доске.

— Спасибо за суп, — сказала Майя.

— Спасибо за компанию, — ответил Алекс. И улыбнулся — той самой доброй улыбкой, которой хотелось доверять.

— Алекс, хорошей тебе дороги до Зарры. До встречи, — попрощалась Майя, и в этой интонации что-то было.

— До встречи, — ответил он, тепло улыбнувшись.

Майя кивнула. Развернулась. Пошла к своей машине, старому внедорожнику, который стоял чуть дальше по улице, тёмный и неприметный.

Алекс смотрел ей вслед. Долго. Пока она не села в машину и пока та не тронулась.

Его ждала правительственная машина. Он сел в неё, впереди дорога до космодрома, без сопровождения, потом пара дней на корабле до Зарры. В салоне было тихо и слишком стерильно. Алекс смотрел в окно, на мелькающие фонари, и думал о Майе. Не о том, как она красива — хотя она была красива, — а о том, как она слушает. Не кивает, не поддакивает, а слушает так, будто каждое слово — деталь, которую нужно поставить на место. Обворожительная и соблазнительная, но недоступная. Ещё больше его занимала Кира Вэнс. Тоже была хороша. К тому же лучший командор Намиссании. Несмотря на свой возраст, уже побывала в реальных боевых действиях и стала легендой. О том, как две такие разные женщины: одна как гранит, другая как пламя, могут стоять на одной стороне. И о том, что, возможно, именно это

и нужно Аррубину: чтобы рядом с холодным расчётом был кто-то, кто помнит про каштановый суп.

А потом он чуть усмехнулся и тихо сказал сам себе:

— Хорошо, что они все искренне думают, что я ведусь на их красоту и что я прямой, и простой.

И улыбнулся. Это была его хитрость. Он хотел, чтобы все были на виду. Он доверял команде губернатора, но так ему было ещё спокойнее. Пусть думают, что читают его, — пусть верят, что его улыбка шире, чем его ум. Чем больше они уверены, что видят его насквозь, тем меньше они смотрят туда, куда он не хочет, чтобы смотрели. Простой парень с Зарры, который открывает двери и наливает воду. Добрая улыбка, тёплый хлеб, честные глаза. И за всем этим человек, который шёл первым, когда то, на передовой, и знает, сколько кораблей выйдет из доков, не по отчёту, а по гулу стен.

А Майя ехала по тёмным улицам Лиры и думала. Не о Кире Вэнс, не о рубежах, не о разведчиках Иркса.

О каштановом супе. О мятной воде. О руках, которые отодвигали стул так, будто это было дыхание.

И о том, что Алекс Веррон — единственный человек в этом городе, чья улыбка заставляла её забывать, на секунду, что она полковник.

На одну секунду. Не больше, но и не меньше.

Глава 7 Вечер в Лире

По окончании заседания, Майя Коста ушла первой, бесшумно, как тень, которой стало скучно в светлом зале. Моралес задержался, обменялся парой слов с Верроном, кивнул Кире коротко, без улыбки и вышел. Веррон пожал Кире руку крепко, по-боевому.

— Рад, что вы с нами, командор, — сказал он. — На Заррe, если понадобится, вы всегда желанный гость.

— Учту, майор, — ответила Кира.

Эрьян стоял возле губернатора, Джедар попросил:

— Эрьян, дайте нам минуту.

Эрьян кивнул, без обиды, без вопросов и вышел, мягко прикрыв дверь.

В коридоре он остановился у колонны, достал планшет и сделал вид, что проверяет сообщения. На самом деле он ни о чём не думал, просто ждал. И в этом ожидании, пришла она.

Не мысль, образ. Рания, три года назад. Правительственный прием в Намиссании. Мраморный зал, холодный свет, музыка, которая звучала так тихо, будто боялась помешать разговорам. Он увидел её через весь зал: стройную, в тёмном платье, с волосами, собранными так туго, что казалось, ни одна прядь не смеет нарушить эту геометрию. Она стояла одна, с бокалом, не пила, просто держала, и в этом жесте бы-

ла вся Кира Вэнс: присутствовать, но не участвовать. Быть, но не растворяться.

Он подошёл. Заговорил. Она отвечала вежливо, ровно, без холода, но и без тепла. Он пригласил её на ужин. Она отказалась, мягко, с улыбкой, которая не оставляла зазора. Он настоял, не грубо, а с той спокойной уверенностью, которая обычно работала. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «Эрьян, вы прекрасный человек. Но я — не та, кто вам нужен. И вы — не тот, кто нужен мне».

Он принял это. Тогда, с лёгким уколом, который зажил быстро. Сейчас же он это воспринял без единого укола.

Дверь открылась. Кира вышла и по её лицу он понял: что-то изменилось. В ее настроении. Она выглядела чуть мягче, будто сбросила на секунду что-то тяжёлое. Или кто-то помог ей сбросить.

Но прежде, чем она сделала шаг вперёд, она на секунду замерла у витражного окна, в холле. То самое окно, у которого она стояла, пытаясь удержать равновесие. Она не смотрела на город, она смотрела на своё отражение в стекле. Она приложила ладонь к холодному стеклу. Пальцы коснулись гладкой поверхности, и холод проник под кожу.

Таким нехитрым способом, Кира возвращала свое восприятие в текущий момент.

— Командор, — вежливо обратился Эрьян. — Могу я проводить вас до квартиры? Губернатор просил передать ключи. И… если вы не против, по дороге мы заедем в один

маленький ресторанчик. Вы ведь ещё не пробовали аминскую кухню.

Кира опустила руку, медленно, будто сбрасывая воду. Повернулась к нему. Её лицо снова было маской спокойствия, той самой крепостью, в которую не пускают случайных людей. Но в глазах мелькнуло что-то ещё, не любопытство, а разрешение.

— Не против, — сказала она. — я действительно хотела бы попробовать что-нибудь аминское.

Они вышли к лимузину. Вечерний город встретил их тёплым светом фонарей, запахом чего-то сладкого из ближайшего сада и далёким шумом прибоя.

Ресторан, куда привёз их водитель, не был «маленьким и уютным». Это был «Альтаир» — место, где обедали те, кто формировал экономику Аррубина, где тишина стоила дороже золота, а внимание персонала было таким незаметным, что казалось, будто блюда материализуются сами по себе. Он располагался в старом квартале, но его фасад был не из тёплого песчаника, а из полированного чёрного камня, который поглощал свет и отражал его обратно тонкими, острыми гранями. Над входом не висела скромная деревянная вывеска — только тонкая гравировка на стекле: «Альтаир». Никаких лишних слов.

Внутри всё дышало сдержанной роскошью. Пол из белого мрамора с прожилками цвета старого серебра. Стены из фактурного каменя, подсвеченный так, что он казался жи-

вым. В воздухе витал тонкий аромат сандала и чего-то цитрусового, но не навязчивого, а едва уловимого, как намёк. Столы стояли на таком расстоянии друг от друга, что даже голос не мог пересечь границу чужой приватности.

Их провели к столику у окна. Эрьян отодвинул стул для Киры, не как ухажёр, а как человек, для которого хорошие манеры — это часть профессионального этикета. Она села, коротко поблагодарив, и её движение было таким же безупречным, как и всё остальное: ровно, без суеты, без лишней грации. Она не пыталась произвести впечатление, она сама была впечатлением.

Свет от окна падал ей на лицо, и кожа казалась тёплой, почти медовой. Она читала меню, чуть наклонив голову, и выбившаяся прядь лежала вдоль щеки. Эрьян отвёл взгляд. Взял своё меню и сделал вид, что читает.

— Рекомендую попробовать салат из местных овощей с трюфельным маслом, — сказал он ровным голосом. — И морепродукты, они здесь особенные. Их доставляют с утреннего улова, и шеф лично следит за подачей.

— Тогда салат и морепродукты, — кивнула Кира. — И чай. С мятой, если есть.

— Два чая, — подтвердил Эрьян официанту.

Пока ждали заказ, между ними стояла тишина, не напряжённая, а та самая, что бывает между людьми, привыкшими отвечать за свои решения. За окном медленно погасал закат,

и небо над Лирой перетекало из золотого в тёплый серый, с тонкими розовыми прожилками у горизонта.

— Как тебе здесь? — спросил Эрьян. Он сразу перешёл на «ты», пытаясь разрядить обстановку. — После Рании непривычно?

— Нет, — Кира чуть помедлила. — Привычно. Только по-другому. На Рании всё было… выверено до миллиметра. Здесь живо.

— Живо — это хорошо или плохо?

— Для меня хорошо. Я не люблю, когда всё слишком гладко -это часто маскирует застой.

Эрьян чуть улыбнулся. В этой улыбке не было флирта. Была солидарность.

— Понимаю. На Рании ты привыкла к идеальному порядку. Здесь порядок другой. Он держится не на регламенте, а на людях.

— И на том, что ты держишь всё это вместе, — спокойно добавила Кира.

Эрьян на секунду замер. Он не любил комплиментов. Но этот был точным.

— Не держу, — поправил он. — Выстраиваю систему, которая держится сама. Моя задача состоит в том, чтобы, если я завтра вдруг исчезну, ничего не сломалось.

— Это и есть держать, — возразила Кира, — Просто ты делаешь это так, что никто не видит твоих рук.

Она сказала это просто, без подтекста, без улыбки. Но

именно эта простота и была той силой, которая его пробивала. Она не рассыпалась в любезностях, не пыталась быть «удобной». Она говорила ровно то, что думала. И это было самым ценным подарком.

Принесли еду. Салат был произведением искусства: идеально нарезанные овощи, лёгкий аромат трюфеля и та самая кислинка, которая будоражит рецепторы. Морепродукты на льду, но лёд здесь был не простым, он был элементом подачи: прозрачным, идеально круглым, как драгоценный камень, подчёркивающий свежесть. Чай подали в тонких фарфоровых чашках, которые казались почти невесомыми. Он был тёплым, с мятной свежестью и тонкой цитрусовой ноткой, которая оставалась на губах ещё долго после глотка.

Кира ела не спеша, с видимым удовольствием, но её движения оставались экономными, точными. Она держала приборы так, будто это были инструменты управления кораблём: без лишней силы, но с полным контролем.

«Карина так же ест, — подумал Эрьян. — Так же спокойно, так же по-настоящему. Только Карина при этом рассказывает что-то смешное, а Кира молчит. Обе настоящие. Совершенно разные, но настоящие».

— Вкусно? — спросил он.

— Вкусно, — ответила Кира. — Ты не соврал. Это лучше, чем синтетика.

— Я не вру, — просто сказал Эрьян. — Это часть моей работы. Если я вру — система ломается.

Кира посмотрела на него и впервые за весь вечер в её взгляде мелькнуло что-то кроме вежливости. Признание. Тихое, скупое, но настоящее.

— Знаешь, — сказала она, — ты действительно изменился. Не внешне. Внутри. На Рании ты был… хорошим парнем. Сейчас ты человек, которому можно доверять.

Эрьян чуть наклонил голову. Для него это было больше, чем комплимент. Это было признание того, что его система работает.

— Спасибо, командор, — тихо сказал он.

Они допили чай. За окном зажглись первые звёзды, не такие яркие, как в пустоте, но живые, тёплые, будто отражённые от поверхности океана.

— Пора, — сказала Кира, и Эрьян не стал возражать.

Лимузин довёз их до элитного района, тихого, утопающего в зелени, где дома стояли не плотно, а с достоинством, оставляя друг другу место для света. Фонари горели тёплым жёлтым, в садах пели маленькие птицы.

Машина остановилась у одного из домов — пятиэтажного, из светлого камня, с широкими балконами, увитыми чем-то цветущим. Рядом располагался небольшой сад с фонарями, чуть дальше фонтан, струи которого переливались в свете Моры, как жидкое серебро.

Когда Кира вышла из машины, ночной воздух коснулся её лица, не холодный, свежий, с лёгкой солёной ноткой. В

саду тихо шелестели листья, и этот шелест был похож на шёпот старого дома, который рад новому жильцу. Фонтан переливался в свете холодной звезды, и капли, падая, издавали крошечные, почти неслышные звуки — будто кто-то тихо смеялся в темноте.

Кира вышла первой. Эрьян вышел следом, и она заметила, что у него в руках оказалась её дорожная сумка.

— И это всё? — спросил он, чуть наклонив голову. — Командор звёздного флота прилетает на новую планету с одной сумкой?

Кира чуть приподняла уголки губ. Это была не улыбка, а скорее признание иронии ситуации.

— Да. Завтра прогуляюсь по бутикам и присмотрю себе что-нибудь, — скромно, но с достоинством, ответила Кира.

Эрьян рассмеялся, негромко, по-доброму.

— Вот, — он протянул сумку. — Дальше, я так понимаю, вы справитесь сами.

— Благодарю, — Кира взяла сумку и ключи. — Спасибо, Эрьян. За ужин, за дорогу и приятную компанию.

— Всегда к вашим услугам, командор, — он отступил на шаг и чуть наклонил голову.

Кира развернулась и пошла к парадной — ровной, размеренной походкой. Ветер тронул выбившуюся прядь, и она не стала её поправлять. Свет Моры лёг на волосы, на плечи, на линию шеи и Эрьян стоял и смотрел, потому, что в этот момент не смотреть, было невозможно.

«Да, она прекрасна. Так и осталась несгибаемой мечтой, легендой…» — подумал он.

Кира скрылась за дверью. Эрьян выдохнул, тихо, медленно и сел в лимузин.

Водитель, тот самый, постарше, с молчаливым лицом, сидел за рулём и наблюдал за ними в зеркало.

— А ты засмотрелся на командора, я вижу, — сказал Эрьян с иронией.

Водитель чуть покраснел и кашлянул.

— Так точно, господин Кадар. Засмотрелся. Неловко признаться, но… это же сама Кира Вэнс. Она как… как маяк. На неё смотришь и понимаешь, что горизонт есть.

Эрьян тихо рассмеялся.

— Да. Это сама Кира Вэнс. Поехали.

Лимузин мягко тронулся, и ночной город принял его в свои тёплые, освещённые объятия. Эрьян достал телефон и написал короткое сообщение:

«Лечу домой. И захвачу что-нибудь сладкое, ты же любишь эти маленькие пирожные с ванильным кремом».

Через минуту пришёл ответ:

«Ура! Я как раз закончила анализ данных по тектоническим сдвигам, мне срочно нужно сахарное вознаграждение. Приедешь, расскажу, как я нашла аномалию, которую все пропустили».

Он улыбнулся тихой, настоящей улыбкой, которая появлялась только рядом с Кариной, попросил водителя заехать

в кондитерскую.

Кира поднялась на третий этаж. Квартира встретила её тишиной и запахом свежих цветов: кто-то позаботился, и на столе в прихожей стояла ваза с белыми лилиями. Не огромный букет, а просто несколько стеблей, чистых, с тонким ароматом, который заполнял пространство, не перехватывая дыхание.

Она прошла по комнатам. Спальня была просторной, с широким окном, за которым виднелись сады и огни фонтана. Кухня маленькая, но функциональная, с мраморной столешницей, холодной и гладкой, как палуба крейсера. Гостиная — с диваном, книжной полкой, пока пустой, видом на залив, где в свете Моры покачивались лодки, отбрасывая на воду тонкие, дрожащие линии света.

Кира поставила дорожную сумку у стены, села на подоконник и долго смотрела на ночной город. Где-то там Эрьян Кадар ехал домой, к женщине, которую любил. Где-то в базальтовом здании Юрий Джедар сидел в кабинете и, наверное, разговаривал со Стеллой по защищённому каналу. Где-то Алекс Веррон держал свой путь на Зарру.

А она сидела на подоконнике, распустила волосы, и они рассыпались по плечам, как тёмная вода. И впервые за долгое время она не думала о долге, о секторе, о чужих кораблях на границе. Она думала о том, что завтра утром откроет окно, и воздух будет так же пахнуть солью, травой и чем-то

ещё, тем самым, чем пахнет дом.

Она коснулась пальцами стекла снова, как тогда в холле, только теперь не проверяя, а просто чувствуя холод. Это был её способ сказать: «Я здесь. И я справляюсь».

Она достала планшет. Открыла первую и единственную главу «Блуждающего». Прочитала первые строки и тихо улыбнулась.

«Ни в чём, — подумала она. — Может быть и так. Но я всё равно здесь».

За окном мерцали две звёзды созвездия Амарра: дикие, неровные, упрямые.

Глава 8 Когда сталь становится шёлком

Вечер в их доме на утёсе был не из тех, что устраивают для гостей. Здесь не звенели бокалы, не звучала громкая музыка, не мелькали вспышки камер. Дом стоял на краю мыса, и ветер, прилетавший с океана, не пытался ворваться внутрь — он будто уважительно замедлялся у высоких стеклянных дверей и только шептал что-то в щели.

Эрьян стоял у бара и наливал два бокала красного. Не коллекционного, не ради статуса или шика, а того самого, которое они нашли в маленькой винодельне на окраине Зирры, когда ездили туда инкогнито, просто чтобы побыть вдвоём. Он делал это медленно, почти ритуально: не спеша, без суеты, так, как делал всё, что имело значение.

Звук льющегося вина был мягким, журчащим, как маленький ручей, который никуда не торопится. Бокал на половину наполнился, и Эрьян остановился, не продолжил, он знал: вино должно дышать. Как и разговор. Как и тишина.

Руки двигались уверенно, те самые руки с мозолями от тренировок, которые не сочетались с безупречным костюмом, но именно это сочетание делало его настоящим.

Карина сидела на широком диване у камина. На ней было

простое платье из мягкой и красивой ткани, не вечернее, не для приёма, а такое, в котором можно сидеть, поджав ноги, и смотреть, как огонь рисует тени на стене. Она читала что-то на планшете, но время от времени поднимала глаза, не на Эрьяна, а на вид за окном: на то, как море сливается с небом, и границу между ними невозможно разглядеть.

Высокая, статная, с живым, чуть насмешливым взглядом, в котором всегда пряталась улыбка, она была из тех женщин, которые не пытаются заполнять пространство, они просто заполняют его, потому что так устроены. Её светлые волосы были распущены и падали на плечи мягкими волнами, и в свете камина в них мелькали золотые блики.

В доме пахло деревом, морской солью и чем-то неуловимо тёплым, что нельзя было купить или сделать на заказ — запахом жизни, в котором двое людей давно перестали быть гостями друг для друга. Где-то в углу тихо тикали старинные часы, не громко, но ровно, будто отсчитывали не время, а моменты счастья, чтобы не потерять ни один.

Он подошёл, протянул ей бокал, сел рядом, но не слишком близко, ровно на том расстоянии, которое нужно, чтобы чувствовать тепло, но не нарушать тишину.

— Сегодня было тяжело? — тихо спросил он.

Карина чуть оторвалась от планшета, взяла бокал, сделала маленький глоток.

— Немного. Анализ тектонических сдвигов по Аджи выдал интерпретацию. Данные на юге, за сектором три не схо-

дятся с моделью. Либо модель неверна, либо мы чего-то не понимаем. А я не люблю не понимать.

— Ты разберёшься, — просто сказал Эрьян. Не как утешение, как факт. Он знал её достаточно, чтобы не предлагать помощь там, где она не нужна. Карина разбиралась сама. Ей не нужен был спаситель, ей нужен был тот, кто верит в неё, не задавая вопросов.

Она посмотрела на него, и в этом взгляде было столько благодарности, что ему стало тепло даже без огня.

— Спасибо, что не говоришь: «Давай я позвоню кому-нибудь».

— Потому, что ты сама разберёшься, — улыбнулся Эрьян. — А я просто буду рядом. На случай, если понадобится щит. Или меч. Или просто тот, кто нальёт тебе вина и скажет, что ты права.

Она рассмеялась, тем самым смехом, который всегда делал комнату светлее. Не громко, не заливисто, а так, будто мир вокруг чуть замедлился, чтобы дать этому звуку место.

Они помолчали. За окном темнело, и море становилось почти чёрным, а в доме зажигались тёплые лампы, не ярко, а так, чтобы мягко очерчивать контуры: изгиб дивана, линию её плеча, его руку на подлокотнике. Тени ложились на стены плавно, будто рисовали их с уважением.

Море за окном не молчало. Оно разговаривало: то шуршало галькой, будто перебирало чётки, то тяжело вздыхало, набегая на скалы, то вдруг замолкало на секунду, будто при-

слушивалось к тому, что происходит в доме. Эрьян привык к этому голосу, он стал фоном его спокойствия, как шум вентиляции на станции, только живым, тёплым, настоящим.

Эрьян смотрел на неё. Не оценивающе, не аналитически, просто смотрел, как смотрят на единственное, что по-настоящему важно и дорого. Она читала, чуть наклонив голову, и выбившаяся прядь лежала вдоль щеки. Пламя камина отражалось в её глазах, и от этого они казались ещё глубже, ещё теплее.

Он подумал: вот эта секунда. Вот этот момент, когда всё вокруг замерло, и она просто сидит рядом, живая, настоящая, его. Не потому, что он её завоевал. А потому, что она выбрала его — одного, из всего мира, из всех вариантов, из всех возможных жизней, она выбрала эту. С ним.

Он поставил бокал на столик. И вдруг встал на одно колено, прямо перед ней, на пушистом ковре, где они обычно валялись по утрам, смеясь и откладывая начало дня ещё на полчаса.

Это было не театрально. Не с цветами, не с музыкой. Просто он опустился на колено, посмотрел ей прямо в глаза и впервые в жизни в его взгляде не было этой стальной уверенности. В нём была надежда. Чистая, незащищённая, настоящая.

В руке у него не было бархатной коробочки из ювелирного салона. Из внутреннего кармана пиджака он достал тонкую цепочку, которую носил на шее, — и снял с неё перстень.

Старый, из архивов его семьи, передававшийся по мужской линии. Не массивный, не показной — узкое золотое кольцо с тонкой гравировкой, которую можно было разглядеть только если поднести к свету. Но именно в свете камина гравировка проступила: два переплетённых узора, как два потока, которые сливаются в один.

Карина замерла. Планшет выскользнул из её рук и мягко лёг на диван. Она смотрела на него: на этого мужчину, который мог одним словом остановить целую систему, который не принимал оправданий, который держал себя так, что рядом с ним люди невольно выпрямлялись, и сейчас стоял перед ней на одном колене и доверял ей самое хрупкое, что у него было: своё «пожалуйста».

— Я не буду обещать, что всё будет легко, — тихо сказал он. Голос, который обычно звучал ровно, как стальная струна, сейчас чуть дрогнул, едва заметно, так, что только она могла услышать. — Я не могу обещать, что у нас не будет кризисов, скандалов, или дней, когда я буду приходить домой настолько уставшим, что даже не смогу рассказать, что случилось. Но я обещаю, что каждый раз, когда ты будешь сомневаться, я буду рядом, чтобы напомнить: ты — самое важное, что у меня есть. Пусть ты делаешь меня не сильнее — ты делаешь меня настоящим. Выходи за меня.

Тишина. Не та, что бывает в переговорных залах, когда все ждут решения. А другая: мягкая, тёплая, в которой одно слово может изменить всё.

Карина протянула руку, взяла перстень, не чтобы надеть, а чтобы почувствовать его вес. Металл был тёплым от его кожи.

— Знаешь, что меня в тебе пугает? — тихо спросила она. — Не твоя власть. Не то, сколько людей тебя слушают. А то, что ты умеешь быть таким… беззащитным. Только со мной.

Эрьян чуть улыбнулся, той самой редкой полуулыбкой, которая попадала точно в цель.

— Это не беззащитность, — мягко сказал он. — Это доверие.

Она надела перстень на свой палец. Он сел рядом, притянул её к себе, и она положила голову ему туда, где билось его сердце, ровно и сильно, как пульс планеты.

— Да, — прошептала она. — Да, я выйду за тебя.

Он выдохнул так тихо, что она едва услышала. И обнял её крепче, чем когда-либо, будто боялся, что если ослабит хватку, этот момент исчезнет. Но не грубо, бережно, как держат то, что дороже всего на свете.

Они сидели молча, и огонь в камине потрескивал ровно, будто отбивая ритм их дыхания. За окном море дышало медленно, тяжело, набегая на скалы и отступая, набегая и отступая. Где-то далеко, на горизонте, мерцали огни рыбацких лодок, маленькие, тёплые, будто звёзды, которые решили искупаться.

— Через шесть месяцев, — сказала Карина, поднимая голову. — Хочу, чтобы это было не в зале приёмов, не под ка-

мерами, не для прессы. Хочу здесь. На этом берегу. Чтобы были только те, кто нам по-настоящему дорог. И чтобы ветер был таким же, как сегодня.

Эрьян кивнул. Для него это было не просто «да, дорогая, как скажешь». Это был план. И он уже мысленно расставлял приоритеты: перенести три встречи, отменить одну поездку, договориться с капитаном маяка, чтобы в тот день огни горели ярче обычного.

— Шесть месяцев, — повторил он, словно закрепляя это слово в реальности. — И пусть весь мир подождёт.

Карина рассмеялась и ткнула его пальцем в плечо.

— Вот это — точно фраза из твоего рабочего словаря. «Пусть подождёт». Ты ведь уже всё расставил в голове, да? Кого пригласить, как рассадить, что подавать, куда ставить освещение?

Эрьян чуть приподнял бровь, ту самую, которую он поднимал на совещаниях, когда кто-то говорил очевидное.

— Нет.

— Врёшь.

— Я не вру. Это часть моей работы. Если я вру, система ломается.

— А свадьба — это система?

— Свадьба — это операция. А любую операцию нужно планировать.

Карина засмеялась громче, свободнее, откинув голову назад, и этот смех заполнил весь дом, каждый угол, каждую

тень. Эрьян смотрел на неё и думал: вот ради чего стоит работать по шестнадцать часов в сутки. Ради этого смеха. Ради того, чтобы она вот так откидывала голову и не боялась быть счастливой.

— Хорошо, командир, — сказала она, вытирая уголок глаза. — План — буран. Но с одним условием.

— Каким?

— Ты не будешь командовать в день свадьбы. Ты будешь просто женихом. Просто мужчиной, который стоит рядом со мной и боится, что я передумаю.

— Я не боюсь, — тихо сказал Эрьян.

— Врёшь снова, — она улыбнулась, и в этой улыбке была вся её суть: тёплая, живая, чуть насмешливая и абсолютно его.

— Ладно, — он наклонил голову, признавая. — Может быть, чуть-чуть.

Она положила ладонь ему на щёку легко, невесомо, будто тронула перо. Его кожа была чуть шершавой, вечерняя щетина, которую он не успел сбрить, потому что сегодня ему было не до протокола. Она провела большим пальцем по линии челюсти, по той самой линии, которую знала наизусть, и он закрыл глаза на секунду, потому что это было единственное в его жизни, ради чего он мог позволить себе закрыть глаза.

Ночь окончательно накрыла мир. В доме стало тихо и более уютно. Эта тишина была наполнена: их дыханием, трес-

ком дров, шёпотом моря и тем самым чувством, когда два сильных человека наконец-то нашли место, где можно просто быть. Не большой начальник. Не «первый заместитель» и не «руководитель группы». Просто он и она. Эрьян и Карина. Два потока, которые слились в один.

За окном мерцали звёзды созвездия Амарра — дикие, неровные, упрямые. А на её пальце, в свете камина, тихо поблёскивал перстень, который ждал этого момента дольше, чем кто-либо из них мог представить.

Глава 9 Метеостанция 8

Утро на «Аджи-1» выдалось тихим. За панорамными окнами штаба пустыня лежала ровная, рыжая, залитая мягким светом Лиры, той самой тёплой звезды, которая в эти часы поднималась над горизонтом и окрашивала лиловое небо в золотистые тона. Ветер снаружи едва ощутимо шуршал песком по наружным обшивкам станции, привычный, фоновый, как далёкий шум моря, к которому привыкаешь на второй день.

В штабе было тепло и сухо. Вентиляция работала ровно, без перебоев, «Аджи-1» вообще работала как часы, и в этом была своя закономерность: планета позволяла станции существовать. Не мешала. Как будто признавала за людьми право на этот маленький клочок комфорта среди бескрайней, равнодушной пустоты. Может из любопытства. Может из чего-то, для чего у людей не было названия.

Кайл Джавад сидел в углу, пил кофе из своей неизменной кружки, потёртой, стёртым на половину логотипом, какого-то, давно забытого турнира по тактическому пилотажу. Лениво пролистывал журнал техобслуживания. Кофе на «Аджи-1» был, на удивление, неплох: Рико Сурин где-то раздобыл настоящий зерновой, а не растворимую бурду из снабженческих пайков, и теперь варил его по утрам в старой тур-

ке, которую берёг пуще любого оборудования. Запах стоял в коридоре такой, что мимо невозможно было пройти, не замедлив шаг.

— Кайл, ты опять кофе расплескал, — сказала Иса Хамад, не отрывая глаз от экрана. Её пальцы тихо и ровно стучали по клавиатуре — она вела утренний мониторинг, сводила данные с датчиков по всему сектору D3. Голос у неё был ровный, спокойный, чуть с хрипотцой от недосыпа, но без раздражения. — Я только протёрла пульт.

— Это не я, — Кайл невозмутимо отпил из кружки. — Это гравитация.

— Гравитация здесь стандартная, — парировала Иса. — Лгун!

— Значит, кофе сам, — Кайл отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Иса чуть фыркнула коротко, почти беззвучно, но Кайл услышал и усмехнулся. Между ними была эта лёгкая, привычная перепалка — не ссора, а ритм двух людей, которые работают вместе давно и давно перестали друг друга замечать как людей, а замечают только как часть пейзажа. И всё же замечают.

Кайл скользнул взглядом по её фигуре: в этой песочной форме она всегда выглядела так, будто сама была частью системы — собранной, точной, без лишних движений. Высокий хвост, из которого выбилась одна упрямая прядь, только подчёркивал эту собранность: будто Иса позволила се-

бе, ровно одну, маленькую небрежность и на этом остановилась. На левой ключице, там, где форма чуть сползала с плеча, мелькнула тонкая стрелка-татуировка, крошечный ориентир, который он почему-то всегда замечал.

— Ты опять проверяешь D3 по кругу? — спросил он, уже без шуток.

— Пока не сойдётся, — спокойно ответила она, не поднимая глаз. — А если не сойдётся, проверю ещё раз.

Торн стоял у главного экрана, руки скрещены на груди, и смотрел на карту сектора D3, где располагалась метеостанция 8.

Иса, листая журнал, на секунду задержала взгляд на командире.

Торн умел быть заметным, не привлекая внимания. Высокий, собранный, он стоял так, будто весь штаб держался на его неподвижности. Лицо было будто высечено из камня: скупые черты, прямой нос, линия челюсти, ни намёка на мягкость. Серо-зелёные глаза скользили по карте не спеша, но цепко, словно он считывал не координаты, а намерения самой пустыни.

Полевая военная форма, песочного цвета, сидела на нём, как вторая кожа. Строгий мундир, без лишних деталей, только тонкая полоса ветерана на рукаве — это единственная уступка прошлому. На запястье, тяжёлые тактические часы с циферблатом, повёрнутым внутрь: Торн не смотрел на время, он его ощущал.

Он молчал, и в этом молчании не было напряжения, просто привычка: Торн всегда изучал карту перед совещанием, будто хотел выучить каждый изгиб рельефа, каждую тень от скал, прежде чем говорить. Ему нравилось знать больше, чем он собирался сказать.

У пульта, чуть в стороне от остальных, стояли две научные сотрудницы КИРН, прикомандированных к станции для работы с Хели Восс: Тия Сенеб и Илайя Мендес. Обе числились за КИРН — частной корпорацией, которая сотрудничала с правительством Аррубина и работала на Аджи по своему профилю: сбор и анализ данных, магнитные замеры, калибровка приборов. Обычная научная работа. Рутина.

Тия невысокая, тёмно-каштановые волосы собраны в простой хвост, мягкое лицо, которое легко терялось в толпе. Она не привлекала внимания и в этом была её суть: женщина, которую ты сто раз видел, но не запомнил. Тёплый, низкий голос, спокойный взгляд, будто она слушала не слова, а паузы между ними. Всё, что,было на ней, функционально: песочная форма: куртка, штаны, удобные ботинки, тонкий браслет-обруч на запястье, который выглядел как бижутерия. Перчатки в кармане.

Тия стояла чуть в стороне, руки в карманах, и машинально касалась браслета большим пальцем, коротко, привычно, как касаются часов, проверяя, на месте ли. Жест, который она не замечала за собой, но который выдавал её: человек, привыкший контролировать мелочи, потому, что от мелочей

зависит всё.

Рядом с ней стояла Илайя. Совсем другая. Высокая, стройная, подтянутая, с лёгкой спортивной статью, фигура, которая говорила: «Я могу за себя постоять». Огненно-рыжая копна густых волос, собранных в хвост, — единственное на всём «Аджи-1», что контрастировало с оранжевым песком за окном. Крупные, но гармоничные черты лица: широкие брови, большие зеленовато-голубые глаза, крупноватые губы, прямой нос. Лицо открытое, располагающее, без надменности. Когда она смотрела, казалось, что видит насквозь, но не осуждает. На шее простой кулон на тонкой цепочке, не украшение, а личный маячок. На правом запястье старые командирские часы с потёртым ремешком. Голос ее тёплый, низковатый, с лёгкой хрипотцой: к нему прислушиваешься, не потому, что громкий, а потому, что звучит.

Илайя улыбалась, слушая перепалку Кайла и Исы. Это была естественная, тёплая улыбка из тех, что появляется сама, когда вокруг тебя люди, которые тебе нравятся. Она стояла, чуть наклонив голову, просто привычка слушать под углом, будто звук имеет форму и его удобнее ловить чуть сбоку. В её руке кружка с чаем. Не кофе, а именно мятный чай, который она заваривала себе каждое утро, и от которого в коридоре пахло летом, настоящим, зелёным, которого на Аджи не бывало.

— Ну что, — Кайл допил кофе и поставил кружку на край пульта, что там с восьмой? Опять ретранслятор сдох?

— Не сдох, — ответила Иса, не отрывая глаз от экрана. — Просто замолчал. Сигнал пропал четыре дня назад. Последний пакет данных пришёл нормальный: температура, давление, ветер. А потом ничего. Ни помех, ни аварийного сигнала. Просто тишина.

— Может, антенну песком занесло, — предположил Кайл. — В прошлый раз третью два дня чистили.

— Может, — согласилась Иса. — А может, и нет. Поэтому и отправляем людей смотреть.

Торн повернулся к ним, и в штабе стало чуть тише, не потому, что он потребовал тишины, а потому, что его молчание закончилось, а когда Торн начинал говорить, лишние звуки уходили сами.

— Приказ с Амины, — сказал он. — КИРН направляет вас на метеостанцию 8, квадрат D3J5. Шестьсот километров, юго-запад. Связь с которой терялась несколько дней назад. Работаете столько, сколько потребуется. Помимо технического обслуживания антен и диагностики систем, вы должны провести разведку прилегающей местности по средствам дрона. В ваше распоряжение одна из машин «Аджи Шторм-Х». План эвакуации стандартный: при тревоге — авиаподдержка через пятнадцать-двадцать минут. Если погода нелётная, то выдвижение наземного конвоя навстречу. При внезапной потери связи — автоматический вылет через двадцать четыре часа. По дороге до места, как обычно, стандартное сканирование местности. Вопросы?

Тия посмотрела на экран, где мигала точка метеостанции, и её губы чуть дрогнули. Она машинально коснулась браслета, коротко, почти незаметно и отвела взгляд.

— Ненавижу эту корпорацию, — сказала она тихо, но ее все услышали. — Они за людей нас не считают. В ее голосе звучала безысходность и усталость.

— Тише, Тия, — осекла ее Илая.

Кайл чуть шевельнулся, не резко, а так, как человек, которому неловко. Он работал на Амину, вооруженные силы, а КИРН в данном случае была для него «клиентом», тем, кто ставит задачи своим людям, но не объясняет зачем. Он давно привык к этому неравенству, и привычка эта была похожа на смирение, только с гордым лицом. Он промолчал, только отпил из кружки, но кофе уже остыл, и он поморщился.

Тишина повисла в штабе. Не тяжёлая, скорее неловкая, как бывает, когда кто-то сказал вслух то, что все думают, но обсуждать не принято. Щёлкнул автоматический клапан вентиляции под потолком, привычный, ровный звук, который в этой тишине прозвучал чуть громче, чем обычно.

Торн не отреагировал на реплику он знал, что это не его дело, кто и что направил. Его дело, чтобы они вернулись, живыми. Конечно, внутри было сочувствие и соледарность. Он посмотрел на Тию, потом на Илайю, и его серо-зелёные глаза на секунду задержались на каждой, будто проверяя: готовы? Не к дороге, к тому, что ждёт их в конце.

Иса чуть прищурилась, но промолчала. Только пальцы на

клавиатуре замерли на секунду, а потом снова застучали, ровно и привычно. Она не вмешивалась в чужие разговоры, но она слышала всё. И запоминала.

И тут сзади, из коридора, появился Рон. Его голос прилетел раньше, чем он сам — весёлый, чуть гулкий в металлическом коридоре:

— Ну что, народ, кто-нибудь видел мои перчатки? Кажется, я их снова потерял.

Он вошёл в штаб, встал между Тией и Илайей, обнял обеих за плечи и широко улыбнулся, той самой мальчишеской улыбкой, с чуть выступающими передними зубами, от которой невозможно было не улыбнуться в ответ. Очки-авиаторы сползли на макушку, воротник расстёгнут, рукава закатаны. От него пахло чем-то лёгким — не духами, а просто чистотой, свежей формой и тем особым воздухом, который бывает вокруг людей, которым нравится жить.

— Девочки, я с вами! — объявил он весело.

Его голос прозвучал в тишине штаба, как звонкий камешек, брошенный в тёмный колодец: звук был неуместным, но он хотя бы доказывал, что здесь всё ещё есть жизнь, и что не всё в этом мире — обязательства, приказы и молчание.

Они одновременно, не сговариваясь, сбросили его руки, коротко, синхронно, без злости, но так твёрдо, что Рон едва успел отступить на шаг. Улыбка не исчезла, она стала чуть шире.

— Я пошутил, — сказал он, поднимая руки.

— Мы заметили, — ответила Тия, и в её низком голосе мелькнуло что-то, похожее на сдержанный смешок. Она чуть повернулась к Илайе, и между ними прошёл взгляд, короткий, почти невидимый, из тех, что говорят больше слов.

Илайя улыбнулась, коротко, но искренне, и чуть покачала головой, будто говоря: «Рон, ты безнадёжен». И в этом жесте не было игры.

Рон пожевал жвачку, окинул обеих взглядом, не оценивающе, а по-доброму, с тем лёгким, флиртующим вниманием, которое было его естественным состоянием, как дыхание.

— Серьёзно, если что, я рядом. Только скажите.

— Скажем, — ответила Тия ровно. — Если будет, что сказать.

Торн посмотрел на Рона.

— Девушки отправятся самостоятельно на разведывательной машине «Аджи Шторм-Х». Если потребуется, заберёшь их ты или Тео. Всё ясно?

— Кристально, командир, — кивнул Рон, и беззаботность в его голосе вдруг чуть притухла. — Если потребуется, конечно заберу. Как всегда.

Торн кивнул.

— Машина ждёт в ангаре. Сейчас парни вам её выгонят.

Кайл встал, допивая остатки остывшего кофе, и потянулся широко, лениво, по-домашнему.

— Ну, ни пуха, — сказал он просто, глядя на Тию и Илайю. — Дорога длинная, так что… берегите себя и не го-

ните по барханам.

— Это тебе не гонять, — сказала Иса, и в её голосе мелькнула редкая, едва заметная нотка юмора. — Ты у нас по гаражам гоняешь, а они по работе.

Кайл развёл руками.

— Кто-то же должен проверять, как ходят машины.

— Машины ходят нормально, — бросил Рико из-за двери, где он уже ждал у ангара. — Это ты проверяешь, как ходит кофе к пульту.

В штабе кто-то коротко рассмеялся — может, Кайл, может, Иса. Звук был тихим, привычным, тёплым. Таким, какой бывает только в местах, где люди давно живут вместе и давно устали удивлять друг друга, но не устали нравиться.

Тия и Илайя переглянулись. Коротко, одно мгновение. И в этом взгляде ни страха, ни волнения. Деваться некуда, приказ корпорации, без обсуждений. Потому, что таков протокол.

— Готова? — тихо спросила Тия, и голос её был таким же мягким и тёплым, как всегда.

— Готова, — ответила Илайя и допила свой мятный чай.

Торн кивнул — коротко, по-военному.

— Хорошо, девочки, выдвигайтесь, — его голос стал на долю мягче, — мы проводим вас.

Вангаре пахло горячим металлом, смазкой и чуть-чуть — озоном, как всегда бывает рядом с мощной техникой. Свет здесь был ярче, чем в коридорах станции: длинные лампы на

потолке безжалостно высвечивали каждую царапину, каждый шов, каждую каплю конденсата на стенах. Но «Аджи Шторм-Х» под этим светом выглядел не потрёпанным, а собранным — как зверь, который знает, что скоро ему придётся бежать.

Машина стояла в центре, будто сама заняла лучшее место. Она и правда выглядела так, будто её вырезали из одного куска металла: тяжёлый, литой, бронированный корпус, обтекаемая кабина и кунг сливались в единый силуэт — будто кто-то взял форму военного транспорта и убрал всё лишнее.

Длинный капот, по бокам короткие, широкие крылья с оптикой: камеры, дальномеры, сканеры местности: всё утоплено в обводы, ничего не торчало. Фары не круглые, а щелевидные, врезанные в переднюю панель, будто прищуренные глаза. Лобовое стекло узкое, бронированное, с тонкой плёнкой, которая не пропускала пыль.

Кунг был длинным, чуть выше кабины, с рядами телескопических антенн на крыше — тонкие, многосекционные, они складывались и поднимались с тихим шорохом, будто усы огромного насекомого. Их было больше, чем у любого транспорта на станции: «Шторм-Х» был разведчиком, и локаторы были его главным оружием. На бортах — номер серой краской: 011. Цвет — тёмно-зелёный, хвойный, тот самый, который на Аджи выглядел чужеродно и одновременно родственно, будто станция посылала кусок себя в пустыню.

Рико уже стоял у машины, протирая ветошью последнюю

панель. Он делал это не потому, что машина была грязной, а потому, что ему так было спокойнее — будто, вытирая пыль, он возвращал машине голос. Когда Тия и Илайя подошли, он бросил ветошь на капот и чуть кивнул.

— Готова, — сказал он спокойно, без лишней бравады. — Энергоконтур, трансмиссия, резервный контур — всё проверил. Антенны — все шестнадцать. Оптика — чистая, но через каждые двадцать километров всё будет в песке, так что протирайте на каждой остановке.

— Спасибо, Рико, — сказала Илайя, и в её голосе прозвучала та самая тёплая, низковатая нотка, которая заставляла людей расслабляться рядом с ней. — Ты всегда всё делаешь на совесть.

Рико чуть усмехнулся, его тёмно-карие глаза блеснули, но он только пожал плечами, будто это не заслуга, а просто работа.

— Конечно, — ответил он. — Две штурмовые винтовки и ящик патронов в кузове. Закреплены, не болтаются. Пристёгивайтесь, дорога будет длинной.

— Спасибо, — повторила Тия, но теперь её голос стал чуть мягче, теплее, чем обычно. Она улыбнулась, не широко, а так, как улыбаются человеку, на которого можно положиться. — Это многое значит.

— Удачи, девушки, — добавил Рико, и в его обычно ровном голосе мелькнуло что-то тёплое — то, что он не показывал часто. — Пусть песок будет мелким, а дорога прямой.

Тия кивнула. Илайя улыбнулась коротко, но искренне.

У выхода из ангара стояли Кайл, Торн, Иса… и Рон. Рон, как всегда, был чуть впереди остальных, будто хотел первым поймать момент, первым сказать что-то, что сделает этот момент чуть легче.

Кайл первым протянул руку крепко, по-мужски.

— Возвращайтесь, — сказал он просто. — И не гоните по барханам, ладно? Машина хорошая, но песок, он не прощает спешки.

Торн пожал обеим руки, коротко, без лишних слов. Его серо-зелёные глаза на секунду задержались на каждой, будто проверяя: готовы?

Иса молча кивнула, и в этом кивке было всё: «Я буду следить за данными. Если что-то пойдёт не так, я увижу первой».

Тия и Илайя отдали воинское приветствие, чётко, по-уставному, и Торн ответил тем же.

Рон стоял у грузовика, руки в карманах, очки на носу, и смотрел, как Тия и Илайя открывают двери кабины. В его взгляде не было ни давления, ни намёка, только искреннее, мальчишеское желание быть полезным. Он пожевал жвачку, будто подбирая слова, чтобы они прозвучали правильно, не слишком серьёзно и не слишком легко.

— Я буду на связи, девочки, — сказал он, и голос его был тёплым, но без флирта, без игры, просто как обещание. — Только скажите, я заберу вас обратно, всё будет хорошо. Ес-

ли что, вызывайте, я здесь, через пятнадцать минут буду над вами. Держите канал открытым, ладно?

Илайя улыбнулась ему лёгкой, непринуждённой улыбкой, будто только, что обернулась на знакомого, которому рада.

— Спасибо, Рон, — сказала она мягко. — Это уже половина спокойствия.

Он кивнул, будто запоминая эту улыбку, и чуть приподнял очки, поправляя их, хотя они и так сидели ровно.

— Да ладно, — пробормотал он, будто стесняясь благодарности. — Я просто… ну, я тут. Всегда тут.

Тия на секунду задержала на нём взгляд, чуть дольше, чем нужно, будто видела в нём не просто весёлого парня, а человека, который держит всех на плаву.

— Спасибо, — сказала она просто. Иногда этого достаточно.

Рон улыбнулся широко, искренне, без тени самодовольства.

— Вот и отлично, — выдохнул он. — Значит едем. Значит, справимся.

«Шторм-Х» плавно тронулся, покидая ангар, два раза коротко посигналив, не громко, не вызывающе, а так, будто прощался с домом. Машина направилась на юго-запад, в квадрат D3J5, шестьсот километров по пустыне, перевалам, ущельям, древним руслам, когда-то существовавших рек.

*****

Дорога была накатанная, здесь песок был плотным, утрам-

бованным, и «Шторм-Х» катился по нему почти бесшумно, только подвеска тихо вздыхала, сглаживая мелкие неровности. По бокам тянулись невысокие дюны, похожие на застывшие волны, а вдалеке, на горизонте, уже темнели первые скалы, цепь горных хребтов.

Солнце поднималось всё выше, и его свет становился жёстче, белее. Тени от дюн ложились на дорогу чёрными полосами, и казалось, что машина едет по гигантской решётке, будто кто-то специально расчертил пустыню, чтобы люди не забывали: здесь есть границы.

Постепенно равнина начала уходить вниз, и дорога превратилась в узкий коридор между скалами. Здесь ветер менялся, он уже не гнал песок вперёд, а крутил его в тесных каменных карманах, заставляя кружиться на месте, как воду в воронке. Песок летел косо, царапая броню, и на тёмно-зелёном металле оставались тонкие светлые полосы, будто пустыня ставила на машине свои метки, проверяя, чья она.

Тия вела ровно, не торопясь, позволяя тяжёлой машине самой выбирать ритм. Подвеска работала почти бесшумно, сглаживая удары, но всё равно в кабине чувствовалась тяжесть пути, будто сама планета не хотела, чтобы они уезжали далеко от станции.

Илайя сидела рядом, не отрываясь от сканеров. Экраны мерцали, ловя малейшие изменения магнитного фона, температуры, давления.

— Пока всё штатно, — тихо сказала она, будто не хотела

нарушать тишину пустыни. — Ветер ровный, песок мелкий. Никаких аномалий.

Тия чуть кивнула, не отводя глаз от дороги.

— Хорошо, — ответила она ровно. — Пусть так и будет.

Пустыня вокруг них жила своей жизнью. Скалы, похожие на застывших чудовищ, смотрели им вслед. Песок шептал что-то на непонятном языке. А небо, лиловое и равнодушное, казалось, знало, что произойдёт дальше, но не спешило делиться этой тайной.

«Шторм-Х» продолжал свой путь, тяжёлый, литой, собранный из одного куска металла, будто сам был частью этой планеты, но выбрал сторону людей. И пока он ехал, пока его антенны ловили сигналы, собирая информацию об окружающей обстановке, а энергоконтур выжимал из себя последние силы, Тия и Илайя держались за свою задачу, как за якорь в этом безумном, живом мире Аджи.

*****

Часа через четыре после выезда рельеф начал меняться, не резко, а постепенно, будто кто-то медленно выкручивал контраст на экране. Равнина, по которой «Шторм-Х» шёл ровно и почти бесшумно, сменилась цепью горных хребтов, узкое ущелье, потом снова пустыня. Снова довольно быстро движение. Позже дорога незаметно пошла вверх, сузилась, втиснувшись между двумя невысокими грядами. Песок здесь стал грубее, крупнее, словно пустыня сменила пудру на наждачку. Он уже не висел в воздухе, а лежал на дороге

плотным, шершавым слоем, и шины «Шторма» продавливали его с тихим, монотонным хрустом, будто машина шла по сахару.

Свет тоже менялся. Лира, поднимаясь всё выше, начинала светить не золотом, а медью, тёплой, густой, с красноватым подтоном, от которого скалы вокруг казались не серыми, а бурыми, будто вымазанными ржавчиной. Это не было красиво и не было уродливо — это было чуждо. Так светит солнце в месте, которое не привыкло к гостям.

— Краснеет, — заметила Илайя, глядя на небо через узкое лобовое стекло. — Сначала было золотое, а теперь как медь.

— Это рельеф, — ответила Тия, не отрывая глаз от дороги. — Скалы отражают. Здесь порода богаче железом, чем в низине. Сканер наверняка подтверждает?

Илайя глянула на экран.

— Подтверждает. Содержание оксида железа в грунте — семь с половиной процентов. Для низины было два.

— Ну вот, — Тия чуть кивнула. — Красим ландшафт.

Машина шла дальше, и вид окружающей среды вокруг становился всё более замкнутым. Гряды по бокам поднялись, их склоны стали круче, и небо над дорогой сузилось до полосы — рыжей, как старая медь, с редкими белыми прожилками облаков. Ветер здесь уже не дул свободно, а просачивался между скалами, как вода по щелям, и шёл от него ровный, низкий гул, не страшный, но настойчивый, будто

кто-то постоянно выдыхал в спину.

Илайя время от времени переключала режимы сканирования. Экраны «Шторма» работали в фоновом режиме: магнитный фон, температура, влажность, давление, топография — всё фиксировалось автоматически, без её участия, но она проверяла вручную, по привычке. За четыреста километров пути ничего интересного. Ровные, скучные, нормальные цифры. Обычная, стандартная обстановка на Аджи, обычная пустыня, обычная работа.

— Русло, — сказала Тия, чуть сбрасывая скорость.

Впереди, поперёк дороги, лежала широкая ложбина, неглубокая, метров пять-шесть, с пологими берегами, покрытыми мелким щебнем. На дне сухой, потрескавшийся грунт, и по нему — редкие камни, округлые, гладкие, будто кто-то долго катал их по воде. Но воды здесь не было, возможно, очень давно. И всё же это было несомненно русло: форма, наклон, характер берегов, всё говорило о том, что когда-то здесь текла вода. Может быть не река, может просто поток после редкого ливня, но вода здесь, несомненно, когда то была.

— Отметь, — сказала Тия.

Илайя кивнула, и на экране появилась новая точка с координатами.

— Второе русло за последний час, — заметила она. — Оба сухие. Но форма чёткая, вода была, и не один раз.

— Записывай, — Тия чуть прибавила скорость, вырули-

вая с русла обратно на дорогу. — Картография есть картография. КИРН любит детали, ЦНИЦА тоже.

— КИРН любит, чтобы мы любили детали, — поправила Илайя, и в её голосе мелькнула мягкая ирония. — Сами они любят отчёты.

Тия чуть усмехнулась — коротко, почти беззвучно.

— Отчёты — это их язык. Мы — их руки.

— Вот именно, — Илайя чуть откинулась в кресле. — Руки, которые не знают, что делает голова.

Тия промолчала. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что в этих словах была доля правды, которую она предпочитала не обсуждать вслух. КИРН давал задачи, но не давал ответов. Так было всегда. Ты знаешь, что нужно собрать, но не знаешь, зачем. Ты знаешь, куда ехать, но не знаешь, что найдёшь. Ты веришь, что наверху умные люди с планом, но проверить не можешь.

Они верили. Обе. Но вера — это не знание.

Впереди показался перевал. К седьмому часу пути дорога вела снова в горы. Сначала полого, по широким террасам, вырезанным в скальных породах, будто кто-то, когда-то, провёл здесь дорогу и аккуратно срезал лишний камень. Но потом террасы кончились, и начался подъём, крутой, узкий, с поворотами, которые ширились на грани возможного для тяжёлой машины.

«Шторм-Х» шёл тяжело. Контур ревел не жалобно, а густо, упрямо, будто сам металл машины упирался в камень и

не собирался сдаваться. Тия вела осторожно, принимая каждый поворот с запасом, чтобы литые крылья не цепляли скалу. Колёса цеплялись за выступы, подвеска стонала, и в кабине всё ощущалось: каждый камень, каждый уклон, каждый рывок.

Скалы здесь были другие: не рыжие и не бурые, а серые, почти чёрные, будто выжженные изнутри. Они нависали над дорогой, смыкаясь сверху, и свет Лиры пробивался сквозь узкие щели между ними, ложась на дорогу неровными, дрожащими полосами. В этих полосах плясали пылинки, и казалось, что воздух здесь не просто плотный, он тяжелее обычного, будто кто-то добавил в него вес.

На скалах, в трещинах и расщелинах, росли деревья. Тия видела их краем глаза и каждый раз чуть задерживала взгляд — привычка, профессиональная, впитанная до рефлекса. Деревья были невысокие — метра три, не больше, с узловатыми, искривлёнными стволами, серыми, почти чёрными, будто обугленными. Листва была жёсткой, пыльноц, бесцветной: не зелёная и не коричневая, а какого-то неопределённого, серо-жёлтого оттенка, словно цвет давно выгорел и осталось только его воспоминание. Ветки торчали в стороны, цепляясь за трещины корнями, и вся картина выглядела так, будто деревья не росли, а цеплялись за жизнь из последних сил, упрямо, безрадостно, но цепко. И всё же живые.

— Деревья, — сказала Илайя, и в её голосе не было удивления, только тихая констатация. Она видела их и раньше,

но сейчас они выглядели иначе, не как те, редкие в пустыне. Это был факт, который нужно зафиксировать и осмыслить.

— Серая листва, — отметила Тия. — Хлорофилл?

— Не похоже, — Илайя сверилась с данными сканера. — Растительный покров фиксирую, но спектр нетипичный. Не стандартный. Возможно, адаптация к местной атмосфере. Или к свету. Лира и Мора дают смешанный спектр, видимо, растения подстраиваются.

— Записывай, — сказала Тия. И добавила тише: — Красивые, в своём роде. Упрямые.

Илайя чуть повернулась к ней, не резко, а так, будто хотела увидеть, серьёзно ли Тия. Тия не улыбалась, но что-то в её взгляде смягчилось на мгновение, не нежность, а признание: да, я вижу. Да, мне не всё равно.

— Упрямые, — согласилась Илайя. — Как мы.

Тия ничего не ответила. Только чуть качнула головой, может, в знак согласия, может, просто убирая мысль. Дорога требовала внимания, и внимание было нужно ей полностью.

Показался спуск. Перевал кончился так же, как начался, постепенно. Вершина прошла незаметно: просто в какой-то момент дорога перестала подниматься и начала спускаться, и «Шторм-Х» пошёл вниз, медленно, осторожно, Тия держала скорость на минимуме, позволяя тяжёлой машине вписываться в повороты без рывков. Спуск был круче подъёма, и каждое колесо проверяло сцепление на каждом метре.

Внизу, за последним поворотом, открылась долина, ши-

рокая, сухая, окружённая скальными гребнями с двух сторон.

Метеостанция восемь стояла в распадке между двумя скальными гребнями, которые защищали её от прямого ветра, но не от песка, он просачивался везде, как вода, забивая щели, обволакивая антенны, оседая на крыше ровным, мягким слоем. Станция была гораздо меньше «Аджи-1»: два модуля — жилой и технический, соединённые переходом, и вышка с основными датчиками, которая уходила вверх, в небо, на двадцать метров. Модули приземистые, из того же тёмного металла, что и «Шторм-Х», будто их отлили в одной мастерской. Цвет серый, но не от краски, а от пыли, которая покрывала всё здесь ровным, матовым слоем, лишая поверхности блеска.

Станция стояла на возвышенности, невысоком каменистом плато, которое поднималось над окружающей долиной метров на тридцать. Справа, внизу, за пологим склоном, был хребет, впереди: уходила в бесконечность пустыня, бескрайняя, рыжая, с длинными барханами, которые тянулись параллельными рядами, как волны, застывшие в мгновение перед тем, как разбиться о берег. Слева, дальше, от станции так же хребты. Горы, одна за другой, слоями, будто кто-то разложил их по глубине: ближние тёмные, чёткие, с различимыми трещинами и выступами; дальние более блеклые, темные, растворяющиеся в дымке горизонта. А рядом, в полукилометре от станции пролегало русло. Широкое, сухое, с

гладкими камнями на дне и пологими берегами. Безводное, но несомненно — форма, наклон, характер говорили: вода здесь была. Когда-то. Очень давно.

Ветер здесь был постоянным, не сильным, не слабым, а ровным, средним, будто планета поставила его на нужную громкость и забыла выключить. Он гнал песок по склону мелкими струйками, шуршал по металлу станции, по антеннам, по крыше, и от этого звука складывалось ощущение, что место это не пустое, а ждущее. Не опасное, нет, по крайней, пока. Но и не гостеприимное. Аджи не встречала их и не гнала, она будто бы позволила им добраться. Разрешила пока тут побыть. Но так, как разрешает постоять на пороге хозяин, который ещё не решил, пустить или закрыть дверь.

«Шторм-Х» подъехал к станции, на бетонную площадку, небольшую, с трещинами, в которые забился песок. Контур заглох, и в наступившей тишине сразу стало слышно, как ветер поёт в антеннах вышки, тонко, ровно, на одной ноте, будто настройка камертона, которая никогда не заканчивается.

Тия и Илайя вышли. Песок тут же облепил ботинки, забился в складки одежды, лёг тонкой серой вуалью на плечи. Тия машинально стёрла его с рукава, но он тут же вернулся, будто его и не убирали.

— Ну, — сказала Тия, поправляя хвост. — Пошли работать.

Первым делом был протокол. Тия открыла кунг сзади и вытащила два кофра: один с метеокомплектом, который зна-

чился в накладных, второй с оборудованием, которое ни в каких накладных не значилось. Она поставила оба рядом, ничем не выделяя один перед другим.

Илайя тем временем запустила бортовой терминал «Шторма» и переключила машину в режим ожидания, контур заглушился полностью, но системы продолжали работать: сканеры, антенны, локаторы — всё, что делало «Шторм-Х» разведчиком, осталось активным. Машина не спала, а слушала.

Потом Илайя открыла нижний люк кунга и выкатила оттуда дрон «Глаз 3», небольшой, в развернутом состоянии размах крыльев в пару метров, плоский, покрытый радиопоглощающим материалом. На земле он выглядел невзрачно: серый, пыльный, похожий на большой каменный лист. Но в воздухе он преображался: тихий, почти бесшумный, почти невидимый на радарах, не отличался от птицы. Если бы здесь были птицы.

— Запускаю, — сказала Илайя, и дрон взлетел — коротко, мягко, без рывка. Он поднялся над станцией, сделал круг, набирая высоту, и ушёл на юго-восток, в пустыню.

— Радиус? — спросила Тия.

— Пятьсот, пятьсот километров— ответила Илайя. — Возврат по сигналу или через четырнадца часов. Он будет облетать местность, фиксировать рельеф, магнитный фон, температурные аномалии. Всё запишется на бортовой накопитель, передача данных только при возврате.

— Хорошо, — кивнула Тия. — Пока он работает — мы тоже работаем.

Она достала из кофра планшет и открыла зашифрованный файл. Не тот, который видела Иса на «Аджи-1», и не тот, который значился в официальном задании. Другой. С протоколом, который в КИРН назывался «Протокол-С» — скрытый, для полевых агентов, работающих под прикрытием. Тия ввела код, приложила палец к сканеру, и файл открылся.

— «Протокол-С», операция «Песчаный след», — прочитала она тихо, и голос её был уже не тёплым и не мягким, а ровным, деловым, тем голосом, который люди слышат, когда говорят о работе, от которой зависит многое. — Задача: сбор данных с метеостанции восемь, квадрат D3J5. Цель: фиксация магнитных аномалий и вибрационных паттернов в нижних ярусах станции, так же забрать протоколы и весь материал на электронных и бумажных носителях. Приоритет — данные с ярусов минус один и ниже. Срок: трое суток. Эвакуация по плану «Шторм» или по внешнему сигналу.

Илайя слушала, стоя рядом, и её лицо было спокойным, но внимательным, она не просто слушала, она впитывала, привыкая к каждому слову, будто примеряя на себя.

— Передача данных с «Аджи Шторм Х» и «Глаз» через ретранслятор, — продолжила Тия. — Канал «Тихий». Срок доставки на Амину двенадцать часов. Копии информации с метеостанции на электронный накопитель и все документы на бумажном носителе – строго — лично в руки.

— Кому? — спросила Илайя, хотя знала.

— Вэйну, — ответила Тия. — Напрямую. Не через аналитический отдел, не через Самиру. Лично Вэйну.

Илайя чуть кивнула. Это означало: данные с высоким приоритетом. Когда в КИРН что-то идёт напрямую Вэйну, а не через аналитиков, это значит, что операция не рутинная. Это значит, что наверху кто-то ждёт ответа, который не может ждать.

— Вэйн не объяснил, зачем, — констатировала Илайя.

— Вэйн никогда не объясняет, — ответила Тия. — Он даёт задачу, даёт ресурсы и даёт срок. Остальное — за нами.

— И нам остаётся верить, что он знает, что делает.

Тия помолчала. Потом:

— Я работаю с ним четыре года, Илайя. За это время он ни разу не отправил по пусту. Ни разу не дал задачу, которая не имела смысла. Либо на откровенный риск, не предупреждая об этом. Я не говорю, что он хороший. Я говорю, что он точный.

— Точный, — повторила Илайя, и в её голосе прозвучала нота, которую Тия слышала раньше: уважение, смешанное с осторожностью. — Точный — это хорошо. Но я бы предпочла ещё и честный.

— Может, он честный, — тихо сказала Тия. — Просто его честность не та, к которой мы привыкли. Его честность — это не «я скажу тебе правду». Его честность — это «я сделаю так, чтобы ты вернулась». И пока он делает именно это —

я работаю.

Илайя посмотрела на неё долго, внимательно, тем взглядом, от которого казалось, что она видит насквозь, но не осуждает. Потом чуть кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда работаем.

*****

Они выгрузили снаряжение, перенесли в жилой модуль и заперли дверь. Потом Тия достала из кунга две штурмовые винтовки — короткие, компактные, с коллиматорным прицелом и протянула одну Илайе.

— Прогуляемся, — сказала она. — Посмотрим на станцию снаружи.

Они вышли и пошли не спеша, не таясь, но и не расслабляясь. Винтовки висели на ремне, не держали в руках, но и не за спиной — на том уровне, с которого их можно было поднять за секунду. Привычка, отработанная до автоматизма.

Ветер встретил их сразу ровный, постоянный, шуршащий. Он нёс песок, мелкий, как пудра, и тот ложился на одежду, на оружие, на волосы, ровным, невидимым слоем, который не мешал, но напоминал: вы не дома.

Они отошли от станции на триста метров, достаточно, чтобы увидеть её целиком, от вышки до фундамента. Станция отсюда выглядела маленькой, но упрямой: два серых модуля, вышка и антенны, вписанные в распадок между скалами, как загнанный зверь, который выбрал позицию и решил

держаться. Песок лежал на крыше, забивался в щели, оседал на антеннах, и казалось, ещё пара дней и пустыня поглотит станцию, спрячет её, будто её и не было.

Но не поглощала. Пока не поглощала.

Тия остановилась и посмотрела на станцию, долгим, внимательным взглядом, тем, которым она смотрела на всё: не оценивая красоту, а считывая детали. Расположение модулей, угол вышки, направление антенн, расстояние до скальных гребней. Всё фиксировалось в ее памяти, всё учитывалось.

— Маленькая, — сказала Тия.

— Но стоит, — ответила Илайя. — Уже сколько лет и стоит.

— Аджи позволяет, — тихо сказала Тия. — Пока позволяет.

Илайя подняла взгляд к горам. Скальные гребни поднимались над станцией, тёмные, тяжёлые, с выступами, похожими на плечи, и в этом ракурсе они казались не породой, а фигурами: застывшими, молчаливыми, наблюдавшими. Не угрожающе. Но и не дружелюбно. Так смотрит существо, которое видело многое и которому всё равно, уйдёшь ты или останешься.

— Красиво, — сказала Илайя, и это было не комплиментом, а фактом. — По-своему. По-аджийски.

— По-аджийски — это когда красиво и неуютно одновременно, — сказала Тия, и в её голосе мелькнула тень улыбки.

Илайя рассмеялась тихо, коротко, и смех её, тёплый и низковатый, прозвучал в этом пустом, гудящем от ветра пространстве как-то инородно, но и правильно, будто именно этого звука не хватало ландшафту.

Они стояли рядом, две фигуры на каменистом склоне, винтовки на ремне, ветер в волосах, песок на плечах и молчали. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что иногда молчание между близкими людьми значит больше, чем разговор.

Потом Илайя сказала:

— Знаешь, что меня удивляет?

— Что?

— Вэйн. Он ведь мог послать сюда Норка. Или Маркоса. Или вообще — «Сектор». Профессионалов, которые делают только это. Но он послал нас. Двух «научных сотрудниц».

— Потому, что мы — не выглядим как КИРН, — ответила Тия. — Мы выглядим как две женщины, которые приехали обслуживать станцию, делать замеры. Если кто-то будет интересоваться, то у нас есть накладные, пропуска, задание. Всё чисто. Норк — это тень в бронекостюме. Его невозможно не заметить. А нас — невозможно запомнить.

— Особенно тебя, — сказала Илайя с мягкой усмешкой.

Тия посмотрела на неё и впервые за весь день улыбнулась по-настоящему. Не той тёплой, располагающей улыбкой, которую она носила как маску, а настоящей, короткой, кривоватой, чуть неловкой, как будто она не привыкла улыбаться.

— Я стараюсь, — сказала она.

Илайя толкнула её плечом коротко, по-дружески, без слов.

— Ты хорошо стараешься, — сказала она. — Лучшая «научная сотрудница», которую я знаю.

Они постояли ещё минуту. Ветер шуршал песком, вышка станции поскрипывала, и где-то вдалеке, за хребтами, медленно и тяжело гасла Лира, опускаясь за горизонт. Свет стал ещё краснее, не тревожным, а глубоким, как цвет старого вина, и тени от скал вытянулись, потемнели, потянулись к станции, словно пальцы, пробующие, насколько она крепка.

— Пойдём, — сказала Тия. — Внутри посмотрим. Данные не ждут.

— Данные никогда не ждут, — согласилась Илайя. — Это мы ждём, пока данные решат, что с нами делать.

Они развернулись и пошли обратно к станции — медленно, не оглядываясь, но и не торопясь. За ними «Шторм-Х» стоял с включёнными сканерами, антенны тихо шуршали, локатор медленно вращался вокруг своей оси и в его фоновом гуле слышался ровный, монотонный пульс данных, ничего особенного, ничего аномального, просто очередное картографирование пустыни, которая, возможно, была не такой пустой, как казалось.

*****

Метеостанция восемь встретила их тишиной. Не той спокойной тишиной, какая бывает в пустом доме, куда ты воз-

вращаешься после долгого дня, а другой, напряжённой, будто станция задержала дыхание и ждала, когда они сделают первый шаг.

Тия вошла первой, ее привычка: сначала та, кто считает двери, потом та, кто считает людей. Она шагнула через порог жилого модуля, и сразу почувствовала, как меняется воздух: снаружи ветер, песок, сухой колючий холод пустыни, а здесь застойное тепло, затхлое, но не неприятное. Пахло пылью, нагретым металлом и чем-то ещё, едва уловимо, на грани восприятия, будто старой бумагой и озоном. Запах места, где давно не было людей, но всё работало, всё ждало.

Илайя прошла следом, с контейнером оборудования, которое по документам было обычным метеокомплектом, а по факту комплексом для фиксации магнитных аномалий с повышенной чувствительностью. Ни одна этикетка на нём не говорила правды. Она поставила контейнер на пол, огляделась и потёрла нос, пыль стояла в воздухе ровным слоем, и при каждом движении она поднималась мелким облачком, медленно оседая обратно.

— Давненько тут никто не убирался, — сказала Илайя, и в её голосе не было ни жалоб, ни раздражения, простая констатация. Она провела пальцем по ближайшей консоли, и палец остался серым. — Хотя, судя по всему, уборка тут и не предусмотрена.

— Это не курорт, — ответила Тия, уже открывая щиток проверки периметра. — Это рабочая точка. Приезжают, ра-

ботают, уезжают. Никто тут не живёт.

— Кроме нас, — тихо сказала Илайя.

— Кроме нас, — согласилась Тия, и в её голосе мелькнула тень усмешки. — На три дня заехали, зачит живём.

Жилой модуль был маленьким, но функциональным: две койки, раскладной стол, шкафчик с сухпайками и водой, фильтр-очиститель воздуха, который гудел ровно и монотонно, как старое сердце. Освещение было тусклым, желтоватым от ламп, которые, казалось, не столько светили, сколько обозначали, что свет здесь ещё существует. Стены — металл, серый, с едва заметной рябью сварных швов. На одной стене полка, а на ней кружка. Одна. Кто-то из прежних смен оставил и забыл, или не забыл, а просто не вернулся за ней. Кружка была керамическая, светлая, с отколотым краем и от неё, почему-то, веяло такой тоской, что Илайя, увидев её, на секунду замерла.

— Чья-то кружка, — сказала она тихо.

— Бывшая, — ответила Тия, не оборачиваясь. — Как и всё здесь.

Илайя подошла, взяла кружку, повернула в руках. На дне был коричневый круг от кофе или чая, давно высохший, вросший в керамику. Она поставила её обратно на полку, аккуратно, будто вещь имела значение.

— Пошла работать, — сказала она себе.

Они работали быстро и молча, слаженно, без лишних слов, без разногласий. Тия проверила периметр: четыре дат-

чика внешнего контура: все работали, все давали ровный сигнал. Два резервных канала связи, стабильно. Замки на люках, закрыты, заперты, щёлкнули под её пальцами с привычным, сухим лязгом. Она прошла по станции дважды, не потому, что сомневалась, а потому, что привычка: первый раз глазами, второй раз телом, проверяя, как открываются двери, как скрипит пол, где что стоит, если вдруг придётся двигаться в темноте.

Илайя тем временем развернула оборудование в техническом модуле, помещении чуть больше жилого, но более тесном, забитом стойками с приборами, кабелями и экранами. Она запустила калибровку: магнитометр — первый, вибродатчик — второй, спектральный анализатор — третий. Каждый прибор загорался своим цветом: зелёный, синий, янтарный и в тёмном помещении это выглядело так, будто кто-то зажёг маленькие маяки в тёмной комнате.

Калибровка шла пятнадцать минут. Илайя сидела перед экранами, скрестив ноги, и смотрела, как цифры выравниваются, как линии графов становятся ровными, как шум уходит, и остаётся только чистый, ясный сигнал. Она любила этот момент, когда из хаоса данных рождается порядок. Когда ты понимаешь: всё работает, всё чисто, всё готово. Можно начинать.

— Калибровка завершена, — сказала она, и голос её прозвучал в пустом модуле чуть гулко. — Все каналы зелёные. Магнитный фон в норме. Вибрации — ноль. Температура

стабильная.

— Верхний ярус чистый, — отозвалась Тия из коридора. Она стояла у пульта связи, стирая песок с рукава — привычным, машинальным жестом, который уже стал частью её образа. — Датчики работают, связь стабильная, налажена. Возможно, связи не было из за требующийся колибровки, дополнительной, в ручную. Сейчас свяжемся с базой.

Она нажала кнопку передатчика, и в тишине станции раздался ровный гул — сигнал шёл, пробиваясь сквозь атмосферу Аджи, через пустыни, горы, через шестьсот километров песка и камня, к антеннам «Аджи-1».

— «Аджи-1», говорит «Закат 1». Приём.

Пара секунд тишины, тех самых, в которых слышен только ровный шум эфира, похожий на дыхание. Потом знакомый голос, ровный, с хрипотцой от недосыпа, но живой:

— «Закат 1», слышу вас хорошо. Приём.

Иса. Тия узнала её сразу — по тембру, по ритму речи, по тому, как она говорила «приём», будто ставила точку в конце каждого предложения.

— Докладываем: прибыли на место, станция в норме. Оборудование запущено, калибровка завершена. Магнитный фон стабильный, аномалий не зафиксировано. Связь устойчивая. Приступаем к работе по графику.

— Принято, «Закат 1», — ответила Иса, и в её голосе прозвучала короткая пауза, будто она записывала, не отрывая глаз от экрана. — Данные пошли. Ретрансляция активна. Ес-

ли что-то изменится, сообщайте незамедлительно.

— Вас поняла, — ответила Тия. — Конец связи.

Она отпустила кнопку, и станция снова погрузилась в тишину. Только фильтр-очиститель гудел ровно и монотонно, да где-то в стене тихо постукивало, может трубы, может ветер, или что-то ещё.

Илайя появилась в дверях технического модуля, прислонилась к косяку и скрестила руки.

— Иса не спрашивала, как дорога, — заметила она.

— Иса не задаёт лишних вопросов, — ответила Тия. — Она и так видит всё по данным: маршрут, скорость, время. Машина докладывает за нас.

— Иногда я думаю, что Иса — это и есть «Аджи-1», — сказала Илайя, и в её голосе мелькнула мягкая, тёплая нотка. — Она просто… Как часть станции. Как антенна или фильтр, только человеческая.

— Самая полезная часть, — сказала Тия, и это было не преувеличением. — Без неё станция — груда металла. С ней — дом.

— Дом, — повторила Илайя, и слово прозвучало в этом пустом, пыльном модуле чуть тише, чем должно было. — Да. Дом.

Тия посмотрела на неё коротко, краем глаза, тем взглядом, который видит всё, но не комментирует. Она знала, что Илайя иногда вот так, замолкала на полуслове, будто спотыкалась о какую-то невидимую мысль, которая приходила и

уходила, как ветер. Тия не спрашивала. Она знала, что если Илайя захочет, скажет сама. А если не захочет, значит, не нужно.

— Нижний ярус? — спросила Илайя, возвращаясь к делу.

— Завтра, — ответила Тия.

Они переглянулись. Без слов: сегодня верх, чтобы не привлекать внимания. Завтра уже низ — настоящая работа. Таков был протокол: сначала — видимость нормальной работы, потом — то, ради чего они приехали.

Они поработали ещё пару часов. Илайя вела журнал: записывала показания магнитометра, температуры, давления, влажности — данные обычные, ровные, скучные цифры, которые не говорили ни о чём, но которые нужны были, потому что без них журнал выглядел бы пустым, а пустой журнал — это подозрение. Тия проверила датчики на вышке, поднявшись по узкой лестнице, вышла на крышу, где ветер тут же рванул её за хвост, забился в воротник, обсыпан песком. Она постояла минуту, глядя на пустыню с высоты двадцати метров — рыжая, бескрайняя, с барханами, которые лежали, как волны, застывшие перед разбивкой. Красиво. Мертво. Чуждо.

Она спустилась, проверила крепления, протёр линзы датчиков, и вернулась в модуль, где Илайя уже заканчивала запись.

— Датчики чистые, — доложила Тия. — Песок есть, но в пределах нормы. Через день-два можно протереть снова.

— Записала, — кивнула Илайя. — Ещё?

— Ещё — проверка периметра перед сном. Стандарт.

Перед сном Тия сделала то, чего не делал ни один обычный научный сотрудник: она прошла по станции и проверила каждый сантиметр стен, постукивая, прислушиваясь. Костяшками пальцев по металлу, медленно, ровно, с тем же терпением, с каким она делала всё остальное. Тук. Тук. Тук. Каждое прикосновение — вопрос: есть ли за этой стеной что-то? Полое? Пустое? Чужое?

Илайя наблюдала, не комментируя. Она сидела на койке, подтянув ноги, и смотрела, как Тия ходит по модулям — от стены к стене, от угла к углу, методично, как человек, который не верит стенам на слово. Обе знали, зачем это нужно: если под станцией есть полости, звук покажет, где они начинаются. Глухой звон — металл, за которым металл. Пустой, гулкий отзвук — металл, за которым пустота.

Тия прошла жилой модуль — чисто. Переходник — чисто. Технический модуль — и тут она остановилась.

В дальнем углу, у стены, где стояли стойки с резервным оборудованием, звук менялся. Не резко, не сильно — чуть глуше, будто под пальцами была не цельная плита, а слой, за которым было что-то другое. Не пустота, но и не монолит. Будто под полом есть промежуток — тонкий, незаметный, но достаточный, чтобы звук потерял чёткость.

Тия не изменилась в лице. Она постучала ещё раз — тише, прислушиваясь. Потом — ещё раз, чуть левее. Там — глухо,

но ровно. А в том углу — глухо и с небольшим резонансом, будто под металлом есть воздух.

Она ничего не сказала Илайе.

*****

К ночи ветер стих. Не полностью, он никогда не стихал на Аджи до конца, но притих, будто повернул голову в другую сторону, и песок, который весь день летел косо, ровной серой вуалью, осел, и воздух стал прозрачным, чистым, и в этой прозрачности звуки обрели объём.

Они вышли из станции, когда последнее красное пятно Лиры погасло за хребтами, и небо потемнело, приобретя тот глубокий, багровый оттенок, который бывает только на Аджи, не чёрный, не синий, а именно лиловый, цвета старого вина, налитого в тёмный бокал.

— Ветер стих, — заметила Илайя, и её голос в наступившей тишине прозвучал неожиданно звонко, будто она говорила в пустой комнате с высокими потолками.

— Не стих, — поправила Тия. — Отступил. К утру вернётся.

— Ты оптимистка, — сказала Илайя.

— Я реалистка, — ответила Тия. — Оптимисты удивляются, когда ветер возвращается. Реалисты — нет.

— А пессимисты?

— А пессимисты не выходят из станции.

Илайя рассмеялась тихо, тепло, и смех её, низковатый и хрипловатый, прозвучал в ночной тишине так, будто кто-то

тронул струну. Не громко, не резко, а мягко, как звук, который приятно слышать.

Они обошли станцию и вышли на подветренную сторону, где скальный гребень прикрывал от остатков ветра. Здесь, в узком кармане между камнем и стеной станции, было почти тихо, песок не долетал, ветер не достигал, и воздух стоял тёплый, нагретый за день, отдававший камнем и сухой землёй.

— Костёр? — предложила Илайя.

— А по чему бы и нет? Костёр, — согласилась Тия, и впервые за весь день в её голосе прозвучала не деловая ровность, а что-то другое, расслабленность, тонкая, как первая трещина в стене, которую она носила вокруг себя.

Они собрали ветки. Это было нетрудно: полусухие деревья, которые росли на склонах гребней, давали сухие, ломкие ветки: серые, лёгкие, почти невесомые, пахнувшие пылью и чем-то горьковатым, напоминающим полынь. Илайя набрала их в охапку, а Тия нашла несколько крупных камней и выложила их кольцом, невысоким, но достаточным, чтобы огонь не был виден снаружи. Костёр, спрятанный за станцией, за скальным гребнем, за каменным кольцом, невидимый со всех сторон, как тайна, которую двое людей хранят от равнодушной пустыни.

Огонь занялся не сразу, ветки были сухими, но не маслянистыми, и Тии пришлось повозиться с зажигалкой, прежде чем первый язычок пламени лизнул кору. Потом уже быстро:

огонь пошёл вверх, и через минуту костёр уже гудел тихо, ровно, по-домашнему. Запах горящих веток поплыл в воздухе: горьковатый, дымный, но не тяжёлый, а лёгкий, как запах ладана в пустом храме. Он смешался с запахом нагретого камня и сухой земли, и получился тот особый, ни на что не похожий аромат ночного костра в пустыне — дым, камень, пыль и тепло.

Тия достала из кофра, который они привезли с собой, два контейнера. В одном сухпайки, стандартные, аррубинские, в герметичной упаковке: мясной паштет, галеты, сушёные фрукты, ореховая паста в тюбике. Не изыск, но после дороги даже вкусно. В другом чай. Не растворимый из пайков, а настоящий: Рико, провожая их, молча сунул Илайе в руку бумажный пакет, и сказал только: «Это вам, в дорогу». В пакете был листовой чай, чёрный, с ароматом чего-то цветочного, незнакомого, но тёплого.

— Рико, — сказала Илайя, разворачивая пакет и нюхая. — Он думал, что мы не выживем без его чая.

— Он прав, — ответила Тия, доставая из мешка небольшой котелок. — Без его чая мы уж точно не выживем.

Илайя усмехнулась и пошла за водой к «Шторм-Х», в кунге стояла канистра с питьевой водой. Она вернулась с полным котелком, поставила его на камни у огня, и они стали ждать, пока вода закипит.

Вокруг костра было тепло. Не жарко, а тепло, мягко, как будто кто-то положил тёплую ладонь на плечо. Огонь давал

немного света: ровного, янтарного, и в его свете лица обеих казались мягче, моложе, без тех масок, которые они носили днём. Тия без своей деловитости, Илайя без своей скрытности. Просто две женщины у костра.

— Кипит, — сказала Илайя и сняла котелок с огня. Она бросила в воду щепоть чая, и воздух сразу наполнился запахом: глубоким, тёплым, с нотами чего-то сладковатого и чуть горьковатого одновременно. Запах, от которого расслабляются плечи и замедляются мысли.

— Наливай, — сказала Тия, и протянула руки. Илайя налила в обе кружки, которые привезли с собой.

Они пили чай медленно, мелкими глотками, и он все равно обжигал язык, но это было было даже приятно, давало понять: ты жив, ты чувствуешь, ты здесь. Сухпайки разогрелись на камнях у огня, и паштет, прежде твёрдый и безвкусный, стал мягче, и запах его, тёплый, мясной, смешался с запахом чая и дыма, и получился ужин простой, но вкусный, потому, что голод и усталость — лучшие приправы.

— Ореховая паста, — сказала Илайя, выдавливая её на галету. — Мой любимый пункт в сухпайке. Когда я первый раз попробовала, думала: что это? А теперь всегда жду.

— У тебя всё так, — сказала Тия, откусывая галету. — Сначала не нравится, потом ждёшь.

— Это про меня? — Илайя подняла бровь.

— Это про всех, — Тия чуть усмехнулась. — Про чай Рико, про ореховую пасту, про Аджи. Сначала — что это? По-

том — жду.

— Аджи ты не ждёшь, — сказала Илайя.

— Аджи я уважаю, — поправила Тия. — Ждать и уважать — разные вещи.

Они замолчали, и в тишине стали слышны звуки, которые днём терялись в шуме ветра. Треск костра был мелким, ровным, как шёпот дерева, которое умирает медленно и красиво. Далёкий, низкий гул, но не ветра, а чего-то другого, будто скалы вокруг издавали звук, неслышимый днём, но явный ночью. И тишина не пустая, а живая, наполненная этими мелкими, тихими звуками, которые складывались в единый, ровный фон, похожий на дыхание.

Илайя подняла голову и посмотрела на небо.

— Тия, смотри— сказала она тихо.

Тия подняла взгляд.

Небо над Аджи было… не таким, как ожидаешь. Не чёрным, не усыпанным яркими звёздами, как на планетах с прозрачной атмосферой. Лиловое, глубокое, как всегда, оно клубилось туманом, не облаками, а именно туманом, тонким, высоким, полупрозрачным, будто кто-то натянул над планетой вуаль. И сквозь эту вуаль виднелись звёзды. Не яркие, не резкие, а мягкие, размытые, будто их нарисовали акварелью на мокрой бумаге. Их было немного, может десяток, может, чуть больше, и они не мерцали, а тихо светились, тёплым, приглушённым светом, как угли в остывающем костре.

— Звёзды, — сказала Тия, и в её голосе прозвучало что-

то, чего Илайя не слышала раньше: не удивление, не радость, а узнавание. Будто она видела то, чего давно не видела, и теперь, увидев, вспомнила.

— Я думала, тут их не видно, — сказала Илайя. — С орбиты же ничего не видно, сплошная пелена. Я думала, и с поверхности так же.

— С поверхности — по-другому, — ответила Тия, не отрывая глаз от неба. — Атмосфера плотная, но не везде одинаковая. Иногда, когда ветер стихает и туман поднимается видно. Немного правда, но видно.

— А какие это звёзды? — спросила Илайя. — Наши? Из Амарры?

— Может, наши, — тихо сказала Тия. — Лира — тёплая, золотая. Если увидеть — узнаешь. А может чужие. Из-за туманности. Тех, которых мы никогда не узнаем.

Илайя смотрела на небо, и в её глазах, больших, зеленовато-голубых, отражались эти далёкие, размытые огни. Она молчала, и в её молчании была не грусть, скорее тоска. Тихая, тёплая, как та самая ореховая паста: сначала непонятная, потом своя.

— Я скучаю по настоящему небу, — сказала она вдруг, и голос её был чуть тише обычного. — Там, где звёзды яркие, много, где можно лечь на спину и смотреть, и они как россыпь, как… как будто кто-то рассыпал соль по чёрной скатерти. Здесь они как воспоминание о звёздах. А я хочу настоящие.

Тия молчала. Она смотрела на небо, и её лицо в свете костра было спокойным, но что-то в её взгляде дрогнуло, едва заметно, как тень от облака, прошедшего по воде.

— Я тоже, — сказала она наконец. Очень тихо. — Я тоже скучаю.

Они помолчали. Костёр трещал, чай остывал в кружках, и где-то вдалеке, за хребтами, тихо и ровно гудел ветер не приближаясь, не отдаляясь, а просто существуя, как фон, как присутствие, как дыхание планеты, которая не спала.

— А ты скучаешь по дому? — спросила Илайя, и вопрос прозвучал просто, без нажима, без ожидания.

Тия чуть повернула кружку в руках медленно, будто слушая, как керамика остывает о ладони.

— Я скучаю по идее дома, — ответила она. — Не по месту. Места — они везде места. А по идее: придти, и чтобы кто-то ждал. Не с докладом, не с заданием, а с ужином. И чтобы спросили: «Как день?» и чтобы можно было ответить честно.

— Ты умеешь отвечать честно, — сказала Илайя.

— Только когда спрашивают правильно, — Тия чуть усмехнулась. — А правильно — это не «как дела», а «как ты».

— Как ты, Тия? — спросила Илайя, и в её голосе не было ни иронии, ни жалости, только тепло, простое и ровное, как свет от костра.

Тия помолчала. Долго. Так долго, что Илайя уже подумала: не ответит. Но Тия ответила:

— Устала. Не от работы, от одиночества. Я… — она запнулась, и это было так непривычно — Тия, которая никогда не запиналась, которая говорила ровно и чётко, как прибор, вдруг замолчала, подбирая слова. — Я хочу семью. Хочу мужа, который будет ждать. Хочу детей. Хочу просыпаться не от гудка станции, а от того, что кто-то маленький лезет к тебе под бок и говорит: «Мама, вставай». Хочу… нормальной жизни. Обычной. Скучной. С утренним кофе и с грязной посудой и с разговорами о том, что купить в магазине. Я устала быть «Песком», Илайя. Я хочу быть Тией. Просто Тией.

Илайя смотрела на неё, не как на агента, не на «научную сотрудницу КИРН, а на женщину, которая сидела у костра, обхватив кружку ладонями, и впервые за всё время, что Илайя её знала, не пряталась за маской. Лицо Тии в свете огня было мягким, уязвимым, и от этого — красивым. Не той незаметной, функциональной красотой, которую она носила как камуфляж, а другой, живой, человеческой, от которой хочется сесть рядом и не уходить.

— Ты будешь, — сказала Илайя тихо. — Ты будешь Тией. Просто не сейчас.

— А когда? — спросила Тия, и в этом «когда» было столько всего, что Илайя не нашла, что ответить сразу.

— Когда-нибудь, — сказала она наконец. — Когда всё закончится. Когда не будет протоколов и заданий и каналов «Тихий». Когда ты вернёшься… и останешься.

— А если не вернусь? — тихо спросила Тия. — Если так

и буду ездить от станции к станции, от Амины, к Аджи, от Аджи к Крионе, от задания к заданию, и каждый раз — «ещё одно, последнее» — а их не последнее, их ещё сто, и каждый раз я говорю себе: «это последнее», и знаю, что вру?

— Тогда я скажу тебе, — Илайя чуть наклонилась к ней, и её рыжие волосы, распущенные для ночи, упали на плечо, тёплым, медным касанием, что ты врёшь себе не потому, что не хочешь возвращаться, а потому, что боишься. Боишься, что дома не окажется. Что никто не ждёт. Но ты не знаешь — не знаешь, Тия, пока не проверишь.

Тия смотрела на неё долго, пристально, и в её глазах, обычно спокойных и непроницаемых, что-то дрогнуло. Не слёзы, Тия не плакала. Но что-то близкое. Что-то, что она держала внутри так долго, что оно уже не было эмоцией, а стало частью её, как второе дыхание, которое ты не замечаешь, пока не задохнёшься.

— Может, ты права, — сказала она. — Может, я боюсь.

— Конечно, права, — мягко сказала Илайя. — Я всегда права. Спроси кого угодно.

Тия рассмеялась коротко, сдавленно, и смех её прозвучал как что-то хрупкое, что можно разбить неосторожным словом. Илайя засмеялась тоже. Они сидели у костра, две женщины в пустыне, и смеялись, и смех их был тихий и тёплый, и он поднимался к небу, к тем размытым, далёким звёздам, и, может быть, долетал, а может, и нет.

Когда смех стих, Илайя сказала:

— А я… я не знаю, где мой дом. Не в том смысле, что у меня его нет — он есть. Но я не уверена, что хочу вернуться именно туда. Я хочу куда-то. К человеку. К настоящему. Знаешь, как бывает: ты живёшь, работаешь, и всё нормально, но чего-то не хватает. Не вещи, не места, а человека. Рядом. Не того, кто даст задание, а того, кто даст чашку чая и скажет: «Сядь. Отдохни. Я тут».

— Это не так много, — сказала Тия.

— Это всё, — ответила Илайя. — И я хочу это найти. Если суждено — найду. Если нет — что ж, значит, нет. Но я не хочу искать всю жизнь и не найти. Я хочу найти и остаться. Пусть даже здесь, на Аррубине. Если встречу здесь… настоящую любовь, может и здесь останусь. Почему нет? Хотя бы Аджи, здесь небо лиловое, чай хороший, и Рон смешной.

— Рон смешной, — согласилась Тия, и в её голосе мелькнула тень улыбки. Хотя за него замуж не выйдет.

— Я не за Рона, — Илайя махнула рукой. — Я за идею. Идею того, что можно найти человека не там, где ищешь, а там, где не ждёшь. На Аджи, например. Или на Амине. Или вообще между планетами, на каком-нибудь скучном транспортнике, где ты летишь и думаешь о работе, и вдруг садится рядом кто-то, и говорит: «Извините, здесь свободно?» — и всё. И ты понимаешь, что нет. Не свободно. Уже нет.

Тия посмотрела на неё и улыбнулась. По-настоящему, той самой кривоватой, чуть неловкой улыбкой, которая появлялась у неё так редко, что каждый раз была событием.

— Ты романтик, — сказала она.

— Я реалистка, — ответила Илайя. — Просто романтика — это тоже реально.

— Это звучит, как девиз, — сказала Тия.

— Это и есть девиз, — Илайя подняла кружку. — За романтику. За детей, которые лезут под бок. За небо, которое видно. И за то, чтобы всё это когда-нибудь настало.

Тия подняла свою кружку.

— За когда-нибудь, — сказала она.

Они чокнулись кружками тихо, керамика о керамику, и звук был глухой, мягкий, как короткое «тук» — и допили чай.

*****

Потом они долго сидели молча. Приятная тишина, тепло, уют. Костёр догорал, угли тлели ровным, янтарным светом, и от них шёл последний, мягкий жар, который удерживал ночь на расстоянии.

Илайя смотрела на звёзды, те немногие, что пробивались сквозь лиловую дымку. Они не мерцали, не дрожали, просто светили, тихо и ровно, будто и сами устали и не хотели привлекать внимания. Одна чуть ярче остальных, тёплого, золотистого оттенка, висела низко над горизонтом, над гребнем скал.

— Лира? — спросила Илайя.

— Может быть, — ответила Тия. — Или просто звезда. Тут не разберёшь.

— Я хочу думать, что Лира, — сказала Илайя. — Хочу думать, что наш нынешний дом смотрит на нас. Даже отсюда. Даже сквозь эту пелену.

— Пусть будет Лира, — тихо согласилась Тия.

Ветер за скалами усилился, не резко, а постепенно, как человек, который просыпается и ворочается в кровати, ещё не встав, но уже давая знать, что скоро встанет. Песок снова пошёл по земле мелкими, шуршащими струйками, и в этом шуршании было что-то почти спокойное, будто планета разговаривала сама с собой, не обращая на них внимания.

Тия прислушалась коротко, привычно. Просто ветер. Просто песок. Ничего больше.

— Тихо, — сказала она.

— Тихо, — подтвердила Илайя. — Хоть бы так и осталось.

— Аджи решит, — ответила Тия. — Не мы.

Илайя кивнула. Она знала. Они обе знали.

— Пора, — сказала Тия. — Закругляемся.

Они собрали всё: контейнеры, кружки, котелок. Затушили костёр тщательно, до последнего угля, засыпав песком, чтобы не осталось ни следа. Только каменное кольцо, которое можно было принять за случайное. И пятно тёплой земли, которое к утру остынет и забудет, что здесь кто-то сидел и мечтал.

Они вернулись на станцию, заперли дверь, и в жилом модуле снова стало тепло и тихо. Фильтр-очиститель гудел ровно, лампы горели тусклым, желтоватым светом, и от всего

этого, от света, от гула, от запаха металла и пыли веяло чем-то привычным, почти домашним.

Илайя легла на свою койку, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза. Но не спала. Она думала о небе, о звёздах, о том, что где-то далеко, за туманностью, за пустотой есть мир, где небо чёрное и чистое, и звёзды яркие, как россыпь. И где кто-то, может быть, смотрит вверх и думает: «А что, если там, за этой туманностью, есть кто-то, кто тоже смотрит вверх?»

Тия лежала на своей койке, руки за головой, и смотрела в потолок. Не спала. Она думала о детях, которых у неё не было. О муже, которого не было. О доме, который не ждал.

Станция стояла в тишине. Ветер снаружи шуршал песком, ровно и монотонно.

Они уснули не одновременно, по очереди. Сначала Илайя: её дыхание стало ровным, глубоким, и тело расслабилось, как расслабляются люди, которым рядом с кем-то безопасно. Потом Тия. Она лежала ещё долго, слушая, как дышит Илайя, как гудит фильтр, как шуршит песок. И в этих звуках, в их ровности, в их постоянстве было что-то похожее на покой. Не настоящий, не полный, но вполне достаточный, чтобы закрыть глаза.

Метеостанция восемь стояла в распадке между двумя скальными гребнями, и тьма лежала вокруг неё, как одеяло. Песок оседал. Ветер шуршал. Звёзды, те немногие, что пробивались сквозь лиловую дымку, светили тихо и ровно, буд-

то охраняли двух женщин, которые спали и видели сны — каждая свой, но оба о доме.

Глава 10 Розовый кабриолет

Солнце ещё не успело вскарабкаться на самый верх неба, но уже щедро заливало Лиру золотистым светом. В этом свете даже строгие фасады домов казались не каменными стражами, а декорациями к доброй сказке, будто город сам подсказывал: сегодня можно позволить себе быть счастливым.

Карина Ворн стояла у огромного окна своей квартиры в элитном районе Лиры. Просторное помещение дышало воздухом и светом: высокие потолки, мебель, в которой чувствовалась спокойная, уверенная роскошь, не кричащая, а будто бы выросшая из самой жизни. Эрьян уехал очень рано, ещё когда город только просыпался, и теперь в квартире было тихо. Эта тишина не давила, она была той редкой тишиной, которая не требует объяснений. Тишиной, в которой можно услышать собственные мысли… и тихое, почти неслышное эхо того позавчерашнего вечера: его голос, его слова, тот момент, когда мир сузился до одной точки, до его колени и её руки.

Она надела строгий, но элегантный деловой костюм — дорогая ткань идеально сидела по фигуре, подчёркивая её статность, но не сковывая движений. К костюму любимые тонкие браслеты, звенящие едва слышно при каждом шаге, и изящные серьги, в которых играли солнечные блики. Причёска

собранная, но с лёгкой небрежностью: пара прядей свободно обрамляли лицо, и в этом была вся Карина Ворн: безупречная, но живая. В её облике было редкое сочетание: она выглядела так, будто вот-вот войдёт в зал заседаний перед сотней скептиков и те через пять минут начнут кивать, соглашаясь с каждым её словом. Но сегодня в её осанке было ещё что-то, едва уловимая мягкость, словно она шла не только к цели, но и навстречу себе новой.

На кухне она выпила чашку кофе, стоя у окна и глядя на просыпающийся город. Потом привычно открыла планшет, нашла свежий пост «Блуждающего». Прочитала, задержалась на одной строчке, улыбнулась чему-то своему. Слова этого незнакомца странным образом совпадали с тем, что она чувствовала сегодня: лёгкость, предвкушение, странное ощущение, что мир стал чуть ярче.

«Странно, но мне от этого легче», — прошептала она вслух. Закрыла планшет. Пора.

В прихожей Карина задержалась у зеркала,не для того, чтобы поправить причёску, а чтобы поймать тот самый момент, когда день ещё не успел нагрузить её решениями и тревогами. В отражении мелькнула её улыбка — лёгкая, будто она сама себе подмигнула: «Ну, поехали». И в этом отражении была вся она: высокая, собранная, но не напряжённая. И ещё в ней было что-то новое, едва заметное: будто внутри зажёгся маленький, тёплый свет, который не гаснет даже в самых тёмных каньонах Аджи.

Спустившись вниз, она увидела свой розовый кабриолет — яркий, дерзкий, немного не вписывающийся в картину строгих городских улиц, и от этого ещё более любимый. Он стоял у тротуара, будто вырванный из другой эпохи и аккуратно вставленный в строгий ритм Лиры. Его цвет был таким глубоким, что казался почти самостоятельным явлением природы, как закат, который решили сделать транспортом.

Плавные изгибы кузова напоминали застывшую волну, ту самую, которая только собирается подняться. Хромированные линии бежали по бокам, как тонкие нити света, и в них дрожали отражения утренних фасадов, деревьев, неба.

Внутри всё дышало спокойствием: тёплая кожа, чуть пахнущая временем и уходом, деревянные вставки, гладкие и тёплые на ощупь. Подойдя ближе, Карина снова увидела своё отражение в полированном боку и улыбнулась. В этом отражении она была не просто женщиной в деловом костюме, а кем-то, кто знает, куда едет, и кому по пути нравится сама дорога. Сегодня в этом отражении было ещё кое-что: тень того счастливого вечера, отголосок его голоса, тепло того кольца, которое она оставила на столе, не потому что боялась потерять, а потому что хотела, чтобы оно ждало её дома, как обещание.

— Ну что, старина, — прошептала она, касаясь прохладного металла, — поехали разбираться с тайнами Аджи.

И, сев за руль, опустила крышу. Ветер тут же ворвался в

салон, растрепал светлые пряди, заставил на секунду зажмуриться от удовольствия. Кабриолет плавно тронулся с места, унося Карину вперёд.

Дорога до офиса «Центального научно-исследовательского центра Амины» (ЦНИЦА) стала для неё чем-то вроде ритуала счастья. Широкие проспекты Лиры плавно переходили в прибрежное шоссе. Справа тянулся океан, переливаясь под солнцем тысячами оттенков синего, а слева аккуратные ряды домов, утопающих в зелени. Но сегодня всё выглядело иначе: не просто «красиво», а будто специально создано для неё.

Ветер трепал её волосы, и Карина улыбалась, чувствуя, как с каждым километром в груди разгорается привычный азарт — тот самый, который всегда появлялся перед началом большой работы. Но поверх этого азарта теперь легло новое чувство — тихое, глубокое, почти невесомое. Чувство, которое шептало: «Ты теперь не одна. Даже когда ты едешь по этой дороге одна, ты не одна».

Солнечный свет ложился на её плечи тёплыми полосами, играл в серьгах, скользил по гладкой ткани костюма, подчёркивая линии силуэта. В эти минуты её красота была не в идеальных чертах, а в том, как она принимала этот день — смело, с благодарностью, с предвкушением. Как будто сама дорога шептала ей: «Ты справишься. И это будет прекрасно».

Проезжая мимо старого парка, она заметила, как солнечные лучи пробиваются сквозь листву и рассыпаются золоты-

ми искрами. На секунду ей показалось, что это не просто свет, а маленькие поздравления от города. И она тихо рассмеялась, не громко, а так, чтобы этот смех остался внутри, согрел её ещё сильнее.

Океан справа дышал ровно, мощно, как будто задавал ритм её мыслям. Шум волн смешивался с ветром, с урчанием двигателя, с лёгким звоном её браслетов, когда она касалась руля. Это была её симфония утра: не музыка, а жизнь, звучащая на своей собственной частоте.

Этот филиал ЦНИЦА не был главной штаб-квартирой. Он не поражал масштабом и не внушал трепет. Но в нём была своя сила: здесь кипела исследовательская жизнь, здесь данные превращались в открытия.

Её кабинет был светлым, заставленным мониторами, с большой картой Аджи на стене, изломанной, суровой, будто нарисованной резкими штрихами. Сев за стол, Карина сразу погрузилась в работу. На экранах разворачивались данные с орбитальной станции «Аджи-2» — сухие цифры, графики, тепловые карты. Она геолог, и её взгляд мгновенно выхватывал аномалии там, где обычный человек видел лишь линии и точки. Сегодня данные за периметром сектора D3 выглядели несовсем стандартно. Особенно на востоке. Какие то отклонения в параметрах, не типичные.

Впереди предстояло сопоставить с данными, полученными с пяти метеостанций, на самой планете, за последние сутки. Скучаная рутина, но для Карины. Она чуть откинулась на

спинку кресла, посмотрела на карту Аджи. Планета, которая не хочет быть понятой. Но Карина не любила сдаваться. Она любила разгадывать.

— Ну что, Аджи, — тихо сказала она, будто планета могла её услышать. — Давай посмотрим, что ты прячешь в своих каньонах.

И снова склонившись над экранами, начала выписывать первые гипотезы — чёткие, логичные, но уже пронизанные тем самым азартом, который обещал: этот день будет важным.

Пальцы бежали по клавиатуре быстро, уверенно, как будто знали, что делают. И где-то глубоко внутри, под слоем профессиональной собранности, жило чувство, которое она редко себе позволяла называть вслух: счастье. Простое, рабочее, настоящее. Счастье женщины, которая знает, что делает своё дело хорошо, и знает, что вечером её будут ждать дома, не для отчётов и не для совещаний, а просто чтобы налить ей то самое вино, сесть рядом и послушать, как она рассказывает про Аджи и про то, как упрямая планета наконец-то начала раскрывать свои секреты.

Глава 11 Песчаный странник

Аджи не была гостеприимной планетой. Она не притворялась дружелюбной, не обещала лёгкой жизни. Она просто стояла — древняя, сухая, упрямая, будто сама её кора помнила времена, когда здесь было иначе. И теперь она напоминала об этом каждому, кто пытался на ней задержаться. И это было честно.

Техник Кайл Джавад шагнул за шлюз станции «Аджи-1», и мир сразу стал другим. Не просто чужим, а будто сделанным из иного материала. Воздух ударил по лицу не мягкостью, а зернистостью: в нём висела тончайшая пыль, настолько мелкая, что она не оседала, а жила, кружась в невидимых потоках. Кайл невольно задержал дыхание, но пыль всё равно проникла в ноздри, осела на языке горьковатым привкусом камня и железа. Дышать здесь можно было свободно, воздух не был ядовитым, просто сухим, до першения в горле, до лёгкого жжения в ноздрях. Но эта сухость въедалась в кожу, в одежду, в технику, и избавиться от неё можно было только за шлюзом, и то не надолго.

Кайл шагнул вперёд ровно, без суеты, но в этом шаге чувствовалась собранность, будто тело знало: рывок может понадобиться в любую секунду, если вдруг потребуется.

Его форма песочного оттенка, тёплый бежево-песочный

цвет. Окрас для службы, где песок превалирует.

Крой не обтягивал, но и не висел мешком: он был рассчитан на движение. Плечевой пояс чуть смещался вперёд, создавая тот самый наклон корпуса «готов к шагу». На локтях и коленях — защитные вставки; на ключевых точках — съёмные бронепластины каплевидной формы: они лучше закрывали стыки и не мешали двигаться. Пластины держались на липучках и быстросъёмных замках — можно было менять под задачу, не теряя времени.

На шее у Кайла — тонкая цепочка с маленьким жетоном, который он никогда не снимал. На запястьях потёртые браслеты-фиксаторы для инструментов; в металл намертво въелся песок. Он привычно поправил цепочку, движение, которое он даже не замечал.

Тонкая красная линия на плече и узкая метка на визоре шлема выдавали в нём сержанта. Не броско, не ярко, ровно настолько, чтобы свой увидел, а чужой не сразу разглядел. Шлем он не стал одевать и держал под мышкой.

Ветер здесь не был ветром в привычном смысле. Он не дул, он двигался, перекатывался, как тяжёлая волна. Сейчас он был едва ощутимым, лениво перебирал сухие ветви кустарников, заставляя их скрипеть, словно старые кости. Но в этом тихом скрипе уже слышалось обещание: ветер умел становиться другим. Он умел расти, наливаться силой, превращаться в шторм, который не просто сбивает с ног, а будто хотел стереть тебя с поверхности мира.

Кайл посмотрел на горизонт. Прямо перед ним, вдалеке, через двести километров, тянулся горный хребет — острые, темные ломаные линии, будто застывшие удары грома. Между горами темнели провалы пещер, чёрные, бездонные, и казалось, что из них тянет не просто холодом, а чем-то древним, тяжёлым, будто само время там текло иначе. Его дорога шла прямо от Аджи 1, через семьдесят километров была развилка. Именно вчера, Тия Сенеб и Илайя Мендес, два научных сотрудника, двигадись по этой дороге, и ушли правее, на «западное направление». Ему же предстояло на развилке взять еще правее, так же позже пересечь хребет, но в другом ущелье, и примерно через пятьдесят километров будет стоять метеостанция три— конечная точка сегодняшнего маршрута. Там где-то за ней, дальше были каньоны, которые терялись в собственной тени, и даже солнце, яркое и безжалостное, не могло выжечь из них мрак. Об этот свидетельствовала разведка с воздуха.

Сейчас Кайл стоял спокойно, без напряжения в плечах, но собранно, так, как стоял всегда, когда оценивал обстановку: не как герой, готовый броситься вперёд, а как человек, который знает, что здесь бой — это не драка, а терпение и точность. Кайлу Джаваду было тридцать четыре. Три года и семь месяцев он провёл на Аджи — этого достаточно, чтобы перестать удивляться, но недостаточно, чтобы перестать уважать. Он был сержантом вооруженных сил Аррубина, служил техником, часто работал по поручениям исследователь-

ской группы ЦНИЦА, и за эти годы изучил этот маленький клочок планеты — сектор D3 не по картам, а по ощущениям: по тому, как меняется ветер, как скрипят камни, как ложится пыль на металл.

Кайл был среднего роста, плотный, собранный, не перекачанный, а вылепленный работой. Смуглая, обветренная кожа, резкие скулы, упрямый подбородок. На левой щеке тонкий старый шрам: память о срочном ремонте шлюза, о минуте, когда металл мог сорваться в любой момент, а он не отступил. Коротко стриженные волосы, на висках уже пробивалась ранняя седина, тонкая, как пепельная пыль. Глаза тёмно-карие, почти чёрные, с тёплым янтарным отблеском, который становился заметнее при свете станции. Во взгляде всегда читалось внимание: он не смотрел «в пространство», он считывал детали: трещину на стене, странную тень, едва заметное дрожание антенны.

Небо над Аджи жило своей жизнью. Сейчас оно было почти прозрачным, бледно-красным, обманчиво спокойным. Но Кайл знал: это спокойствие — лишь пауза. Стоит ветру набрать силу, как на горизонте соберутся тяжёлые, свинцовые тучи. Они будут ползти, как живые, и в их глубине зародятся молнии, резкие, белые, слепящие, будто кто-то рвёт небо на части. Гром здесь звучал не раскатом, а ударом, который отдавался в груди, заставляя сердце на мгновение замирать. И при этом дожди практически никогда не приходили. Тучи грозили, сверкали, гремели, но оставляли поверх-

ность сухой. Осадки были здесь редкостью, почти легендой, и каждый раз, когда редкие капли всё же падали на камни и песок, это воспринималось как что-то почти священное — будто сама планета решила на миг приоткрыть свою тайну.

Температура была умеренной, пригодной для жизни, но не дарила уюта. Это было тепло без доброты, нейтральное, равнодушное, словно планета просто позволяла тебе существовать, но не собиралась делать это существование приятным.

И над всем этим, высоко в небе, на орбите вращалась «Аджи-2» — огромная станция в форме волчка. Она висела над практически над «Аджи-1», вращаясь синхронно, будто две части одного механизма. Если бы атмосфера была менее плотной и более прозрачной, то снизу бы казалось, что орбитальная станция почти касается вершин самых высоких гор, хотя на самом деле между ней и поверхностью лежали километры, сотни километров пространства. С «Аджи-2» пытались изучать этот мир, отслеживать его капризы, строить карты, предсказывать штормы. Но плотная атмосфера Аджи искажала данные, прятала свою поверхность под пеленой пыли и плотних облаков. Даже с орбиты нельзя было получить точную картинку. За двести лет люди изучили лишь не более одного процента поверхности всей планеты — и каждый новый участок открывал столько загадок. Ответов становилось меньше, только появилось больше вопросов.

В районе дислокации «Аджи-2» было единственное место

в атмосфере, где можно было совершить безопасный спуск на планету. Будто Аджи сама так решила, впустить человека в свои владения, но только в роли скромного гостя, и только через одну дверь. Связь между двумя станциями держалась на канале прямой связи, сообщение осуществлялось кораблями «Сапсан» и «Стриж», которые курсировали между орбитой и поверхностью, когда позволяла погода. В плохие дни канал дрожал, обрывался, и тогда «Аджи-1» оставалась одна, наедине с планетой, которую понимала куда лучше, чем орбитальные сенсоры.

Намиссания не выделяла больших средств на изучение Аджи. Пустыни и скалы не приносили прибыли, не сулили ресурсов, которые можно было бы добывать и выгодно продавать. Планета оставалась на периферии интересов, тихой и упрямой, словно ждала, когда кто-нибудь наконец услышит её шёпот. А пока её изучали мелкими шагами, по крупицам собирая знания, будто расшифровывали древний, забытый язык.

Небо над Аджи не было голубым, оно никогда не бывало таким в системе созвездия Амарра. Его окрашивала багрово-фиолетовая туманность, висевшая в межзвёздной пустоте, словно гигантский шрам на теле космоса. Свет здесь бывал временами и бледным, и красным, тягучим, будто процеженным сквозь тонкую ткань из ржавчины и сумерек. Словно космическое пространство Аррубина дышало. Днём было достаточно светло, бывало тусклее, но можно было лег-

ко различать контуры гор и трещины в скалах, но тот свет этот не грел и не радовал, иногда он ложился на пустыню тяжёлым, плотным слоем, придавая песку оттенок запекшейся крови, а камням — мрачный, почти чёрный отлив.

Задание Кайла было простым и оттого особенно важным: добраться до метеостанции, провести техобслуживание, заменить несколько модулей, снять архивы данных и передать их в ЦНИЦА. Путь на машине около двухсот пятидесяти километров. Не так уж много по меркам планеты, но каждый километр здесь стоил отдельного внимания.

Рядом с Кайлом стоял его товарищ.

«Песчаный странник» — трёхосный бронированный грузовик, кабина совмещенная с кунгом, чуть наклонившийся на рессорах, будто и правда устал от вечных дорог, но ни на секунду не собирался сдаваться. Тёмно-зелёный цвет давно перестал быть ровным: он выцвел, поблёк, местами обнажив рыжие и серые пятна — следы песка, ветра и времени. На борту серой краской был выведен списочный номер «03», на двери — простое, без затей, «Аджи», выведенное оранжевой краской, будто кто-то хотел, чтобы даже в самой глухой буре это слово можно было разглядеть.

С виду грузовик был предельно утилитарным: длинный капот плавно переходил в массивную кабину, затянутую толстыми бронестёклами с микросеткой, чтобы пыль не налипала, а запотевание не мешало видеть дорогу. А сразу за кабиной возвышался крупный прямоугольный кунг, в кото-

рый можно было пройти из кабины. Как из кабины пилота в основной отсек, если бы ты находился в корабле. Три оси, шесть колёс: крупные, с массивными дисками и шинами с глубокими протекторами, рисунок которых будто специально создавался, чтобы цепляться за любой песок, любую россыпь камней. Арки простые, без декоративных накладок, зато с запасом пространства: грязь, камни, песок летели, машина держала удары. Узкие щели плазменных светильников вместо привычных фар давали резкий, холодный свет, который резал темноту пустыни, не рассеиваясь в пыли. По бокам кузова тянулись рёбра теплоотводов, похожие на костяные пластины древнего зверя. А на крыше покачивались телескопические антенны связи: тонкие, вытянутые, живые, словно усики гигантского насекомого, прислушивающегося к ветру. Они выдвигались на разную высоту, ловя сигнал сквозь пелену пыли, и в их тонких основаниях мерцали крошечные индикаторы, зелёные, когда связь стабильна, тускло-красные, когда она дрожала.

Кайл провёл ладонью по ребру борта, ощущая под пальцами шероховатость металла и въевшуюся в него пыль. «Странник» не был для него просто машиной — он был напарником, который не задаёт лишних вопросов и не спорит. Он просто ехал. И в этом было что-то надёжное, почти успокаивающее. Кайл кивнул ему, как кивают перед дорогой старому другу, и забрался в кабину. Он знал эту машину до последнего болта, и она отвечала ему тем же: не подводила в

бурю, не глохла на крутых подъёмах, не сдавалась там, где сдавались другие. Иногда ему казалось, что «Странник» понимает Аджи лучше людей, будто чувствует: где песок рыхлый, а где под ним камень, где ветер вот-вот сменит направление. Он относился к грузовику не как к технике, а как к напарнику, и дважды проверял каждую деталь не из паранойи, а из уважения — эта машина уже не раз спасала ему жизнь.

Кайл закрыл водительскую дверь, отсекая от себя шум ветра, и запустил энергоконтур. Он отозвался низким, утробным гулом, который Кайл чувствовал скорее спиной, чем ушами. Панель приборов ожила, высветив десятки показателей: давление в шинах, температуру узлов, уровень заряда, плотность пыли в воздухе, прогноз по ветру. Всё было в норме — насколько это слово вообще имело смысл на Аджи. В кабине пахло нагретым металлом, старой кожей сиденья и канифолью — запах, который Кайл знал так же хорошо, как привкус пыли на языке. Он щёлкнул тумблером охлаждения, и из-под панели раздался привычный, чёткий щелчок реле. Значит, всё на месте.

Кайл выдохнул, коснулся тангенты и произнёс ровно, без лишних эмоций: низкий, спокойный, рубленый. Голос человека, который не повышает его даже, когда вокруг ревёт ветер.

— «Стриж-1», это «03». Маршрут подтверждаю. Выдвигаюсь в квадрат D3J4.

В наушниках что-то хрустнуло, потом донёсся отдалён-

ный гул турбин, не ветра, а двигателей, прогретых и ждущих. И голос, который Кайл узнал сразу: чуть хрипловатый, быстрый, с этой непоколебимой лёгкостью, будто человек не в истребителе сидит, а в кафе заказывает кофе.

— Принял, «03». Я в ангаре, наготове. Что-то пойдёт не так — кричи, я уже лечу.

Это был Рон Шварц. Старший пилот, «Стриж», открытый ангар, готовность номер один. Кайл знал, что Рон не просто так сидит в кабине, он действительно готов: двигатели прогреты, шлем еще не на голове, руки пока не на штурвале. В открытом ангаре, где ветер шевелит пыль и гудит в металлических фермах, «Стриж» стоит, чуть дрогнув на подвеске, как птица, которая не спит, а ждёт.

— Понял, — коротко ответил Кайл. — Надеюсь, не понадобится.

— Надеяться — хорошо, — отозвался Рон, и Кайл готов был поклясться, что тот улыбается. — А готовиться — лучше. Удачи, Кайл.

Кайл чуть кивнул в пустоту кабины и закрыл канал. Проезжая мимо открытого ангара, он краем глаза зацепил силуэт «Стрижа» — узкий, острый, как лезвие, со сложенными плоскостями. Ветер гулял по ангару, шевеля пыль на полу, но «Стриж» стоял неподвижно, будто не замечал ни ветра, ни пыли. Одна антенна на крыше ангара качнулась, и Кайл отвёл взгляд. Дальше была пустыня.

Грузовик медленно выехал со стоянки, оставляя за собой шлейф пыли, который тут же подхватывал ветер и уносил прочь, словно стирая сам факт его отъезда. Дорога шла по прямой, ровная, открытая, без извилин. Песок здесь был плотным, утрамбованным ветрами до почти каменной твёрдости, и «Странник» шёл уверенно, чуть покачиваясь на неровностях, но не теряя хода. Впереди, вдалеке, тянулся горный хребет — те самые острые, ломаные линии, что Кайл видел со станции. Двести пятьдесят километров до метеостанции. Он вёл машину осторожно, выбирая траекторию так, чтобы не застрять в рыхлом песке, который иногда появлялся там, где его быть не должно. Иногда приходилось ехать по прямой, глядя по сторонам, и тогда пустыня открывалась во всей своей суровой красоте. Но дорога была протоптана со вчерашнего дня и следы «Шторм Х» не полностью занесены.

В кабине было тихо, только гудел контур и шуршали показания датчиков. Кайл любил эту тишину. Где-то позади, в открытом ангаре «Аджи-1», Рон Шварц сидел в «Стриже» и, наверное, уже напевал что-то себе под нос, Кайл слышал это раньше: в эфире, между вызовами, тихий обрывок тяжёлого рока, будто Рон не мог молчать, как не мог не дышать. Иногда этот звук раздражал, иногда забавлял, но всегда означал одно: Рон на месте, Рон готов. Если пустыня всё-таки решит пойти на тебя, уж точно не останешься один на один с ней. Кайл постучал пальцами по панели, не в такт, просто, что-

бы почувствовать, что руки на месте, и повёл «Странника» дальше.

Спустя пройденные километры, начали встречаться полусухие деревья с узловатыми стволами, которые жались к земле, будто пытались спрятаться от ветра. Их листва была жёсткой, пыльной, почти серой, и шелестела так тихо, что этот звук сливался с шумом ветра, становясь его частью. Кустарники цеплялись за трещины в камнях, их корни, толстые и извилистые, напоминали жилы, в которых текла не кровь, а сама упрямая воля к жизни.

Между горами дорога становилась чётче: здесь песок сменялся гравием, утрамбованным колёсами и ветрами до состояния почти каменной плиты. Кайл прибавил скорость, чувствуя, как машина уверенно держит курс. Горы нависали над дорогой, их склоны были изрезаны трещинами и промоинами, в которых гнездились тени. В некоторых местах скалы сходились так близко, что между ними оставалось лишь узкое ущелье, по которому грузовик должен был проехать, едва не касаясь бортами каменных стен.

В этом ущелье ветер менялся: он уже не гулял свободно, а метался между скал, ударяясь о камни и возвращаясь назад, словно не мог решить, в какую сторону ему дуть. Деревья здесь росли гуще, их кроны сплетались над дорогой, образуя неровный свод, сквозь который пробивались красные лучи местных солнц. Свет ложился на кабину пятнами, то вспыхивая, то гаснув, будто кто-то играл с выключателем.

Постепенно ущелье расширилось, и Кайл выехал на обратную сторону хребта. Отсюда открывался вид на долину, где стояла метеостанция.

Она показалась вперёди. Одноэтажное, приземистое, цвета невыделанного бетона, серое, почти сливающееся с каменистой почвой, будто росло из неё. Квадратное, угловатое, без единого лишнего изгиба. Над входом чёрная, потёртая надпись: «Метеостанция 05». Буквы когда-то были ровными, а теперь слегка облупились, и песок забился в их углы, будто Аджи пыталась стереть даже название. Большие тонированные окна, от пола до потолка, тёмные, почти зеркальные, в которых отражалось красноватое небо. Через стекло не было видно ничего: только собственное отражение пустыни, будто здание не хотело показывать, что у него внутри.

А на крыше, сверху были антенны. Не одна, а несколько: основная, похожая на раскрытый цветок с острыми лепестками, медленно поворачивающаяся и сканирующая небо. Рядом локатор, плоский, похожий на наклонённый щит, и несколько более мелких модулей, разбросанных по крыше, как детали механизма, который кто-то собирал в спешке, но с толком. Вокруг здания тянулись ряды солнечных панелей, покрытых пылью, но всё ещё способных вырабатывать энергию. Всё вместе выглядело так, будто здание вросло в землю и держится на ней не силой, а

упрямством, с которым сама Аджи держалась за свои тайны. Кайл смотрел на здание несколько долгих секунд, привы-

кая к тишине. Станция не приветствовала. Она просто стояла и ждала, когда человек докажет, что пришёл по делу, а не из любопытства.

Он заглушил энергоконтур «Странника». Гул стих не сразу, ещё пару мгновений кабина продолжала вибрировать, будто машина никак не могла поверить, что путь окончен. Кайл подождал, пока дрожь уйдёт, и только потом открыл дверь.

Пустыня встретила его тем же сухим ветром, но здесь, в долине, он был чуть тише, горы гасили его ярость, оставляя только настойчивость. Кайл застегнул воротник, прикрывая шею от пыли, и шагнул к входу. Его ботинки глухо стукнули по бетонной плите, которая когда-то была подъездной площадкой, а теперь растрескалась и поросла жёсткой серой травой.

Подошел к входу в станцию, коснулся панели у двери. Та мигнула тусклым красным. Питание было, но система не спешила узнавать гостя. Кайл достал свой пропуск, приложил к считывателю и тихо выдохнул, когда огонёк сменился на зелёный. Замок щёлкнул, дверь чуть дрогнула и медленно отъехала в сторону, открывая тёмный проём.

Внутри пахло не пылью, а чем-то другим: озоном, старым пластиком и едва уловимой горечью перегретых плат. Тишина здесь была не пустой, а напряжённой, будто станция держала дыхание. Кайл шагнул внутрь, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Перед ним тянулся коридор.

Внутри станция делилась на несколько комнат: аппаратная с рядами стоек и тускло мигающими индикаторами, жилой отсек с узкой койкой и шкафчиком, где кто-то из прошлых смен оставил старую кружку и потрёпанный блокнот, и центральный узел с пультом управления, покрытым тонким слоем пыли. Но Кайл редко спускался ниже первого этажа — его работа была снаружи, там, где техника сталкивалась с Аджи лицом к лицу.

Под зданием уходил вниз еще один ярус, подземный, технический. Туда Кайл не спускался. Он просто знал об их существовании: там располагались резервные генераторы, системы фильтрации и склады запчастей. Эти уровень был спрятан под песком и камнем, будто станция хотела укрыть самое уязвимое от ярости пустыни. Для Кайла это была просто часть инфраструктуры — важная, но чужая: туда ходили другие люди: инженеры и научные сотрудники, которые разбирались в схемах и резервных линиях, серверах, данных, а не в том, как держится антенна при штормовом ветре.

Кайл подошел к центральной панели управления, стер с экрана слой пыли, перевел все системы слежения станции в сервисный режим, питание на крыше перестало подаваться, он знал, что локатор остановился. Можно приступать к работе.

Он вышел обратно на улицу, обошел здание и поднялся по внешней лестнице на крышу, привычно проверяя каждую

ступеньку — металл был холодным и шершавым, покрытым тонкой коркой песка.

Сверху здание выглядело ещё более утилитарным: антенны уже не поворачивались, не сканировали небо, локатор, похожий на наклонённый щит, не ловил слабые сигналы сквозь пылевую пелену, тоже не двигался.

По крыше были разбросаны модули — прямоугольные боксы с вентиляционными решётками, потемневшие от времени и песка. Именно здесь, на крыше, Кайл и проводил основную часть работ: менял изношенные модули, чистил контакты от въевшейся пыли, проверял крепления, чтобы их не сорвало первым порывом ветра. Он знал каждый узел наизусть, где металл уже устал, где резьба начала сдавать, где песок успел проникнуть внутрь и превратить надёжное соединение в источник помех.

Кайл открыл крышку, осмотрел внутренности: пыль въелась в платы, контакты потемнели, один из разъёмов едва держался. Он аккуратно отсоединил старый модуль, убрал его в сумку и поставил новый — тот щёлкнул на месте, и индикаторы тут же загорелись ровнее, ярче. Ещё два таких же блока и крыша снова будет держать связь, даже если ветер начнёт рвать и метать.

Закончив, он ещё раз проверил крепления, убедился, что все панели плотно закрыты, а антенны стоят ровно. Потом спустился вниз, обошёл здание по периметру, отмечая в планшете мелкие детали: где песок насыпался слишком гу-

сто, где тень от локатора легла иначе, чем в прошлый раз. Это не было частью инструкции, просто привычка человека, который знает: на Аджи любая мелочь может стать предупреждением.

Стало заметно, что ветер уже набирал силу, перекатываясь по долине, уже чувствовалось приближение бури. Появилось чувство, будто за ним кто-то наблюдает. Такое тонкое и уловимое чувство, может интуиция. Никого не было на горизонте, ни в горах, никаких движений, но это чувство не покидало, только усиливалось.

Он вошел внутрь здания, восстановил питание антен и локатора с центральной панели, огляделся и покинул станцию, пошел к машине, которая стояла в метрах пятидесяти и ждала его. Перед отъездом он оглянулся на метеостанцию — серое здание с чёрной надписью, тонированными окнами и антеннами, и локатором, который медленно поворачивался, сканируя местность: горы, небо, окрашенное в багровые и фиолетовые тона. Всё выглядело так же, как и час назад, но теперь в этом пейзаже было что-то новое, не мистика, не странность, а просто осознание: Аджи не была дружелюбной. Она была равнодушной, древней, упрямой, и это равнодушие порой пугало сильнее любой угрозы. Она смотрела на него своими горами, песком. Атомосфера, давящая морально, в очередной раз говорила тебе, ты здесь пищинка и я даю тебе возможность побыть здесь, вернуться на станцию, но лишь до того момента, пока не передумаю.

Кайл сел в кабину, запустил контур и поехал обратно. Ветер стал сильнее, но это ещё не была буря. Он связался с базой, доложил, что едет обратно, и сообщил, что в поддержке транспорта не нуждается. Голос в эфире звучал так же ровно, как и при выезде: ни дрожи, ни напряжения. Просто человека, который делает свою работу.

После нескольких часов дороги, Кайлу показалась «Аджи-1», во всех своих деталях, и он рассматривал знакомую картину, как в первый раз.

Станция стояла на плато, будто её не построили, а вырастили из света и холода. Не куб и не цилиндр — несколько вытянутых, чуть изогнутых «лепестков», расходящихся от общего центра. Каждый лепесток — отдельный модуль, но вместе они складывались в силуэт, который выглядел, как застывшее движение: будто архитекторы хотели поймать в металле ветер, которого на Аджи практически никогда не заканчивается. Светло-серая, почти белая, с добавлением черного, она спорила с красноватым небом и рыжим песком. Эта станция была заявлением, людей, когда то ступивших на поверхность суровой и неукротимой планеты, людей, здесь оставшихся: «Мы здесь, и мы не сольёмся». Чёрные панорамные окна, от пола до потолка, строгие, как тёмные зеркала, в которых отражалось небо. Иногда казалось, что станция не смотрит на мир, а слушает его.

Антенны — тонкие шпили, тянущиеся вверх, к звёздам. Не украшение, а нерв: по ним станция слушала космос, лови-

ла слабые сигналы, считала далёкие пульсары и ждала, если вдруг кто-то позовёт. А фундамент уходил вниз, под поверхность, верхние ярусы гордо стояли над пустыней, а дальше конструкция уходила под грунт, образуя несколько подземных уровней. Снаружи видна лишь часть, настоящая мощь скрыта внизу. Площадка перед входом — тёплый камень, ступени широкие, удобные, будто рассчитанные на людей, которые возвращаются уставшими. Над входом гордая надпись: «Аджи-1». Не золотые, черные.

В стороне стояла техника. Тёмно-зелёные грузовики и вездеходы, будто их специально красили так, чтобы они выглядели чужеродно на фоне песка. На бортах — номера серой краской: 008, 023, 117. Каждый номер был чётким, немного потёртым, каждая машина со своей историей. На дверях надпись «Аджи» оранжевого цвета, с тонкой белой обводкой, чтобы читалась даже в пыльной буре. «Стрижи» стояли в грузовом терминале, выносливые труженики, такие же зелёные, цвета хвои с серо-голубыми днищами. Они стояли так, будто отдыхали после долгих полётов над каньонами и дюнами. В одном, открытом ангаре «Стриж» Рона стоял на месте, двигатели остывали, кабина уже была пуста, и Кайл знал, что Рон где-то внутри станции, без шлема, уже без этой своей готовности номер один. До следующего раза.

И всё это в не заканчивающимся звуке ветра. Едва различим далёкий, ровный гул собственных систем станции, будто она дышит.

Кайл знал, что ждёт его внутри: тонированная дверь с глухим звуком закроется за спиной, и тишина станет другой не мёртвой, а защищённой. Мягкий янтарный свет, деревянные панели на стенах, фотографии улыбающихся людей на фоне дюн. Запах хлеба, на станции всегда пекли хлеб — первый сигнал, что ты дома. Коридоры с мягкими изгибами, не пугающие, а ведущие. Столовая, где длинные столы из настоящего дерева, отполированные. Лампы дают мягкий золотистый свет, в котором усталость кажется не такой тяжёлой. Командный центр, где экраны показывают каждый маленький кусочек изученного мира: периметр, небо, подземные уровни, энергосеть, погоду. Подземные ярусы: склады, мастерские, энергоузел, архив, где станция хранит не только цифры, но и короткие заметки людей.

Станция не кричала, не требовала внимания. Она говорила делами: светом, теплом, запахом хлеба, ровными коридорами, где всё на своих местах. Она была спокойной, собранной, терпеливой, но требовательной, ведь Аджи не прощала небрежности.

И в этом противостоянии: станция и планета, металл и камень, свет и равнодушие, было что-то честное. Человек не притворялся, что понимал этот мир, а просто старался удержаться на его поверхности, пока ветер шептал свои древние истории, а горы молчали, храня свои тайны. А станция стояла рядом, не только как щит, а как дом, который держит людей, пока они держатся за него.

— Говорит «ноль третий», — подхожу к дому, — спокойным голосом доложил Кайл.

В эфире на секунду повисла тишина, потом щёлкнул канал, и голос Рона прозвучал ровно, по-деловому, будто он всё ещё держал в голове чек-лист перед вылетом:

— Принял, ноль третий. Периметр закрыт, ветер в норме, заход разрешаю. Ты как, без повреждений?

— Без повреждений, — ответил Кайл ровно. — «Странник» не подвёл.

— Он никогда не подводит, — согласился Рон, и в голосе уже проскользнуло что-то личное, тёплое. — Но я всё равно сидел. Двигатели грел. На всякий случай.

Кайл улыбнулся, зная, что это не «на всякий случай». Рон сидел в кабине три часа, не потому что должен, а потому что так делал всегда, когда кто-то из своих шёл в пустыню. Так было и в прошлый раз, и в позапрошлый. «Стриж» не взлетал ни разу, но каждый раз был готов.

— Спасибо, Рон, — сказал Кайл и впервые за весь выезд улыбнулся. — За то, что был наготове.

— Да брось, — голос Рона стал совсем обычным, почти домашним. — Мы же команда. Ты по земле, я по небу. Кто-то должен прикрывать, всегда. Так и добрался без происшествий и в этот раз.

Кайл поставил «Песчаного странника» в ангар, аккуратно выровняв его по меткам на полу. Выключил зажигание, и кабина будто выдохнула вместе с ним: гул контура стих,

сменившись привычным шумом вентиляции и далёким перестуком чьих-то шагов по металлу. Он посидел ещё минуту, просто слушая эту тишину, которая здесь не пугала, а была частью порядка. Размял уставшие плечи и вышел.

Воздух в ангаре пах озоном, нагретым маслом и пылью — обычный запах ангара, родной. Кайл стряхнул с рукава серый слой песка, который успел въесться в ткань, и, не торопясь, пошёл к выходу, на улицу.

Снаружи уже сгущались сумерки. Красное небо уже наливалось фиолетовой тяжестью, но это всё ещё была не буря, просто вечер на Аджи. То самое время, когда планета будто чуть опускает голос, становясь не грозной, а просто огромной. Ветер гулял по площадке, перекатывая сухие комки травы, но не пытался сбить с ног, пока лишь напоминал, что он здесь.

Кайл смотрел вперёд, в пустыню, где виднелся хребет, откуда он вернулся только что. Где-то там, дальше, на восьмой метеостанции еще работают Тия и Илайя.

Он продолжал смотреть на хребет. Сейчас не было ни ужаса, ни странного ощущения чужого взгляда. Атмосфера была обычной, стандартной, насколько это слово применимо к Аджи. Но Кайл понял одно: планета не приняла его в союзники. Она просто не забрала его, пока.

И тут из соседнего ангара, где стоял «Стриж», показался Рон. Он шёл, широко шагая, пружинистой, лёгкой походкой человека, который привык держать равновесие даже на

качающемся полу: жилистый, худощавый, но с этой особенной силой в плечах, будто в нём умещалось куда больше, чем позволяла его фигура. На макушке очки-авиаторы, воротник лётного комбинезона расстёгнут, рукава закатаны до предплечий, открывая загорелые, жилистые руки с длинными, подвижными пальцами.

Лицо у него было узким, с острыми скулами, с сильной челюстью, которая придавала ему ту самую жёсткость, незаметную с первого взгляда. Его тёмные, почти чёрные глаза были живыми, быстрыми, и стоило ему улыбнуться, как всё лицо будто вспыхивало: крупные передние зубы, чуть выступающие вперёд, делали улыбку не идеальной, но невероятно заразительной, мальчишеской, несмотря на аккуратные, ухоженные усы, ровно очерчивающие верхнюю губу.

Он напевал себе под нос какую-то старую песню, сначала чистым, сильным голосом, легко перекрывая гул станции, а в конце, на высокой ноте, резко ушёл в гроулинг.

— Ну вот, — довольно протянул Рон, подходя ближе и широко улыбаясь. — А я уж думал, придётся лететь, тебя спасать. Но ты опять всё сам.

— «Странник» не подвёл, — спокойно ответил Кайл, чуть приподняв уголок губ. — И ты, как всегда, прикрывал.

— А как же, — Рон хлопнул его по плечу — крепко, по-дружески, так, что Кайл едва заметно качнулся, но тут же привычно выровнялся. — Я же не могу просто так сидеть. Двигатели грел. На всякий случай.

Кайл посмотрел на него, на эту улыбку, впервые, за весь день по-настоящему расслабился.

— Спасибо, — сказал он просто. — За то, что не сидел, сложа руки.

— Да ладно, — отмахнулся Рон, но в глазах у него было тепло. — Ты бы для меня то же самое сделал. Мы же не просто люди — мы команда.

Они стояли друг напротив друга, улыбаясь, и в этой улыбке не было ничего героического, только облегчение и радость от того, что всё обошлось. Потом Рон протянул руку, и Кайл крепко её пожал, по мужски. В этом было все глубокое уважение друг к другу.

— Пойдём, — кивнул Рон в сторону центральных дверей. — Там Иса сегодня опять хлеб пекла. Говорит, тесто получилось особенно удачным.

— Она пекла хлеб? — удивился Кайл.

— Да шучу, братан! — засмеялся Рон, толкнув аккуратно в бок Кайла.

Они пошли рядом, услыбчивые, не спеша, без суеты, обсуждая, когда же вернуться девченки с дальнейшей метеостанции.

— Твоя миссия закончена на сегодня, а я то в режиме ожидания до сих пор, — сказал Рон.

— Серьезно, ты еще сутки будешь караулить? — сочувствующе спросил Кайл.

— Да расслабься, снова шуту, Тео приглядит за ними, ес-

ли, что. Он уже в готовности номер два, — ответил Рон.

Перед ними возвышались большие тонированные двери «Аджи-1» — массивные, надёжные, прозрачные изнутри, но снаружи отражающие лиловое небо и рыжие дюны. Две закрылись за ними и отсекли звуки пустыни.

Рон на ходу снова тихо запел, ту же песню, но теперь уже про себя, настроение было хорошим. И Кайл вдруг поймал себя на том, что слегка тоже подтягивает мелодию, совсем тихо, почти не слышно.

Внутри было тепло. Мягкий янтарный свет лился с потолка, сглаживая углы и тени. В воздухе витал густой, уютный запах дерева и свежего хлеба. Где-то далеко слышался спокойный голос, кто-то докладывал о закрытии периметра, кто-то смеялся над какой-то старой шуткой. Станция жила своей размеренной жизнью, и в этом гуле, в этом свете, в этом запахе было самое главное: ты дома.

Кайл глубоко вдохнул и почувствовал, как с плеч сползает не только пыль, но и тяжесть этих пятисот километров. Он не герой, не спаситель, не тот, кто бросает вызов планете. Он простой человек, который делает свою работу. И у которого есть место, куда можно вернуться.

— Я же говорил, испекла хлеб, чувствуешь? — Рон хлопнул его ещё раз по плечу, подмигнул и пошёл вперёд, снова напевая, теперь уже чуть громче, будто хотел разбудить эту тишину и заставить её звучать.

А Кайл шёл следом, оглядываясь по сторонам, на дере-

вянные панели, на фотографии на стенах, на длинные столы в столовой, где уже собирались люди. И понимал: да, Аджи не стала дружелюбной. Она осталась древней, равнодушной, упрямой. Но здесь, за этими стенами, было то, что сильнее её равнодушия — люди, которые не сдаются, и дом, который держит.

Глава 12 Кого пустыня отпускает

Кайл и Рон шагнули в общий зал, и время будто споткнулось. Панорамные окна, выходящие на пустыню, превратились в экраны кошмара.

Небо, и без того окрашенное в багровые и фиолетовые тона туманности, стало почти чёрным, тяжёлым, как мокрая ткань. По горизонту, словно когти исполинского зверя, тянулись тёмные полосы. Ветер, который ещё несколько минут назад был просто настойчивым, теперь выл, царапая стены станции так, будто хотел добраться до их кожи.

Майор Вин Торн, начальник «Аджи-1», стоял у окна, сжав кулаки так, что побелели костяшки. На скулах лёгкая краснота, будто он только что вернулся с улицы, где ветер бил в лицо, и холод ещё не успел выветриться из костей. Он не шевелился, только чуть хмурил густые брови, и в этой неподвижности чувствовалась не растерянность, а стальная попытка удержать контроль.

У пульта напротив сидела Иса Хамад, лейтенант, заместитель Торна. Её спина была прямой, но в плечах читалось напряжение, не скованность, а готовность сорваться с места. Пальцы бежали по клавиатуре с привычной скоростью, но взгляд, прикованный к экранам, был слишком острым, будто она пыталась разглядеть сквозь помехи саму суть бури. Она

не смотрела в окно, она смотрела туда, где шторм оставлял следы в цифрах.

— Прогноз с «Аджи-2» был чистым, — тихо сказала она, почти шёпотом, будто боялась, что звук привлечёт бурю. Её пальцы на секунду замерли над клавишами, а потом снова задвигались — быстрее, резче. — Никаких аномалий. Ни всплесков, ни сдвигов. Ничего.

— Значит, они не увидели, — ответил Торн. Голос у него был ровный, без крика, но в нём чувствовалась тяжесть, как будто каждое слово он вытягивает из себя, чтобы не дать панике растечься по залу. — Или планета не захотела, чтобы её увидели.

Буря налетела не постепенно. Она ударила, как кулак. Песок, поднятый ветром, стал почти жидким, текучим, он хлестал по окнам с такой силой, что стекло едва слышно звенело. Свет снаружи померк, и в зале зажглись аварийные лампы, придавая лицам красноватый оттенок, похожий на кровь.

Все стояли у окна и смотрели, как пустыня превращается в кипящий океан пыли. Кайл чувствовал, как этот ветер пытается проникнуть внутрь, найти щель, ворваться и всё перемешать. В горле пересохло, а в груди что-то сжалось, не паника, но холодный, липкий страх перед тем, чего нельзя увидеть.

Рон покачал головой без улыбки. Он стоял чуть позади Торна, и Кайл заметил, как пилот сжал и разжал кулаки —

профессиональная привычка, когда хочется схватить штурвал и увести всех прочь, но уйти некуда.

— Закат 1, Закат 1! Приём! — пыталась связаться Иса с метеостанцией восемь. В ответ — только треск помех, похожий на скрежет зубов.

— Я на птичку, жду сигнала! — крикнул Рон и побежал к коридору, ведущему в ангар. Его ботинки глухо застучали по полу, и этот звук на секунду перекрыл вой ветра.

Торн проводил его взглядом и снова уставился в окно. Он глубоко вдохнул, будто набираясь терпения, и сказал:

— Пока рано паниковать. Буря, связи нет — это нормально. Просто пусть Тео будет готов к вылету, с Роном на пару.

— Есть, — тут же ответила Иса, голос её звучал чётко, но в интонации проскользнула едва уловимая дрожь. — Тео, приём, готовность номер один. Ждём, когда закончится буря. Если связь не восстановится, летишь с Роном!

— Принял, — ответил Тео, голос был спокойный, но с нотками напряжения, как у струны, натянутой до предела. — Жду указаний. Рон уже здесь.

Рико Сурин, сержант, техник станции, стоял у окна. В его неподвижности чувствовалась та самая собранная плотность, не напряжённая, а спокойная, будто он сам стал частью стены, выдерживающей напор стихии. За стеклом бушевала песчаная буря: плотные рыжие вихри кружились, сливаясь в сплошной поток, и казалось, что станция вот-вот растворится в этом ревущем мареве.

Он не прижимался лбом к стеклу и не вглядывался лихорадочно, он сканировал. Его тёмно-карие, почти чёрные глаза ловили не просто движение песка, а ритм бури: где она давит сильнее, где на секунду стихает, чтобы ударить с новой силой. В этом внимательном взгляде не было страха, только холодный расчёт. Он мысленно сопоставлял то, что видел снаружи, с тем, что слышал внутри — с вибрацией пола, с едва уловимым изменением тона вентиляции, с тихим писком датчиков.

Форма сидела свободно, привычно, так, чтобы можно было в любую секунду сорваться с места и уйти в шахты, к панелям, к кабелям. На рукаве тускло поблёскивала нашивка сержанта, на груди бейдж с позывным, а на поясе был набор инструментов, который он носил как продолжение себя. Но сейчас он не тянулся к ним. Сейчас он просто стоял и смотрел, прислушиваясь к станции, как врач прислушивается к пульсу больного.

Буря длилась минут десять. Она не нарастала и не затихала плавно. Она просто была, а потом исчезла, оставив после себя тишину, которая казалась громче любого ветра.

И только тогда они увидели: дорогу, по которой Кайл вернулся, замело тонким, ровным слоем песка. Следы «Песчаного странника» частично исчезли, будто пустыня аккуратно оставила эту линию, показывая, что она решает, что останется, а что исчезнет.

— Она что-то хотела сказать, — прошептала Иса. Её голос

дрогнул, и она тут же сжала губы, будто ругая себя за эту слабость.

— Или просто напомнила, кто здесь хозяин, — добавил Торн. Он провёл ладонью по стеклу, стирая невидимую пыль, и его пальцы чуть дрогнули.

Кайл смотрел на бледный след протекторов, чувствовал, как внутри шевелится страх. Не панический, а тихий, ледяной. Аджи не приняла его в союзники. Она просто не забрала его, пока.

Тишина бывает разной. Бывает уютной, когда можно услышать собственное дыхание. А бывает зловещей, когда она давит на уши, заставляя прислушиваться к каждому шороху. Именно такая тишина повисла на «Аджи-1», когда пропал сигнал с дальнего датчика в квадрате D3J5.

Иса продолжала связываться с Тией и Илайей, пока безуспешно. Проверила три резервных канала, сверила таймштампы, дважды пересчитала координаты. Её движения были экономными, почти хирургически точными, но в каждом жесте чувствовалась упрямая надежда, которая с каждым «нет» сжималась всё сильнее. И только когда все варианты технического сбоя были исчерпаны, она подняла глаза — спокойно, но так, что все в комнате замерли:

— Нет сигнала, — сказала она тихо. — И это не пыль.

Торн подошёл к столу, положил ладони на холодную поверхность и наклонился к экрану, будто мог силой воли вернуть эту точку на место. Его плечи чуть опустились вперёд,

не от усталости, от готовности принять вес. В воздухе витал лёгкий запах озона, будто буря оставила после себя электрический привкус.

— Возможные причины? — спросил он.

— Пыль, — сразу ответил Рико, который уже поднялся от панели и теперь стоял рядом, протирая руки ветошью. Его голос звучал ровно, без лишней драмы. — Песок мог забить всё, что можно.

— Шторм, — добавила Иса. — Тот, что был только что, мог повредить антенну. Я уже запросила телеметрию с внешних камер, если там есть механические повреждения, мы увидим. Хотя диагностика «Аджи-1» не говорит о каких либо проблемах.

— Аномалия, — тихо сказал Кайл. Он не любил это слово, но оно само сорвалось с языка.

Торн посмотрел на него.

— Не надо мистики, — сказал он. — Нам нужны факты.

Но факты были неутешительными. Датчик стоял в зоне, где не должно быть сильных ветров, где скалы защищали его от песка. И если он молчал, значит, что-то было не так. Тишина в зале стала почти осязаемой, она давила на уши, заставляя прислушиваться к каждому шороху.

— Ждём двадцать минут, — сказал Торн, — сначала всё-таки попробуем восстановить связь.

Они пытались. Перезапускали каналы, отправляли тестовые сигналы, проверяли резервные частоты. И тишина отве-

чала им молчанием.

В комнате становилось душно. Воздух, который всегда пах пылью и металлом, теперь казался тяжёлым, будто пропитался напряжением каждого из них. Будто в нём растворился сам страх.

И вдруг точка на экране мигнула. Серая стала жёлтой, потом зелёной. Сигнал вернулся.

Иса выдохнула, и этот выдох был похож на всхлип, единственный признак того, что напряжение её тоже сжимало. Пальцы, ещё секунду назад жёстко отбивавшие команды, вдруг дрогнули, и она на мгновение прижала их к груди, будто пытаясь удержать внутри этот резкий всплеск облегчения.

— Что случилось? — спросил Торн, не веря в такую лёгкость.

— Не знаю, — призналась Иса, и в её голосе впервые скользнула тень сомнения. — Просто вернулся. Как будто кто-то щёлкнул выключателем. Или планета решила, что мы достаточно понервничали.

Рико нервно рассмеялся, коротко, без веселья:

— Наверное, песок сдуло ветром. Или аномалия прошла.

Но Кайл не смеялся. Он смотрел на экран и думал о том, что тишина не бывает случайной. Она всегда что-то значит.

— Закат 1, Закат 1! Приём! — напряжённым голосом вызывала Иса метеостанцию.

— Закат 1, на связи, приём, — послышался голос Тии Се-

неб.

Весь штаб с облегчением выдохнул. Даже вентиляция, казалось, на секунду загудела чуть тише, будто и станция вздохнула вместе с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.